

АЛЬБЕРТ НАЛЧАДЖЯН

ПСИХИКА, СОЗНАНИЕ,
САМОСОЗНАНИЕ

Альберт Налчаджян

**Психика, сознание,
самосознание**

«Налчаджян Альберт Агабекович»

2011

УДК 159.9
ББК 88

Налчаджян А. А.

Психика, сознание, самосознание / А. А. Налчаджян —
«Налчаджян Альберт Агабекович», 2011

ISBN 978-9939-53-849-5

В книге, на основе достижений различных областей современной психологии и смежных наук, исследуются фундаментальные проблемы психологии: природа сознания, подсознательного, бессознательного и самосознания, их взаимодействия и динамика. Особое внимание уделяется вопросам генезиса подсознательного, процессам осознания человеком своих психических содержаний. Многостороннему исследованию подвергается самосознание личности, ее структура, мотивационные потенции, расщепление «Я» и многие другие вопросы. Выдвигаются также концепция о природе и динамике психической энергии и новая теория воли. Автор предлагает много новых идей, концепций и гипотез, которые представляют интерес не только для специалистов, но и для всех тех читателей, которые следят за развитием современных наук о человеке.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-9939-53-849-5

© Налчаджян А. А., 2011
© Налчаджян Альберт
Агабекович, 2011

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Уровни существования психики	8
Глава 1. Психика как реальное бытие	9
§ 1. Реальное бытие психики	9
§ 2. «Вертикальная» структура или уровни эндопсихики человека	10
§ 3. Психическое пространство, пространство мозга и локализация	10
§ 4. Мозг, психика и экстрасенсорное восприятие	13
§ 5. Является ли функция материальным явлением?	14
§ 6. О генезисе психического в филогенезе и онтогенезе животных	15
§ 7. Бессилие физиологии и необходимость психологии	15
Глава 2. Бессознательная психика	18
§ 1. Бессознательная сфера	18
§ 2. Новые соображения о структуре инстинкта	21
§ 3. Инстинкты и познавательные процессы	25
§ 4. Темперамент, задатки и бессознательное	26
§ 5. Психика, бессознательное и ее динамика по Юнгу	29
§ 6. Новые эмпирические доказательства концепции наследственного бессознательного	31
§ 7. Эндоптические образы (фосфены) как элементы наследственного бессознательного	33
§ 8. Сон, сновидения, бессознательное	35
§ 9. Психогенетика речи и языка, и проблема бессознательного	38
§ 10. Чувствительность и о генезисе бессознательной психики	38
§ 11. «Психогенетический закон»	39
Глава 3. Подсознательная сфера психики	41
§ 1. Подсознательное	41
§ 2. Пути формирования подсознательной сферы	42
§ 3. Психическое содержание подсознательной сферы	45
§ 4. Сновидения – особый вид подсознательной активности	49
§ 5. Установки и подсознательное	50
§ 6. Пренатальное восприятие речи и бессознательные основы социализации	51
§ 7. Психический характер подсознательной и бессознательной активности	52
§ 8. Подсознательное и предсознательное	52
§ 9. Психологические коды на подсознательном уровне	56
§ 10. Подсознательная актуализация содержаний долговременной памяти	57
§ 11. Формы существования психических содержаний	60
§ 12. Динамика подсознательного и процессы памяти	62

§ 13. Внушение, конверсия и подсознательные механизмы психики	63
§ 14. Фрейдовское представление о бессознательном	64
§ 15. Язык и подсознательное	67
§ 16. О соматических выражениях подсознательного	68
§ 17. Карл Юнг о бессознательном	68
§ 18. Бессознательное, сновидения и уровни психики	71
§ 19. Архетипы, инстинкты и бессознательное «понимание»	75
Глава 4. Психическая энергия	77
§ 1. Психическая энергия и психофизическое поле	77
§ 2. Психофизическое поле и психическая энергия	80
§ 3. Закон сопряжения и гипотеза о психической энергии	81
§ 4. Мысли, образы и мотивы – сгустки психической энергии	83
§ 5. Динамика психической энергии (о каналах ее протекания)	84
§ 6. Об источниках психической энергии	85
§ 7. Закон сохранения психической энергии	87
§ 8. «Психосоциальный барьер» в социальной психологии (об одной полезной аналогии)	88
§ 9. Рассуждения о возможности измерения психической энергии	88
Глава 5. Сознательный уровень существования психического	90
§ 1. Сознание: общая характеристика и о его мозговом центре	90
§ 2. К проблеме чужого сознания	93
§ 3. Процесс осознания психических содержаний	94
§ 4. Перцептивная защита и процесс осознания психических содержаний	100
§ 5. Процесс осознания и механизм изоляции	101
§ 6. Какие психические содержания легче осознаются?	102
§ 7. Противоположность осознания – контросознание	103
§ 8. Бодрствование и сознание	104
§ 9. «Поток сознания» и «поток психики»	105
§ 10. Обсуждение концепции У. Джеймса о потоке сознания	107
§ 11. «Психологическое настоящее» в потоке сознания	109
§ 12. Сознание и объективация	110
§ 13. Апперцепция и сознание	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Альберт Налчаджян

Психика, сознание, самосознание

© Налчаджян А. А.

Предисловие

В данной монографии автор представляет как основные достижения психологии в исследовании психики, сознания и самосознания, так и результаты собственных исследований. Отчасти полученные автором результаты уже были изложены в его трудах предыдущих лет, некоторые же здесь представляются впервые.

Излагаются концепции автора о «вертикальной» структуре психической сферы человека, о природе сознания и подсознательного, структуре Я-концепции и самосознания в целом, о механизмах и закономерностях интроспективного процесса, о генезисе Я-концепции, об адаптивных функциях Я-образов, другие новые идеи.

Автор считает, что каждому психологу для того чтобы плодотворно работать в своей области, даже при исследовании частных вопросов, полезно систематически размышлять над теми фундаментальными вопросами нашей науки, которые обсуждаются на страницах книги. Настоящая монография первоначально была задумана как общетеоретическое введение в серию монографий о фрустрации и психологической защите, над которыми автор работает. Но в ходе работы она превратилась в самостоятельный и объемистый труд, который мы решили опубликовать отдельно. Развиваемые в нем концепции позволяют нам на более солидной теоретической основе выдвинуть те конкретные проблемы психологической защиты и защитно-адаптивных стратегий, которые станут предметом исследования в последующих наших публикациях.

Альберт Налчаджян, январь, 2011 г.

Часть первая. Уровни существования психики

В первой части настоящего труда мы рассматриваем общую структуру и уровни психики человека, формы существования психических явлений. В отдельных главах подробно рассматриваются бессознательные, подсознательные и сознательные формы существования психических явлений. Личному же самосознанию посвящается вторая часть книги.

Глава 1. Психика как реальное бытие

§ 1. Реальное бытие психики

Психика личности – часть реальности. Она своеобразна, но существует в этом мире так же, как и всякий иной предмет или явление природы. Ни один серьезный исследователь – философ или психолог – не отрицал и не может отрицать реальность бытия психического в этом мире. Даже убежденные материалисты считались с реальностью психического, хотя понимали и продолжают понимать психическое как отражение мозгом человека материального мира. Но отраженное также, как специфическая форма бытия, может существовать более или менее самостоятельно и долго.

Психика человека как бытие, по-видимому, состоит из двух крупных блоков, которые в процессе развития личности в какой-то мере объединяются в общую структуру психической сферы индивида. Один, *первичный блок*, идет из глубин эволюционного прошлого и представлен в личности в виде наследственного бессознательного, о котором речь пойдет на последующих страницах, а второй или, вернее, *вторичный блок* психики, развивается в процессе онтогенеза индивида в результате познания и переживания окружающего мира и собственной активности. Во второй блок входят сознание, подсознательное и самосознание личности. Объединение двух названных крупных блоков есть общая психическая структура личности (психическое, душа), которая продолжает свою жизнь до конца клинической фазы умирания человека и отделяется от тела при наступлении биологической смерти. Не исключено, что индивидуальная психика с центром в «Я» продолжает существовать и после смерти тела человека. Говоря о возможном существовании психики человека после физической смерти его тела, мы имеем в виду не метафорическое, отраженное существование в психике других людей, а реальную жизнь психики с ее организующим центром «Я» в реальном мире после наступления биологической смерти тела¹.

Более проблематичным является реальное бытие и существование в этом мире этнического психического склада и самосознания. Данный сложный вопрос был подвергнут обсуждению в другой нашей работе².

Итак, хотя в данной монографии обсуждаются не только общетеоретические и мета-научные, но и многие конкретные психологические вопросы, мы бы хотели, чтобы читатель воспринял ее в качестве попытки создания *онтологической психологии* – науки, которая изучает формы и способы бытия психического в этом мире.

Поскольку настоящая книга все же в основном посвящена проблемам личного сознания и самосознания, следует сказать следующее: место и роль самосознания (Я-концепции) личности невозможно понять без учета многоуровневой структуры психики и того факта, что психическая активность человека одновременно протекает на различных уровнях. С рассмотрения многоуровневой структуры и динамики психики человека мы и начнем наше исследование. Анализ любого психического явления не может быть достаточно глубоким, если он не опирается на адекватную концепцию структуры психической активности человека. Понимание каждого конкретного проявления психики возможно лишь при условии приложения к нему и конкретизации общих структурно-функциональных представлений и открытых общих закономерностей протекания психической жизни человека.

¹ Вопрос об этапах умирания человека нами обсуждается в следующей книге: Налчаджян А. А. Загадка смерти. Очерки психологической танатологии. М., СПб., «Питер», 2004.

² См.: Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб., М.: «Питер», 2004.

§ 2. «Вертикальная» структура или уровни эндопсихики человека

Проблемы уровней и структуры психики человека мы начали разрабатывать многие годы назад. Если в монографии об интуиции эта проблема лишь намечалась, то в книге «Личность, психическая адаптация и творчество» уже была предложена подробно разработанная и в достаточной мере обоснованная концепция об уровнях психики человека³. Ниже мы представим основные идеи этой концепции с некоторыми изменениями и дополнениями, накопившимися в итоге размышлений последующих лет. Излагаемая в настоящем и последующих нескольких параграфах концепция структуры психики будет для нас определяющей при обсуждении всех последующих проблем сознания и самосознания.

В психологической литературе, посвященной проблемам сознания, бессознательного и самосознания, до сих пор царит некоторая путаница понятий и представлений: отождествление психики с сознанием, разговоры о «сновидном сознании» и т. п. Эта путаница представлений и терминов обусловлена нерешенностью ряда важнейших теоретических проблем психологии, в том числе проблемы структуры и уровней психической сферы и активности человеческой личности. Иначе, используя до некоторой степени образное выражение, эту проблему можно назвать проблемой «вертикальной» структуры психической активности (и психики) человека. Выражение «горизонтальная структура» мы оставляем для описания структуры деятельности и ее протекания во времени.

Вполне понятно, что выдвигаемые ниже представления не являются истиной в последней инстанции и могут стать предметом обсуждения.

Анализ эмпирических данных и ряда частных концепций позволяют нам выдвинуть положение, согласно которому психическая активность человека протекает на четырех основных уровнях психики, а именно: бессознательном, подсознательном, на уровне сознания и, условно, на уровне самосознания. Перечисление названных уровней вовсе не означает, что представление об уровне строении психики мы просто постулируем. Ниже приводятся эмпирические и теоретические аргументы в пользу такого представления. Кроме слова «уровень» для обозначения названных подструктур психики, мы будем употреблять также понятие «сфера». Психика, таким образом, состоит из четырех основных уровней или сфер. В таком случае всю психику можно представить в виде такой гиперсферы, которая включает названные выше три сферы. Ниже мы попытаемся раскрыть содержание и взаимосвязи названных понятий и соответствующих им психологических реальностей.

§ 3. Психическое пространство, пространство мозга и локализация

А. Психическое и мозговое пространство. – Поскольку психика – самостоятельное бытие, то нетрудно понять, что ее пространство не может совпадать с пространством мозга. Эти два пространства взаимодействуют, но не совпадают. Психическое пространство наполнено находящейся в динамическом состоянии психической энергией, а мозговое пространство – это часть материального мира, заполненная физиологической субстанцией, с которой теснейшим образом связана психическая активность человека.

Поэтому психофизиологическая проблема заключается в нахождении тех механизмов и форм взаимодействия, с помощью которых психика проникает в мозг, а мозг детектирует

³ См.: Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. М., «Мысль», 1972, с. 88–89 и др.; его же: Личность, психическая адаптация и творчество. Ереван. Изд-во «Луйс», 1980, гл. 1.

психику и, возможно, под влиянием психической энергии, продуцирует новые ментальные явления. Поэтому еще предстоит исследовать следующие вопросы: 1) Что такое психическая энергия, где и как она возникает и как она обеспечивает психическую активность человека? – (Проблему природы функций и преобразований психической энергии мы подробно обсуждаем в отдельной главе). 2) Каким образом мозг играет свою роль детектора психических явлений в окружающем пространстве? 3) Если даже психическая энергия генерируется в организме, в его специальных мозговых центрах, она все же, по всей вероятности, не есть материя или, во всяком случае, чистая материя. Психическая энергия – это специфический носитель информации, которая принимает вид образов, символов, мыслей, эмоций и комплексных переживаний. Без психической энергии названные и многие другие психические явления или совсем не генерируются, или, возникая, не удерживаются в памяти (подсознательном). ***Можно утверждать, что каждая мысль, каждый образ, символ и т. п. – это сгусток структурированной специфическим образом психической энергии.*** 4) Движение психических содержаний следует сопоставить как с движением в мозгу (с мозговой электрохимической активностью), так и с движением во внешнем физическом и социальном мире.

Б. Локализация в мозгу психических процессов или же лишь локализация физиологических механизмов психики? – При исследовании онтологических аспектов психики обсуждение проблемы локализации в мозгу психических процессов и способностей приобретает специальное значение. Действительно, в принципе можно согласиться с утверждением, что без физиологических процессов в организме человека, в первую очередь в головном мозгу, психические процессы невозможны. Но поскольку в материи мозга при самом тщательном исследовании психические процессы и содержания не обнаруживаются (Дж. Экклз, Х. Дельгадо и др.), то возникает вопрос: действительно ли психическое (т. е. психические функции, способности и процессы) локализуется в мозгу? Или же в головном мозгу локализуются только физиологические механизмы и «следы» психических процессов, способностей и воспоминаний?

Мы склонны думать, что более вероятно последнее утверждение, а именно: ***в голове человека локализуются физиологические механизмы психического, а не сами психические процессы и их содержания. Психическое связано с этими физиологическими процессами, опирается на них, без них, возможно, не могло бы выражаться в известных нам формах, но никак не сводится к ним.***

Если эта гипотеза верна, то в таком случае вопрос о локализации собственно психических процессов остается открытым. Истина состоит в том, что лучше не иметь решения проблемы вообще, чем довольствоваться иллюзорным решением.

Отсюда мы еще раз и с иных позиций приходим к выводу о том, что ***психические явления локализуются в особом психическом пространстве, а не в пространстве мозга, которое является частью материального мира.*** Если даже продолжать считать психическое функцией мозга, то можно предположить, что эти функции физиологических процессов, либо детектируются и обнаруживаются в гипотетическом психическом пространстве, либо, если даже продуцируются мозгом, исходят из него и продолжают свое существование в ином мире, а именно – в мире (пространстве) психических феноменов. Другое дело, что пока мозг жив и нормально функционирует, психическое пространство сопрягается с ним, живет вокруг него и проникает в его структуры, приводя в активное состояние и даже в движение нейроны и синапсы, вызывая движение нервных импульсов, образование нейронных цепей и т. д.

Сходную идею о том, что в мозгу человека локализуются не сами психические явления, а их физиологические механизмы, высказал еще физиолог Б. В. Беляев в 1953 году (исходя, по-видимому, из идей английской школы физиологов Ч. Шеррингтона и других), но

в то время он был подвергнут строгой критике за «идеализм»⁴. Беляев, конечно, был прав. Высказанную им идею необходимо вновь оживить и применить в исследованиях, касающихся соотношения психического и физиологического, в частности – при попытках решения проблемы локализации психических процессов, свойств и способностей человека в мозгу.

В. О последствиях сенсорной изоляции (постепенное раскрытие психического пространства). – В настоящее время экспериментальные исследования по сенсорной изоляции уже широко известны. Их результаты представляют специальный интерес для психологии, и здесь мы попытаемся соответствующим образом интерпретировать некоторые из них.

Насколько нам известно, впервые подобные исследования проводились в университете МакГилл (США) группой психологов под руководством Д. О. Хебба (D.O.Hebb). В качестве испытуемых были привлечены студенты. Им предложили некоторое время оставаться в сурдокамерах, лежа на удобных кроватях, им надевали очки, которые пропускали диффузный свет, вследствие чего восприятие предметов у них отсутствовало. На руках они носили картонные манжеты, которые не ограничивали движения суставов, но уменьшили тактильные ощущения. Испытуемые оставались в этих камерах от двух до шести суток, пока не просили о прекращении эксперимента. Через регулярные интервалы времени психологи задавали им вопросы и предлагали тесты.

Реакции разных испытуемых были различными, но никому из них, как отмечают психологи, эксперимент не приносил радости. Когда испытуемые начинали думать о своих личных проблемах, изоляция воспринималась более тяжело. Им все труднее было решать тесты, поскольку нелегко было сосредоточить на них свое внимание. У них появлялись галлюцинации. Вначале симптомы нарушения психической активности были слабыми. Закрывая глаза, они замечали, что визуальное поле стало светлым (вместо нормального черного поля). При продолжении опыта в зрительном поле испытуемых появлялись световые точки, линии или простые геометрические фигуры, позже – различные узоры. В случае более длительного нахождения в экспериментальной камере появлялись образы отдельных объектов, но без фона. У некоторых испытуемых появились даже целостные сцены с такими искажениями, которые характерны для сновидений. Испытуемые были удивлены этим галлюцинациям, так как они никогда ничего подобного не переживали. Некоторых из них стал интересовать вопрос, что же будет дальше. Некоторые жаловались на то, что живость появляющихся галлюцинаций не позволяет им спать.

Как можно истолковать подобные результаты в свете нашей теории психического пространства? Мы предлагаем следующую *гипотезу: перед нами разворачивается процесс постепенного раскрытия перед внутренним взором испытуемых психического пространства (поля)*. Отрыв от физического пространства является необходимым условием раскрытия (открывания) перед внутренним, интроспектирующим вниманием личности психического пространства, в которое мы все время погружены, но не осознаем это. Восприятие физического пространства подавляет восприятие всегда окутывающего нас и проникающего в нас психического пространства.

Можно также выдвинуть идею, согласно которой при сознательном восприятии окружающего мира в сфере нашего сознания физическое и психическое пространства взаимопроникают, составляя *единое психофизическое пространство*. Это означает, что при восприятии физического мира мы не выходим за пределы наших восприятий. Психофизическое пространство полно латентных психических содержаний, часть которых появляется у личности в виде галлюцинаций. (Исследование галлюцинаций для понимания психики и ее основ представляет исключительный интерес).

⁴ См. об этом в книге: Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: «Соцэкгиз», 1961, с. 158.

Если считать, что галлюцинации являются индикаторами существования психического пространства, то тем самым можно будет утверждать, что перед нами новое направление исследований, ведущее к более глубоким слоям реальности – единого психофизического пространства, которое может расщепляться на физическое и психическое «слои». Мы полагаем, что как и физическое пространство, психическое пространство также существует объективно как вне тела человека, так и внутри одновременно, но оно в каждом человеке индивидуализируется в процессе онтогенетического формирования как личности. В принципе такая же индивидуализация имеет место – через интериоризацию – и в случае физического пространства.

§ 4. Мозг, психика и экстрасенсорное восприятие

В настоящее время более приемлемым является дуалистический взгляд на соотношение мозга и психики. Любопытно, что дуалистический взгляд на мир высказывают также современные крупные физиологи, не говоря уже о психологах, т. е. такие ученые, которые, казалось бы, должны быть убежденными материалистами. Еще Ч. Шеррингтон заявил, что мозг является органом связи между телом и душой. А Джон Экклз, один из видных нейрофизиологов XX века, писал, что мозг является именно такой машиной, которой может оперировать душа (дух, ghost). Структура и химизм мозга, согласно Экклзу, показывают, что он не есть генератор сознательной психики, но является детектором и усилителем психических процессов. Психика является особым полем (пространством).

Над этой проблемой размышляет также известный психолог С. Барт. Рассматривая точку зрения Экклза, Барт добавляет, что если принять ее (точку зрения Экклза), то телепатия и другие «паранормальные» явления следует считать вполне приемлемыми и допустимыми. И тогда, согласно С. Барту, всякое восприятие есть форма ясновидения⁵.

Органы чувств и мозг Барт считает специфическими фильтрами, которые экранируют все ясновидческие восприятия, кроме тех, которые в условиях настоящего момента имеют биологическое значение. Поэтому другие виды ясновидческих восприятий (экстрасенсорные восприятия) происходят подсознательно. Этот механизм селекции частично прирожден, но быстро созревает у цивилизованных взрослых, поскольку на него оказывают сильное влияние потребности и интересы личности. У детей и представителей отсталых народов паранормальные явления, по мнению Барта, встречаются значительно чаще, чем у зрелых граждан цивилизованных стран.

По этой причине Барт соглашается с Ульманом и Криппнером в том, что паранормальные явления проявляются в таких «диссоциированных состояниях», каким является сновидное состояние. Но чье это состояние, кому оно принадлежит? Это состояние не психики, а мозга, – отвечает Барт. Это мозговая, а в более общей форме – физиологическая диссоциация. Ненормальным может быть только физиологическое. Мозговая диссоциация означает, что мозг часто перестает работать как компетентный селективный фильтр, вследствие чего психические процессы прямого ясновидения и телепатии появляются с большей вероятностью. Сновидные мыслительные процессы инфантильны, отмечает Барт и выражает мнение, что если мы не будем уподобляться маленьким детям, мы не будем в состоянии войти в царство нематериальных мистических взаимодействий.

При пробуждении ото сна, особенно у взрослых, фильтр быстро приходит в действие, и сновидные переживания почти полностью исчезают (улетучиваются, fade away). Барт как-то сказал: с ним часто бывает, что в течение дня, когда происходит что-то важное, он с удив-

⁵ См. в книге: Ullman M., Krippner S. (with A. Vaughan). Dream Telepathy. New York: Macmillan Publishing Co., 1973, pp. 245–246.

лением говорит самому себе: «Боже мой! Я, кажется, прошлой ночью видел во сне что-то очень похожее на это!» («Dear me! I seem to have dreamt something very like this last night»)⁶.

Временное частичное подавление фильтрующего механизма во время сна делает мозг человека более восприимчивым, доступным для экстрасенсорных и мистических переживаний.

У многих цивилизованных людей паранормальные явления встречаются редко даже в сновидениях, утверждает Барт. Но не так редко, как обычно думают. Очень слабые и смутные (нечеткие) паранормальные явления, недоступные для сознания, встречаются довольно часто. Интуитивные догадки гениев, по мнению Барта, связаны с паранормальными явлениями упомянутого типа или обусловлены ими. Одним из свидетельств этого он видит в том факте, что такие озарения нередко имели место в сновидениях⁷.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования паранормальных явлений Барт считает изучение этого явления у детей и особенно у гомозиготных близнецов. Барт исследовал близнецов для решения проблем умственной одаренности, но он (как и раньше Фрэнсис Гальтон) наблюдал у них случаи телепатии.

Подобные сведения представляют интерес как для общей теории психологии, так и для психологии творчества и личности, поскольку речь идет о самих первоосновах психики, о том, откуда берется психическое и как оно существует. Важнее всего то, что как и автор настоящих строк, вышеупомянутые исследователи пришли к мысли о существовании особого психического пространства. Мы полагаем, что исследование интуиции, сновидений и парасенсорных явлений приблизит нас к раскрытию фундаментального психофизического поля и механизмов его проявления с участием мозга.

§ 5. Является ли функция материальным явлением?

Выше мы допустили, что хотя бы часть психических явлений могла бы продуцироваться мозгом. Именно для таких случаев верно утверждение, что психика является функцией мозга, хотя генерируемые мозгом психические содержания не всегда можно считать функциями. (Разве мозг генерирует собственные функции?). Например, различные предметы материального мира также имеют свои функции (или, иначе, функциональное назначение), но разве они сами продуцируют свои собственные функции? Мозг и другие органы тела человека также имеют свои функции, но вряд ли можно утверждать, что они сами продуцируют свои функции. Эти функции – просто особые свойства данных органов, которые раскрываются в процессе взаимодействия с другими органами и с факторами внешнего мира. Свои функции имеют также социальные объекты – индивиды, группы, организации и т. п.

Возникает вопрос: являются ли функции названных материальных объектов также явлениями материальными? Функция – это свойство предмета. Это то, что можно делать с помощью данного предмета, например молотка. Но является ли функция молотка также материальным явлением? Когда я утверждаю, что молоток предназначен для того, чтобы забивать гвозди, то говорю ли я только о материальном или также, о психическом явлении? Если функция предмета – это только материальное явление, то почему эта функция не видна, не воспринимается нашими органами чувств как материальная вещь, а раскрывается, проявляется только с помощью нашего мышления? Где локализуется функция предмета? В его структуре, свойствах и признаках? Но все же, что это такое? Потенциальная возможность?

⁶ Указ. соч., с. 247.

⁷ См.: Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. М.: «Мысль», 1972; его же: Ночная жизнь. СПб, Москва: «Питер», 2004.

Если психика – это свойство или функция мозга, то каким образом она живет в мозгу человека? Нетрудно утверждать, как это делают ортодоксальные материалисты (сторонники материалистического монизма), что психическое является свойством или функцией мозга. Но в таком утверждении мы не видим настоящего понимания источника, сущности и локализации психического.

§ 6. О генезисе психического в филогенезе и онтогенезе животных

Проблема генезиса психики на Земле – одна из кардинальных в науках о жизни. Для решения этой проблемы в первую очередь необходимо иметь четкие критерии психического. Если сформулировать вопрос в несколько традиционном духе и использовать понятие «отражение» (хотя психическое – это не только отражение), то можно спросить: чем отличается психическое отражение от остальных форм отражения? Чем оно специфично?

Мы полагаем, что специфичными являются три «вещи»: 1) появление психического образа, идеального образования, которое может существовать в памяти животного и человека и после удаления отраженного предмета; 2) появление отношения у субъекта отражения (ощущения, восприятия) к воспринятому объекту; это отношение выражается в виде эмоций и чувств; 3) появление внутренней активности, сочетаемой с реактивностью. Между тем в истории психологии по обсуждаемому вопросу выдвигались такие суждения, которые сегодня нам представляются даже странными. Так, И. П. Павлов считал, и его последователи в течение долгих десятилетий повторяли, что критериями психического являются: 1) появление у животных, помимо безусловных, также условно-рефлекторных связей; 2) отражение животными не только тех объектов, которые имели биологическое значение, но и тех, которые такого значения не имеют. Это последнее – отражение объектов, которые не имеют непосредственного биологического значения – и считалось критерием того, что возникла психика⁸.

Если продолжить эту странную логику, то придется сказать, что восприятие биологически значимых объектов (например, нападающего врага или пищи) не является психическим процессом, а вот восприятие какого-то камня является психическим отражением. Такая вот «научная» логика.

Поскольку возникновение психики на Земле имело место миллионы лет назад, то с точностью восстановить «дату» этого процесса, конечно, невозможно. В качестве ориентира можно взять следующее положение: появление первых, самых элементарных ощущений и инстинктов и есть начало возникновения психики. Инстинкт же предполагает наличие у животного органов чувств. Поэтому можно даже утверждать, что психическое возможно вместе с возникновением у животных первых, самых элементарных, органов чувств. Причем зрение возникло позже. Первыми появились ощущения соприкосновения.

Проблема генезиса психики в филогенезе и онтогенезе – вот одна из величайших тайн природы. Можно полагать, что в природе изначально существовала потенциальная возможность возникновения жизни и психики. Возможна ли жизнь без психики – это другой вопрос.

§ 7. Бессилие физиологии и необходимость психологии

Как известно, до сих пор, несмотря на порой невероятные претензии, физиология почти ничего не может сказать о механизмах таких высших психических явлений, как воля, цель и целеполагание, желание и намерение и т. п. Современная физиология бессильна в

⁸ См.: Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: «Соцэкгиз», 1961, с. 95–96.

объяснении тех сложнейших психических явлений, которые наиболее интересны для понимания личности и ее жизни в социальном мире.

Именно этот факт был в свое время констатирован Б. Ф. Поршневым. Говоря о трудностях физиологического (в частности – «павловского») объяснения сложных психических явлений, он пришел к следующему выводу: «И вот некоторая группа наблюдаемых явлений заставляет их (физиологов – А. Н.) заговорить изгнанным, чисто психологическим языком, поскольку физиологический набор понятий тут бессилён»⁹.

Вот это бессилие и до сих пор до конца не осознается многими физиологами и «психологами». Поршневу справедливо замечает, что хотя И. П. Павлов в своих лабораториях строго запретил сотрудникам говорить на языке субъективных переживаний (т. е. психологическими понятиями), он сам очень часто и произвольно делал это. И это неслучайно. Приведя такого рода пример, Поршневу явно рационализирует в пользу физиолога, когда говорит: «Этот пример говорит о том, что мысль И. П. Павлова как физиолога еще не охватила таких явлений высшей нервной деятельности животных, еще не заметила их как специфического объекта физиологии и не имела даже рабочей гипотезы для их объяснения»¹⁰. Если даже высшие формы поведения животных были недоступны объяснению на основе рефлекторной теории, то нечего и говорить об эвристичности этого «учения» в области психологии человека.

Рефлекторная теория совершенно неприменима для объяснения сознательной деятельности. Те попытки искусственного применения рефлекторной теории в области высших психических явлений, которые предпринимались последователями Павлова, потерпели фиаско, провалились. Наиболее смелые из советских ученых к такому заключению приходили давно. По-видимому прав был Ч. Шеррингтон, когда утверждал, что в процессе сознательной активности рефлекторные акты никогда не наблюдаются¹¹. Эту идею Шеррингтона остро критиковал Поршневу, тем самым допуская явное противоречие в своих взглядах: он говорил, что даже условные рефлексы высокого порядка никак не помогают пониманию речи и сознания. В другом месте Поршневу приводит слова «бывшего сотрудника» Павлова, физиолога Г. В. Скитина, который писал, что «не все действия животного можно объяснить рефлекторной схемой: побуждения приходят не только из внешней среды, но и из внутримозговых провоцирующих воздействий центров и анализаторов друг на друга»¹². Подобные идеи в свое время грубо подавлялись, что нанесло значительный вред развитию как физиологии, так и психологии.

Возникает вопрос: если верно все сказанное, то почему рефлекторная теория упорно сохранялась в СССР? Еще в 70-е годы автор настоящих строк сделал об этом короткую запись для себя. Она не потеряла своего значения и приводится здесь с некоторыми уточнениями: «1) Согласие рефлекторной теории с марксистскими идеями о возможности манипулировать людьми: а) «личность есть совокупность отношений», б) «изменив социальные условия, можно создать нового человека» и т. п. 2) Удобство в качестве «научной» основы программирования поведения начиная с детских лет; (любопытно, что неудачи в этом деле не сделали адептов павловской физиологии более мудрыми). 3) Легкость усвоения рефлекторной теории даже для людей без соответствующей научной подготовки; в числе последних – политики. 4) Легкость применения с целью модификации поведения. 5) Антигуманность: если как животные, так и люди живут рефлексам и мы уничтожаем и даже поедаем животных, то почему бы не поступить таким же образом и с людьми? Рефлекторная теория

⁹ Поршневу Б. Ф., О начале человеческой истории. Москва: «Политиздат», 1966, с. 202.

¹⁰ Поршневу Б.Ф., указ. соч., с. 203.

¹¹ См.: Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Ленинград, 1969, с. 366.

¹² Поршневу Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 280–281.

не оставляет места для сопереживания, эмпатии, морали и совести. Это очень удобная теория для психопатов – садистов, почти лишенных названных высших психических качеств. 6) Игрет также роль ложная «национальная гордость». 7) Рефлекторная теория создает иллюзорное представление, будто, зная усвоенные человеком рефлексы и стереотипы, можно полностью предвидеть его поведение. Но какие процессы происходят в самой психике человека – это ее адептов никак не интересует (как и ортодоксальных бихевиористов). Мы полагаем, что причины широкого распространения бихевиоризма в США должны в основном быть сходными с теми, которыми была обусловлена долгая жизнь этой примитивной теории в СССР. В настоящее время положение быстро меняется к лучшему.

Глава 2. Бессознательная психика

§ 1. Бессознательная сфера

А. Генетический подход. – Нам представляется, что до настоящего времени обычная путаница при определении понятий «бессознательное» и «подсознательное» происходила из-за того, что исследователи главным образом обращали внимание на общие признаки тех явлений, которые должны обозначаться этими понятиями, при этом недостаточно четко дифференцируя то содержание (совокупность психических явлений), которое ими обозначается. Общим признаком бессознательных и подсознательных психических феноменов является их *актуальная неосознанность*. Специфичность же понятий «бессознательное» и «подсознательное», по нашему мнению, заключается как в их содержании, так и особенно *в путях генезиса* этих психических содержаний и процессов. Именно *генетический подход*, как станет ясно из дальнейшего изложения, показывает, что обозначение совокупности определенных психических явлений термином «бессознательное», а другой совокупности – термином «подсознательное» не простая условность, а необходимость, ибо указанные две совокупности (подсистемы) психических содержаний, несмотря на общий их признак актуальной неосознанности, генетически глубоко различны. Они, конечно, в значительной мере неразрывны, ибо составляют различные подструктуры единой структуры психики человека.

В понятие «бессознательное» мы включаем все те психические и психофизиологические явления и свойства, которые наследственно передаются от родителей детям. В момент рождения они даны ребенку частью актуально, значительной же частью – лишь потенциально. Последнее надо понимать в том смысле, что в силу известной генетической закономерности последовательного (а не одновременного) включения наследственных механизмов в онтогенезе¹³, не все наследственные психические признаки и свойства «психологического фенотипа» развертываются и проявляются одновременно. Кроме того, для проявления наследуемых психических признаков и процессов требуются подходящие объективные ситуации, условия роста, обучения, воспитания и психического развития.

Психологическая генетика (психогенетика) – все еще остается одной из самых слабо разработанных областей генетики и психологии, несмотря на уже существующие определенные успехи¹⁴. Однако уже сейчас ясно, что будущие открытия, которые ожидаются в этой области, могут иметь решающее значение для развития психологии личности и бессознательного.

Б. Содержание бессознательного. – Из каких наследуемых психических содержаний состоит бессознательная сфера психики? В настоящее время можно считать твердо установленным, что человеком наследуются: *инстинкты* – они у человека даны главным образом в виде влечений, между тем как двигательные элементы человеческих инстинктов, по сравнению с инстинктами животных, редуцированы; *темперамент* – определенные *задатки познавательных способностей* и элементарные познавательные процессы, которые заметны уже сразу после рождения.

На основе новейших достижений психологии сна и сновидений, особенно физиологических проявлений этих состояний, можно в порядке гипотезы предложить предположение,

¹³ см.: Штерн К. Основы генетики человека. М., 1965; Мюнтцинг А. Генетика. М., 1967 и другие современные работы по генетике человека.

¹⁴ Обширный свод соответствующих исследований можно найти в следующих трудах: Behavioral-genetic analysis. Ed. By Jerry Hirsch. New York, 1967; Helmut von Bracken. Humangenetische Psychologie. – In: Humangenetic: Hsg. P.-E. Becker, Stuttgart, 1969; Равич-Щербо И. В., Марютина Е. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика. М., «Аспект Пресс», 1999.

что, по всей видимости, человеком наследуются также определенные, преимущественно образные, психические содержания¹⁵.

Исследуя психическое бессознательное, необходимо также иметь в виду следующее: эта сфера включает, с одной стороны, общечеловеческие, видовые психические явления (например, человеческие инстинкты и их генетические механизмы), и с другой стороны, индивидуально-своеобразные психические признаки, свойства и способности людей, их наследственные механизмы и предпосылки. Раскрытие этих психических явлений и их механизмов – дело ряда наук, но в первую очередь психогенетики и генетики человека вообще. Речь идет о раскрытии тех психических способностей и черт, присутствие которых у человека невозможно объяснить его прошлым опытом¹⁶. Индивидуальные различия наблюдаются по существу во всем: в психомоторике, в познавательных процессах, в чертах характера и т. п.

Именно вышеназванные явления и составляют содержание и структуру бессознательной сферы психики человека. Попробуем вкратце охарактеризовать эти явления.

Об инстинктах человека. До настоящего времени, как известно, не существует полного представления о числе и характерных особенностях инстинктов человека. Однако можно считать твердо установленным реальное существование у человека некоторых основных инстинктов: инстинкта самосохранения, полового инстинкта, инстинкта или потребности в общении и других социальных инстинктов; группы инстинктов, связанных с уходом за потомством и т. д. Следует отметить, что уже половой инстинкт имеет социальный характер, поскольку поиск и нахождение индивида противоположного пола приводит к образованию группы из двух индивидов. Данный «социальный аспект» полового инстинкта (влечения) показывает, что встречающееся до сих пор в научной литературе утверждение против существования социальных инстинктов, по всей вероятности, основано на недоразумении. (О социальных инстинктах ряд замечаний высказали Н. А. Тих, Л. И. Божович и другие психологи).

Каково бы ни было действительное количество инстинктов, одно вполне ясно: они являются психическими явлениями и составляют важный блок структуры наследственной бессознательной сферы. Если отрицать за инстинктами и остальными элементами наследственного бессознательного обладание психическим качеством, то появление высших уровней психической активности в онтогенезе представится чудом. Между тем человек от рождения является не только биологическим, но и психологическим существом, т. е. уже обладает психикой. Психика – одна из субстанциальных аспектов человека.

Из всех инстинктов для понимания истоков социального поведения человека особый интерес представляет **врожденная потребность в общении с людьми**. Социальных психологов очень интересует вопрос о том, действительно ли это влечение является врожденным. Известно, что потребность в общении у детей проявляется очень рано, уже в первые месяцы жизни. Она, по-видимому, является той основной психической тенденцией, которая заставляет людей объединяться в группы, искать взаимных контактов.

О роли потребности в общении очень верно написал А. В. Веденов: «Потребность в общении развивается в течение всей жизни человека, высокие нравственные качества личности теснейшим образом связаны с высоким уровнем развития этой потребности. Добавлю, что общественная активность человека – это особая форма потребности в общении, что познавательная активность, – результат сочетания природного ориентировочного рефлекса

¹⁵ См.: Oswald Ian, *Sleeping and Waking*. Amsterdam, New York, 1962; его же: *Sleep*. Penguin Books, 1966; Налчаджян А. А. *Ночная жизнь. Психология сна и сновидений*. М., СПб., «Питер», 2004.

¹⁶ См., например: Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. *Психогенетика*. Под ред. И. В. Равич-Щербо. Москва: «Аспект Пресс», 1999, с. 22.

с правильным удовлетворением природной же потребности в общении»¹⁷. Действительно, если ориентировочный (исследовательский) инстинкт считается врожденным, то с таким же правом можно говорить и о врожденности (точнее – о наследственном характере) потребности в общении. Ряд ценных мыслей о роли наследственных потребностей можно встретить в работах других психологов¹⁸.

В этой связи интересной представляется высказанная много лет назад Л. С. Выгодским мысль о том, что любая потребность ребенка становится потребностью в другом человеке. Я. Л. Коломинский и другие психологи с этой потребностью связывают известный «комплекс оживления» у детей 2–3 месяцев, которые, без сомнения, эмоционально переживают появление взрослого человека. Со временем этот комплекс проявляется избирательно. «Так возникают первые предпочтения, первый выбор, в загадку которого никто еще не проник»¹⁹. Постепенно потребность в общении распространяется и на сверстников. Ребенок 2–3 лет без видимой (игровой или другой «деятельностной») причины подходит к другому и ласкает его²⁰. Это свидетельствует о том, что между детьми возникают отношения симпатии и антипатии. Можно полагать поэтому, что корни эмпатии имеют наследственный характер и кроются в потребности общения.

Следует однако, иметь в виду, что, кроме первичной потребности в общении, существует также инструментальное общение, т. е. такое общение, которое служит другим целям. Например, я иду в библиотеку ради книг, а не ради общения с библиотекарем, который может быть даже неприятным для меня человеком. Но я вынужден на короткое время общаться с ним ради своей основной цели. Это инструментальное общение нередко вынужденное. Поэтому вряд ли верно нередко встречающееся утверждение, будто любая потребность ребенка в процессе его развития постепенно становится для него потребностью в другом человеке, в общении с ним²¹. Потребности человека в процессе его активности сочетаются, но не сливаются друг с другом.

Следует также различить потребность в общении и способность в общении. Первая наследуется, а вторая приобретается в процессе индивидуального психического развития и социализации. Но без потребности в общении соответствующая способность не могла бы развиваться. Например, улыбка и комплекс оживления ребенка проявляются, но не порождаются окружающими людьми. Они являются непосредственными поведенческими выражениями потребности в общении и также имеют наследственно запрограммированный характер. В дальнейшем, как показывают специальные исследования, потребность в общении принимает более конкретные формы и нередко осознается и вербализуется человеком. У личности, способной осознать свои потребности, первичная потребность в общении сочетается с другими, более высокими и одновременно социогенными потребностями. Это обстоятельство привело некоторых психологов к спорным выводам о сущности потребности в общении, например, к ее отождествлению с потребностью в социальной оценке²². Это заключение вызывает возражение по следующим причинам: 1) первичная потребность в общении является спонтанной и не содержит моментов оценки и самооценки; 2) невозможно

¹⁷ Веденов А.В. Потребность в общении. – «Советская педагогика», 1967, № 9, с.136.

¹⁸ См. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1967; Обуховский К. Психология влечений человека. М.: «Прогресс», 1972; Крайг Г. Психология развития. СПб.: «Питер», 2001; Крэйг У. Теории развития. Секреты формирования личности. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2002; Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003, и др.

¹⁹ Коломинский Я. Л. Психология личных взаимоотношений в детском возрасте. Изд-во «Народная асвета», Минск, 1969, с.61.

²⁰ См.: Сандлер Р. Я. Взаимоотношения детей на втором году жизни. Медгиз, М., 1950, с.28.

²¹ См., например: Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, с. 189–190.

²² См.: Развитие общения у дошкольников. Под ред. А. В. Запорожца и М. И. Лисиной. М., 1974, с. 270–271.

вообразить, что двухмесячный ребенок стремится к общению, поскольку ждет оценки. Ожидание оценки возможно лишь при наличии достаточно развитого самосознания. Поэтому очевидно, что включение социогенной потребности человека в социальной оценке в структуру потребности в общении неправомерно. Они в дальнейшем могут сочетаться, но это уже другое дело.

§ 2. Новые соображения о структуре инстинкта

Известно, что многие животные сразу после рождения определенными инстинктивными действиями реагируют на появление в сфере их восприятия предметов определенной формы. Например, птицы из семейства куриных, таким образом, реагируют не только на появление хищных птиц, но и на похожие на них предметы²³.

В свете развиваемых в данной книге идей мы считаем возможным истолковать подобного рода факты в качестве *процессов бессознательного узнавания*. Нам представляется, что этот несколько необычно звучащий термин правильно отражает обозначаемую им психологическую реальность. Во-первых, если животное сразу же на воспринимаемый образ реагирует определенным образом, то это означает, что данный психический акт полностью был запрограммирован в его генетических механизмах. А это значит, что образ, в основных своих чертах подобный актуально воспринимаемому, хранился в бессознательной сфере психики. Если это так, то очевидно, что в момент восприятия животным хищника или похожего на него предмета происходит сличение бессознательного образа с образом восприятия. И поскольку животное не обладает ни сознанием, ни подсознательной сферой в том смысле, как мы понимаем человеческое подсознательное, то нет сомнения, что перед нами – акт бессознательного узнавания.

Имеющиеся в структуре инстинкта интеллектуальные компоненты создают возможность предвидения будущего. Эти интеллектуальные компоненты можно рассматривать в качестве связующих звеньев между раздражителями и сигналами. Отмеченный выше факт защитного реагирования только что вылупившегося из яйца птенца на силуэт («сигнал») хищной птицы по существу означает элементарное предвидение будущего, вероятностное прогнозирование возможных в ближайшем будущем событий. Поскольку птенец на силуэт другой формы не реагирует, то остается сделать вывод, что *в генетической (видовой) памяти организма сохранен определенный обобщенный образ наиболее вероятного хищника*. Вследствие того что это обобщенный образ, птенец реагирует на довольно широкий диапазон близких по форме силуэтов.

Исходя из подобных фактов, русский зоопсихолог В. А. Вагнер выдвинул понятие «видовой шаблон» для обозначения инстинктивных форм реагирования в определенных пределах изменения сигнального раздражителя. У каждой особи инстинкты меняются в пределах этого видового шаблона²⁴.

Если даже в бессознательной сфере психики животного хранится строго определенное количество образов, жестко связанных с инстинктами, то уже в этом случае в принципе можно считать не только возможным, но и строго установленным наличие бессознательного образного содержания у человека. Отсюда можно сделать другой, очень важный для психологической теории вывод, что сами инстинкты являются полноценными психическими актами, так как вышеуказанные образы входят в их структуру.

Нам представляется очевидным, что заключение о наличии образного содержания в бессознательной наследственной сфере психики с полным правом можно распространить и

²³ См.: Шовен Р. Поведение животных. М., «Мир», 1972; Слоним А. Д. Инстинкт. Лен., «Наука», 1967 и др.

²⁴ См.: Вагнер В. А. Этюды по сравнительной психологии. Л., 1924–1929.

на человека. Достаточно привести такой общеизвестный факт: в период полового созревания у юношей спонтанно возникает повышенный интерес к представителям противоположного пола. Это явление наблюдается даже тогда (что и только представляет интерес для нас), когда юноша совершенно ничего не знает о сущности взаимоотношений полов. Разве не ясно, что и в этом случае восприятие избирательно направляется на определенный класс фигур, происходит бессознательное узнавание тех особей, которые наиболее соответствуют образу, заключенному в структуре данного инстинкта?

В этом отношении безусловный интерес представляют соображения Б. Л. Астаурова и В. П. Эфроимсона, высказанные в ходе дискуссии вокруг проблемы соотношения биологического и социального в природе человека. Отмечая, что термин «развитие человека» включает как эволюционное, так и онтогенетическое содержание и не отрицая огромной роли воспитания в процессе развития личности, Б. Л. Астауров подчеркнул, что современная наука не знает конкретно, какие свойства психики, как, когда и в какой степени определяются наследственностью и какие средой. «Некоторые свойства психики в порядке т. н. «импринтинга» или «запечатления» возникают в первые дни, месяцы и годы после рождения и утверждаются на всю жизнь. Есть данные и мнения, что другие проявления импринтинга связаны с чувствительным периодом полового созревания, когда идеальный образ единственной или единственного любимого запечатлевается и всецело овладевает сознанием (любовь с первого взгляда и на всю жизнь)»²⁵.

Эти замечания Б. Л. Астаурова подтверждают высказанные нами выше предположения и наблюдения и позволяют относительно формирования психического мира человеческой личности выдвинуть новые проблемы, в том числе следующие: каково значение импринтинга в различные возрастные периоды развития, какими путями образ воспринимаемого конкретного предмета взаимодействует с тем обобщенным образом класса объектов, который, по нашему мнению, содержится в структуре инстинкта человека, каким образом эти познавательные элементы и процессы в своей динамике порождают такие явления, как чувство любви и идеализацию определенных объектов?

В. П. Эфроимсон утверждает, что научное и полноценное развитие целого ряда наук (философии, этики, эстетики, социологии, педагогики, юриспруденции, медицины и др.) невозможно без учета данных генетики. Определенные генетические факторы, по его мнению, лежат в основе проявлений слабоумия, преступности, а также таланта и других высших психических явлений. Особый интерес для нас представляет постановка В. П. Эфроимсоном проблемы эволюционного происхождения этики²⁶. Наряду с борьбой за существование, закреплением звериных инстинктов, эволюция человека характеризуется также интенсивным отбором по человеческим признакам, без которых не могло бы образоваться потомство. «Человечество, – подчеркивает В. П. Эфроимсон, – которое дожило до настоящего времени, является продуктом очень интенсивного отбора на те свойства, которые можно было бы назвать самоотверженностью, совестью, человечностью, гуманностью, чувством братства; без закрепленного чувства справедливости, долга, самоотверженности беспомощное потомство наших предков не могло бы дожить до половой зрелости»²⁷. Можно считать, что все перечисленные психические качества В. П. Эфроимсоном, входят в структуру инстинкта общения, факт наследования которого в настоящее время можно считать установленным. Именно в состав этого инстинкта входят те «альтруистические эмоции необычайной силы и стойкости», о которых говорит В. П. Эфроимсон²⁸. Несмотря на то что подобного рода

²⁵ «Вопросы философии», 1972, № 9, с. 114.

²⁶ См.: «Вопросы философии», 1970, № 8, с. 125.

²⁷ «Вопросы философии», 1970, № 8, с. 126.

²⁸ Более подробно о взглядах этого исследователя см.: Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. М., 1995.

факты и предположения только в последние десятилетия начинают подвергаться научному анализу, нельзя сомневаться в том, что эти сложнейшие явления также в процессе своего возникновения и формирования находятся под контролем генотипа.

Если достоверность приведенных фактов и их интерпретация не вызывают сомнения, то мы можем идти дальше и выдвигать проблему глубокого исследования бессознательной сферы психики, образное содержание которой отражает те постоянные факторы среды, во взаимодействии с которыми происходит жизненный процесс каждого индивидуума. Более того, нам представляется, что содержание бессознательного должно быть довольно богатым, неодинаковым для различных видов животных и человека. Это содержание выявляется в процессах бессознательного узнавания. Поскольку бессознательное узнавание, как правило, немедленно переходит в действие, то изучение спонтанного, бессознательного и сознательно не запланированного поведения первых лет жизни и в периоды включения (активации) новых инстинктов может быть ключом более глубокого понимания бессознательного. (В свете вышеизложенных идей нам представляются интересными взгляды К. Юнга об архетипах, явлении «индивидуации» и др., которые в связи с проблемой бессознательного должны исследоваться с новой точки зрения. Об этом см. на последующих страницах настоящей книги).

Из рассмотрения явления бессознательного узнавания можно сделать еще один вывод. Если узнавание в обычном его понимании есть особая форма осмысленного восприятия, то это означает, что оно заключает в себе, хотя бы простейшие мыслительные операции. Но если бессознательное узнавание также является реальным психическим феноменом, то и оно с необходимостью должно включать в свою структуру мыслительные операции, осуществляющиеся исключительно в образах (сравнение и бессознательный вывод). Это приводит к принципиально важной идее о том, что **в наследственной бессознательной сфере психики имеют место элементарные мыслительные операции**. Следовательно, человеческое мышление имеет глубокие генетические корни.

Ценные идеи, способствующие углублению подобного понимания природы инстинкта, высказали известные психологи Уильям Мак-Дауголл и Йозеф Мазуркевич. Согласно этим авторам, инстинкт включает три элемента: гностический (или, по современной терминологии, познавательный, когнитивный), влечение и моторные компоненты. Эти элементы образуют одно целое²⁹. Человеческие инстинкты отличаются от животных инстинктов тем, что в них двигательные акты не запрограммированы жестко. Имея в виду данное обстоятельство, С. Л. Рубинштейн писал: «Термин **инстинкт** целесообразно сохранить для обозначения реакций, в которых наследственно закрепленным является не только импульс к действию, но и структура самого действия. Инстинкт — это стереотипная наследственная реакция. К инстинктам в этом точном смысле у человека может быть отнесено лишь минимальное количество таких элементарных актов, как, например, сосание. Их роль в деятельности человека совершенно минимальна»³⁰.

Итак, в структуру инстинкта входят: влечение, познавательные элементы и движения. У человека жестко не запрограммированы только моторные компоненты. Поэтому называть ли человеческие инстинкты этим именем, или же иначе — это вопрос терминологический. Для психологической теории важнее всего то, что первые три из вышеуказанных элементов инстинкта являются психическими, следовательно, инстинкты — явления **психофизиологические**. Отсюда следует также, что **психическое наследуется**. Эти наследственные психические явления возникли и закрепились в генотипе в процессе филогенеза и антропогенеза. В онтогенезе под воздействием окружающих условий они частично проявляются, хотя могут

²⁹ См.: Обуховский К. Психология влечений человека, с. 70–71.

³⁰ Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935, с. 383.

и подавляться. Можно выдвинуть предположение, что наследственно запрограммированы также основные (обобщенные) схемы двигательных компонентов человеческих инстинктов, но они не проявляются достаточно отчетливо, потому что в процессе социализации (особенно в первые годы жизни ребенка) отсутствие какого-либо важного для организма фактора (например, пищи) ведет к психическому состоянию, в котором актуализированы влечение, познавательные процессы и система движений, направляемая первыми двумя компонентами.

Психология установила, что у высших позвоночных на структуру инстинкта значительное влияние оказывает научение. При этом изменениям подвергаются так называемые «побочные элементы» инстинкта – познавательные и моторные. На высших уровнях психической деятельности эти элементы становятся все более пластичными, способными к модификациям под влиянием опыта, преимущественно подавляются и социально корректируются именно двигательные проявления психической активности ребенка.

В свете всего сказанного вызывает серьезные сомнения распространенная точка зрения, согласно которой у человека наследуется только влечение. Можно, конечно, назвать человеческие инстинкты влечениями, но при этом всегда следует иметь в виду, что влечение в собственном смысле слова – лишь один из элементов инстинкта.

Если инстинкт состоит из перечисленных элементов, из которых самым устойчивым и почти неизменным является влечение (драйв), то можно утверждать, что в составе инстинктов человек наследует как образы, так и простые познавательные процессы, как уже сказано, *бессознательное узнавание и вывод*. А узнавание, в свою очередь, является результатом *сравнения* воспроизводимого и воспринимаемого образов. Даже если согласиться, что человек – «существо привычки», а не «существо инстинкта», то это вовсе не означает отрицания роли бессознательной сферы в общей вертикальной структуре психики человека.

Наконец, сделаем несколько замечаний о том, как понимают природу инстинкта в физиологической школе И. П. Павлова. Этот физиолог считал, что инстинкт – это сложная цепь безусловных рефлексов. Что касается навыков и разумного поведения, то это уже условные рефлексы.

Однако другие более трезвомыслящие исследователи еще в середине XX века начали сомневаться в верности подобных категорических суждений. Была высказана точка зрения, согласно которой «чистых» инстинктов, состоящих только из безусловных рефлексов, не бывает. Прав был физиолог К. М. Быков, который писал, что безусловные рефлексы как таковые бывают только при рождении организма; уже в первые месяцы жизни инстинкты человека и животных включаются в сложную систему безусловных и условно-рефлекторных связей. То обстоятельство, что условно-рефлекторные связи играют существенную роль в инстинктивной активности животных, было продемонстрировано экспериментально³¹. При этом считается, что именно благодаря «обрастанию» безусловно-рефлекторной деятельности условно-рефлекторными связями и возникает психическое отражение.

Надо помнить, что эта идея (с которой трудно согласиться) идет от Павлова, который считал, что критерием психического является отражение таких воздействий внешней среды, которые не имеют непосредственного биологического значения. Это крайне наивное утверждение, авторы которых по-видимому предполагают, что восприятия биологически значимых объектов не являются подлинно психологическими. Еще более наивным было утверждение, будто именно это – отражение биологически незначимых объектов – и является «единственно научным критерием» при определении психического³².

³¹ См. об этом: Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. Москва: «Соцэкгиз», 1961, с. 95–96.

³² Шорохова Е. В., указ. соч., с. 96.

§ 3. Инстинкты и познавательные процессы

Каково соотношение между инстинктами и познавательными процессами? Еще У. Джеймс в 1898 году, полемизируя с теми, кто отрицает наличие у человека инстинктов, утверждал, что они у человека не только имеются, но их значительно больше, чем у животных, и они так совершенны, что их работа не замечается. Затем к этим совершенно верным мыслям он добавил спорное утверждение о том, что инстинкты обрабатывают информацию и структурируют наше сознание. Благодаря такой совершенной и незаметной работе инстинктов поведение человека пластично. Эти идеи приняты в современной эволюционной психологии, где отмечается, что подобное нормальное поведение считается до такой степени «само собой разумеющимся», что, казалось бы, не требует объяснения. Это, конечно, не так³³.

Спорным же мы считаем утверждение о том, что инстинкт перерабатывает информацию. Нам представляется более правильным и соответствующим уровню современной психологии следующее представление, которое было предложено нами еще в 1980 году, а именно: 1) в структуре инстинкта нет самостоятельного аппарата переработки информации, хотя, как мы показали, имеются элементарные познавательные процессы (восприятие, сравнение и вывод); 2) ***инстинкты не сами перерабатывают информацию, а сообщают направленность познавательным процессам человека.*** Инстинкты создают определенные тенденции и влечения, под влиянием которых восприятие и другие познавательные процессы становятся направленными и избирательными.

Половой инстинкт направляет внимание человека на представителей противоположного пола, активизирует их восприятие, сравнение и оценку, приводит к решению о приближении к объекту, вызывает воображаемые ситуации встреч и удовлетворения потребности, вызывает речевые процессы и коммуникацию с партнерами и т. п. Все эти и другие познавательные процессы происходят благодаря активности специализированных частей головного мозга, которые служат потребностям инстинкта, но не входят в его состав в качестве блоков.

Инстинкт самосохранения вызывает у человека внимание к потенциально или актуально опасным объектам, вызывает процессы предвосхищения будущих опасных ситуаций, сопровождается тревогой или страхом, которые, в свою очередь, вызывают активизацию защитных механизмов и т. п. (Например, когда султан, придя к власти, уничтожал своих братьев и других возможных претендентов на трон, то перед нами проявление инстинктов самозащиты и доминирования)³⁴. Или когда вожак преступной группы ликвидирует подозрительных и соперников – это тоже процессы, которые обусловлены мощным воздействием инстинкта самосохранения.

Инстинкт (мотив) доминирования, стремления к власти, вызывает такие познавательные процессы и действия, которые делают человека чувствительным к статусам, ролям и их различиям, вызывает процессы планирования путей достижения высоких статусов и их удержания, приобретения способов борьбы за власть и т. п.

Инстинкт (мотив) достижения вызывает познавательные процессы, необходимые для выбора целей, целеполагания и планирования действий: сравнение собственных ценностей, целей и достижений с целями и достижениями других людей, определение и изменение уровня притязаний и т. п.

³³ См.: Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология, с. 26.

³⁴ См.: Лорд Кинрос. Расцвет и упадок Османской империи. Москва: «КРОН-ПРЕСС», 1999; Петросян Ю.А. Османская империя. Москва: «ЭКМО», 2003, и др.)

Общественный инстинкт: ведущим его компонентом следует считать влечение к другим людям, потребность общения с ними. Общественный инстинкт очень стар и имеется также у других приматов. Он вынуждает людей создавать различные группы и сообщества, сотрудничать и соперничать и т. п. **Процессы социального познания**, которые так интенсивно исследуются в современной социальной психологии, возникают, в частности, под влиянием общественного инстинкта (в первую очередь – потребности в общении). Причем имеется теснейшая связь между половым и общественным инстинктами.

Следовательно, психологам необходимо создать полный список инстинктов человека и описать все те избирательные познавательные (а также эмоциональные) процессы, которые возникают и протекают под их направляющим, ориентирующим влиянием для достижения поставленных целей (удовлетворения потребностей и влечений).

При этом следует иметь в виду, что в психике и поведении человека одновременно могут быть активны два или большее число инстинктов, вследствие чего обслуживающие их познавательные процессы становятся весьма сложными и многообразными. Причем часть этих процессов может осознаваться. Сами инстинкты реже осознаются и то лишь частично, тогда как вызываемые ими психические процессы могут осознаваться, оказавшись в определенной степени под контролем «Я» человека.

Под влиянием или, исходя из потребности определенного инстинкта, человек может часами иметь внутриспсихические процессы, воображать и мечтать, даже отрываться от реальности. Всякая влюбленность означает преимущественно узкую и интенсивную направленность определенного инстинкта на определенный круг объектов и действий, а также активное использование познавательных процессов для удовлетворения соответствующих потребностей.

Только в указанном смысле можно понимать (и принимать) утверждение У. Джеймса о том, что инстинкты структурируют сознание: только посредством познавательных процессов и через процесс осознания, который будет рассмотрен нами специально.

§ 4. Темперамент, задатки и бессознательное

Структура темперамента – следующего важного составляющего бессознательной сферы – очень сложна. В. С. Мерлин, Я. Стреляу и другие психологи выделяют в ней ряд компонентов³⁵. Речь идет о следующих чертах или компонентах темперамента: сензитивность, реактивность, активность, соотношение реактивности и активности, темп реакций, пластичность или ригидность, экстравертированность или интровертированность. На основе данных изучения близнецов психологи пришли к выводу, что главную роль в происхождении типа темперамента и, следовательно, его компонентов, по всей вероятности, играет наследственность. При этом не все свойства темперамента проявляются сразу: в онтогенезе происходит **созревание темперамента**. Кроме того, прижизненные изменения отдельных свойств темперамента (например, в результате пережитых конфликтов) не приводят к полному его преобразованию. Тип темперамента в онтогенезе претерпевает некоторые изменения, созревает, но сохраняется³⁶.

Важное значение темперамента как одного из главных «блоков» структуры наследственного бессознательного заключается в том, что тип темперамента является одним

³⁵ См.: Мерлин В. С. Очерк теории темперамента. М., «Просвещение», 1964; Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. М., «Просвещение», 1966; Стреляу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982; Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979; Thomas A. and Chess S. The dynamics of psychological development. New York, 1967; Buss A.H. and Plomin R. A temperament theory of personality development. New York, 1975.

³⁶ См.: Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М., «Аспект Пресс», 1999, гл. 10.

из главных условий формирования характера человека, индивидуально-своеобразных его симптомокомплексов.

Что касается сущности задатков, на основе которых формируются способности, то целесообразно привести следующие слова А. В. Петровского: «В области изучения природы и сущности задатков наука делает первые шаги. Негативный материал, относящийся к указанной проблеме, пока преобладает над позитивным – имеется гораздо больше научных данных о дефектах задатков, чем о структуре их продуктивных проявлений. Так, например, целый ряд тяжелых врожденных или приобретенных в раннем возрасте аномалий мозга (олигофрения) выступает как почти необратимый дефект задатков, становящийся тормозом развития способностей»³⁷. Однако А. В. Петровский исходит из того положения, что «на свет человек появляется без психических свойств, а лишь с общей возможностью их приобретения»³⁸. Поэтому он обсуждает вопрос о достоверности различных физиологических гипотез о сущности задатков (френология Галля, современные концепции локализации психических функций, предположение о связи способностей с весом мозга и количеством мозговых извилин, гипотезы о связи способностей с микроструктурой мозга и органов чувств и с типом высшей нервной деятельности). В частности, обсуждая вопрос о связи задатков и способностей с общими и парциальными типами нервной высшей деятельности, А. А. Петровский эти типы (как *физиологические* явления) фактически вводит в состав задатков. Таким образом, задатки получают чисто физиологическое толкование. Между тем задатки, как и все другие составляющие бессознательной наследственной сферы, есть явления *психофизиологические*. Они являются *источниками психической энергии*, своеобразными ориентирующими человеческую деятельность внутренними силами, до некоторой степени предопределяющими развитие личности. Задатки, как и инстинктивные влечения, представляются особыми *прирожденными установками*, с самого начала онтогенеза придающими избирательность психической активности человека. Поэтому предстоит глубже исследовать именно *психологические признаки задатков*, их связи с другими компонентами бессознательной сферы и процесс образования на их основе способностей и всех остальных индивидуальных признаков личности.

Предложена гипотеза, согласно которой принятие или неприятие сообщений живым организмом может регулироваться на основе специальных критериев, какими могут быть и потребности этого живого существа. «Все животные обычно окружены морем стимулов, к которым они чувствительны. Однако большинство живых организмов реагирует только на те из них, которые непосредственно связаны с потребностями организма. Голод, жажда, готовность к спариванию или какое-либо другое внутреннее влечение могут быть теми регуляторами, критериями, по которым осуществляется селекция стимульной энергии»³⁹. Критериями отбора, безусловно, могут быть как врожденные, так и социально-культурные потребности. Однако здесь для нас важно именно то, что допускается такая роль критерия выбора за основными компонентами бессознательного, выступающими в качестве своеобразных естественных установок. Мысль, очень близкую к нашей идее о возможности рассмотрения инстинктов в качестве прирожденных установок, высказывает К. Обуховский, опираясь на данные исследований И. П. Павлова и польского психолога Левицкого⁴⁰.

Эта мысль состоит в том, что (как достаточно четко высказана в работах И. П. Павлова), в механизме безусловного рефлекса присутствует управляющий процесс, повышающий чувствительность животного к определенным раздражителям и настраивающий его на

³⁷ «Общая психология». Под ред. А. В. Петровского. М., «Просвещение», 1970, с. 421.

³⁸ Указ. соч., с. 419.

³⁹ «Общая психология» под ред. А. В. Петровского. М., «Просвещение», 1970, с. 208, гл. 9, автор Т. П. Зинченко.

⁴⁰ См.: Обуховский К. Психология влечений человека, с. 137–138.

выполнение определенных реакций. Эта основная тенденция организма, согласно Левицкому, может возникнуть как под влиянием внутренних побуждений (пищевой или половой), так и вследствие внешних воздействий (как при возникновении агрессивных тенденций).

Таким образом, вне всякого сомнения, под влиянием врожденных потребностей организм проявляет тенденцию, направленность, установку на определенное время подчиняющую себе всю его психическую активность. Но сама эта врожденная установка, которая, конечно, приобретает определенность и опредмечивается под влиянием воздействий среды, есть психическое явление, осуществляющееся по закономерностям нервной доминанты. В течение определенного времени она остается в актуализированном состоянии и подчиняет себе мышление, память, воображение и действия человека. Такие установки (как психические явления) нельзя отождествлять с органическими потребностями, так как они имеют сложную психологическую структуру.

О содержании бессознательного интересные мысли высказал А. М. Халецкий, посвятивший специальную работу уровням психической деятельности человека⁴¹. Он пишет: «При всем значении социальных факторов в формировании личности различные биологические особенности, например, сила влечений, эмоциональная возбудимость, непоседливость, изменчивость интересов или недостаточная активность, вялость побуждений, депрессивный фон настроения могут служить благоприятной почвой для образования аномальных черт характера. Следовательно, при рассмотрении разных уровней психической деятельности в развитии личности, в появлении у человека различных склонностей и реакций необходимо учитывать соотношение биологического и социального»⁴².

Следует отметить, что перечисленные этим автором свойства не только биологические: они по существу *био психологические (вернее, психофизиологические) свойства наследственной бессознательной сферы*. Эти и другие психические явления, составляющие область бессознательного, определяют не только образование патологических черт и реакций, но и личностных свойств нормальных людей. Бессознательное является той базой, на которой образуются высшие сферы психики и само также одновременно является биологическим (физиологическим) и психологическим, как и остальные сферы психики. Отрицание психической природы содержания бессознательного необоснованно, так как противоречит фактам и приводит к логическому противоречию: становится непонятной возможность появления на их основе более высоких форм психической активности.

С этой точки зрения более приемлемой нам представляется позиция А. Г. Спиркина, который, критикуя натуралистический подход ряда «буржуазных» ученых (З. Фрейд, У. Мак-Дугал, Иенш, Мак-лин и др.), отмечает: «... было бы вместе с тем не меньшей ошибкой полностью игнорировать биологическое начало в человеке, его наследственно-биологические факторы в виде природных задатков... Наследственность снабжает ребенка не только элементарными инстинктами. Он оказывается изначально обладателем способности к подражанию взрослым – их действиям, звукам. Ему присуще любопытство, умение получать удовольствие от ярких предметов. Он способен огорчаться, испытывать страх и радость. Его улыбка носит врожденный характер, и она наблюдается уже у недоношенного младенца. А улыбка – это привилегия человека. В то же время все заложенные в ребенке подлинно человеческие возможности развиваются в течение всей последующей жизни в обществе»⁴³. Здесь, по нашему мнению, употребляется несколько нечеткая терминология (например, наследственное считается только биологическим, хотя уже сама цитата показывает, что эти явления одновременно несут и психические черты: улыбка есть выражение эмоции удоволь-

⁴¹ См.: Халецкий А. М. Уровни психической деятельности. М., 1970.

⁴² Халецкий А. М., указ. соч., с. 8.

⁴³ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972, с. 251–252.

ствия, т. е. психического переживания. Далее: способности считаются наследственными, в то время как среди психологов преобладает иная точка зрения, которую тогда надо было бы обсудить. Однако основную идею автора о важности и психологически богатом содержании наследственной бессознательной сферы надо считать весьма ценной.

Научная добросовестность требует, чтобы мы помнили подобные ценные мысли независимо от того, когда они были высказаны. Известно, что еще в 20-е годы 20-го века Е. Браун выдвинул концепцию об уровнях (он называл их «слоями») психики. Он различал три уровня или слоя психики: а) самый глубокий, **соматический**, с вегетативными, двигательными, бессознательными реакциями, составляющий так называемую **соматопсихику**; б) средний слой – сферу аффектов, инстинктов, влечений (**тифлоспсихика**); в) **зофронтспсихику**, верхний слой, куда входят интеллектуальные, волевые, т. е. психогенные переработки внутренней и внешней ситуации⁴⁴. Но эту концепцию трудно считать эвристичной. Думается, что соматопсихику и тифлоспсихику следует объединить в одну сферу – сферу прирожденного бессознательного. И вообще, о дифференциации сфер психики, на наш взгляд, следует говорить исходя из их **генезиса** (например, в сферу бессознательного входят все наследственные психические явления) и их отношения к **сознанию** (т. е. состояние сознания целесообразно принять в качестве своеобразной «точки» отсчета).

При развитии представлений о бессознательном не миновать идеи **архетипов**. Действительно, идею об их существовании никто не отрицал и она вновь и вновь оживляется в связи с обсуждением идей К. Г. Юнга. Есть немало доводов, свидетельствующих **в пользу возможности сохранения в бессознательной сфере психики содержательных следов видового прошлого**. Кроме того, не лишена интереса и мысль, согласно которой возможно, чтобы вследствие изменений условий жизни когда-то считавшаяся нормальной психическая жизнь сейчас выглядела психозом. При психических болезнях, когда ослабляется контроль высших уровней психики над низшими, глубинные бессознательные психические силы могут найти выход в виде патологических синдромов. (Аналогичное явление имеет место в большинстве сновидений, в которых отсутствует оперирование идеями, понятийное мышление и вербальное выражение, и господствуют пластичные образы, зачастую изумительно нелогично ассоциированные). Поэтому идея об обнажении бессознательного, прорыва «сферы инстинктов в сферу ориентации и причинности» представляется интересной, хотя было бы опрометчиво признавать полную идентичность психоза современного человека и нормальной психической жизни дикаря.

§ 5. Психика, бессознательное и ее динамика по Юнгу

А. Представление Юнга о психике и его оценка. – Несмотря на то что Юнг признавал огромное влияние психики на телесные, физиологические функции организма (т. е. психосоматические связи) и, фактически признавал реальность парапсихологических явлений и т. п., он, по нашему мнению, не сумел сделать последнего решительного шага в признании автономности психики, ее онтологичности. Он считал психику качеством организма, а не отдельной сущностью. Лучше сказать, что перед этой проблемой он колебался, как бы боясь выйти за пределы научного мышления.

Возможны следующие варианты понимания психического как бытия: 1) Психика является эпифеноменом физиологических явлений мозга; 2) Психика является самостоятельной сущностью, хотя и связана с мозгом. Об этом свидетельствует целый ряд фактов психической жизни: сновидения, парапсихологические явления и другие, бессознательные и подсознательные процессы.

⁴⁴ См.: Braun E. Psychogene Reactionen. Handbuch der Geisteskrankheit. Bd.5, 1928.

Мы же считаем, что пора психологам признать возможность независимого существования психики. Психические образы, в том числе архетипы и другие символы, получая выражение с помощью тела человека, сами не являются телесными сущностями. Психические образы и мысли – это «сгустки» психической энергии и информации. Причем ни психическая энергия, ни информация, по нашему мнению, не являются материальными явлениями, телесными сущностями. Только их носители могут быть телесными и протяженными.

В свете сказанного представляет большой интерес следующий вопрос: не являются ли психосоматические явления свидетельствами того, что психика является отдельной, независимой сущностью? Ведь бывают случаи, когда даже туберкулез внезапно излечивается (такие данные приводит Юнг). Это происходит после того, как с помощью психолога больной добывается понимания природы своих комплексов.

Психика, безусловно, связана с мозгом. Но как отмечено некоторыми крупными психологами, психиатрами и физиологами, структура и физиология мозга не объясняют психические процессы⁴⁵. Психика имеет своеобразную природу, которую нельзя свести к чему-то другому. Это своеобразие выражается, в первую очередь, в феномене сознания, без которого, как полагал Юнг, и мир бы не существовал для человека. Мир существует в той мере, в какой сознательно отражается и сознательно выражается человеком. Сознание является предусловием бытия. Поэтому психика обладает таким же космическим достоинством, как и физический мир.

Носителем этого сознания является человек, который не производит психическое по своей воле, а, наоборот, формируется благодаря этой психике, которая постепенно открывается ему начиная с раннего детства. Если психика так важна, заключает Юнг, то важен и человек – ее единственный носитель. Более того, Юнг считал, что психика выражается через человека, что человек является единственным непосредственным выражением психики.

Б. Бессознательное и его динамика. – Поскольку речь шла о взглядах Юнга на бессознательное, уместно добавить еще несколько представлений этого известного исследователя. По его мнению, «первоначальную психику» составляют, кроме инстинктов, архайческие мыслеформы, иллюзии, фантазии, символы и другие психические явления. Эти реликтовые содержания психики нередко получают в свое распоряжение огромное количество психической энергии и врываются в область сознания и поведения. Причем «чем сильнее они вытесняются, тем более сосредотачиваются в личностной сфере и в неврозе. Эта первобытная психика, согласно Юнгу, присутствует и действует также у ребенка⁴⁶. У детей содержание первоначальной психики в целом подвергается амнезии, лишь изредка появляясь в сфере сознания взрослых людей. Эти бессознательные содержания могут участвовать в т. н. *индивидуации* личности, т. е. в ее психическом созревании.

Как бессознательное, так и подсознательное (как будет видно из последующего изложения) – это динамические сферы психики. Но каким образом осуществляется эта динамика, что она собой представляет – это уже вопрос, который требует специальных исследований. Это трудный вопрос, поскольку, как любил полусуто говорить Юнг, «бессознательное – это действительно бессознательное», и о нем трудно получить сведения.

Но поскольку главным содержанием наследственного бессознательного, по мнению Юнга, являются архетипы коллективного бессознательного, то можно считать вполне приемлемым следующее утверждение Юнга (оно было высказано во время беседы с американским психологом Ричардом Эвансом): когда человек находится в сознательном состоянии и живет сознательной жизнью, в его бессознательной психике все время играют мифы (a myth is played), которые простираются на прошедшие века и эпохи. Это поток архаических

⁴⁵ См.: Jung C.G. The Undiscovered Self. New York: Penguin Books, 1958, p. 58.

⁴⁶ См.: Человек и его символы. Под ред. К. Г. Юнга. СПб.: «Б.С.К.», 1996, с. 112.

образов, который идет через индивида и через века. Этот непрерывный поток проникает «под дневной свет» только в периоды политических и духовных движений. Зная об этих архетипических потоках, мы сможем предвидеть наступающие исторические события. Юнг утверждал, что зная своих немецких пациентов, он в свое время предвидел приход к власти нацистов и Вторую мировую войну. У них возникали такие сновидения, в которых предвиделись эти события, причем с достаточной подробностью⁴⁷.

§ 6. Новые эмпирические доказательства концепции наследственного бессознательного

Хотя предложенную нами еще в 1980 году концепцию наследственного бессознательного мы в достаточной мере обосновали доступными тогда эмпирическими данными⁴⁸, за последующие годы целым рядом исследователей получены новые результаты, подлинное значение которых, как нам представляется, может стать понятным только в рамках концепции наследственного бессознательного и, еще шире, теории уровней психической активности человека. Мы считаем, что все вновь полученные данные о психической жизни младенцев доказывают наши тезисы о том, что инстинкты имеют описанную выше структуру и создают ориентацию психической активности, в первую очередь познавательной.

Напомним основные тезисы нашей концепции об инстинктах: каждый инстинкт состоит из влечения, образов, элементарных мыслительных структур и схемы определенных действий, предназначенных для реализации в определенных ситуациях; эти действия воспроизводятся под воздействием определенных внешних стимулов. Уместно напомнить, что многие современные психологи склонны свести инстинкт к определенной цепи поведенческих актов, движений, что мы считаем таким сильным упрощением, которое искажает реальность инстинкта; каждый инстинкт человека сообщает направленность его восприятиям и другим психическим процессам (иначе говоря, процессам переработки информации), сообщая им избирательный характер. Познавательные процессы и их механизмы – физиологические и психологические – не являются блоками инстинктов, а служат им для удовлетворения инстинктивных потребностей человека.

В наследственном бессознательном, но вне структуры инстинктов, также имеются образы и категории, которые направляют онтогенетическое развитие и познание мира. Идеи И. Канта, К. Г. Юнга и других мыслителей в наши дни получают подтверждение в эмпирической психологии. Так называемый *нативизм*, долгое время критикуемый, подтверждается современной наукой.

В свете этих идей рассмотрим некоторые из новых эмпирических данных, полученных в области психологии развития и эволюционной психологии, а также в ходе наблюдений автора этих строк над процессом развития нескольких младенцев и детей вплоть до подросткового возраста⁴⁹.

1) *Доказательства наследования образов.* – Вот одно из таких доказательств: «... дети в возрасте одного месяца могут зрительно узнавать объекты, которые они ощупали лишь ртом»⁵⁰. Авторы не интерпретируют данный экспериментальный результат; с нашей

⁴⁷ См.: Evans R.I. Jung on Elementary Psychology, p. 83.

⁴⁸ См.: Налчаджян А. А. Личность, психическая адаптация и творчество. Ереван, «Луйс», 1980, гл.1, § 2.

⁴⁹ Более подробно факты, полученные другими психологами и используемые нами, можно найти в следующих трудах: Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М., «Прогресс», 1975; Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. СПб., «Прайм-ЕВРОЗНАК», М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2003; Роджер Р. Хок. 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. СПб., «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003; Крайг Г. Психология развития. СПб., «Питер», 2001, и др.

⁵⁰ Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 199–200.

же точки зрения он означает, что **в психике младенца образ одной модальности может порождать образы других модальностей**, которые затем обеспечивают узнавание соответствующей модальности (например, зрительное узнавание того же предмета). Это наследственно обусловленный и довольно сложный познавательный процесс визуализации образов более примитивной тактильной модальности.

2) «Всего через несколько минут после рождения дети демонстрируют предпочтение картинкам с лицами, а не картинкам с пустыми овалами или лицами с размытыми чертами»⁵¹. Уже в 1980 году мы интерпретировали результаты экспериментов Фанца в качестве **доказательств возможности наследования обобщенных образов человека (видового образа)**, которые в онтогенезе конкретизируются в процессе восприятия людей или картинок. Более того, трех-четырёхмесячные дети различают приятные лица от неприятных, т. е. проявляют эстетическое предпочтение, замечая тонкие различия не только профиля головы, но и внутренних деталей лица людей. Но ведь этому никто их не научил!

3) **Оценка общего количества предметов.** – Опыты показали, что младенцы в возрасте пяти месяцев умеют различать две группы предметов, включающие различные их количества. Например, если в первом наборе имеется 8 предметов, а во втором – 16, то дети эту разницу различают, что выражается в виде удивления (более продолжительного взгляда). Исследователи отмечают: «Такая способность оценивать количество (не считая) была продемонстрирована у многих видов животных и у человеческих детенышей до развития у них речи»⁵². Считать количество предметов дети учатся в связи с развитием речи, но способность оценивать общее количество присутствует в их психике изначально. Такая оценка осуществляется теменными долями головного мозга. (Это означает иметь врожденные понятия «много – мало», «больше – меньше», причем в сопряженном виде. Здесь, как мы видим, проявляется действие **закона сопряженного развития**, и мы получили одно из возможных доказательств того, что данный закон имеет наследственный и бессознательный характер. Одним из вопросов, которые следует выяснить с помощью новых эмпирических исследований, следующий: есть ли порог различения двух групп одного и того же предмета? Иначе говоря, каково минимальное различие двух групп, которое все еще воспринимается младенцами?).

4) **Способность к имитации.** – Младенцы имитируют движения и мимику взрослых людей, в первую очередь матери (высовывают язык, как они); подражают мимике (грусти, радости, удивлению, страху и т. п.). Чтобы делать все это, требуется врожденная способность к сложным сенсомоторным координациям. Подобное доязыковое общение является одной из предпосылок развития речи.

Мы считаем, что имитационное поведение младенцев является формой активности, направленной врожденным общественным инстинктом. Имитация в младенчестве возможна только в том случае, когда у ребенка имеются внутренние образы тех действий, которые он повторяет. Труднее повторять те действия, соответствующие образы которых в наследственности (психологическом генотипе) не содержатся. Поэтому искусственные действия усваиваются с трудом, с помощью многих повторений.

Итак, согласно современным данным, «... ядро, основа для когнитивного развития, заложено в геноме человека. «Кирпичики», составляющие систему концепций, названы концептуальными примитивами (Jones, 1999). Как было сказано ранее, дети обладают врожденным пониманием временных интервалов и движения объектов. Они могут судить о количестве и величине предметов (Wynn, 1994; Xu and Spelke, 2000). Они способны спонтанно

⁵¹ Slater and Johnson, 1998; Цит по: Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 200). Напомним, что впервые подобные эксперименты проводились Фанцем. (См. в сб.: Восприятие: механизмы и модели. М.: «Мир», 1974.

⁵² Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 200.

анализировать элементы разговорной речи. У них есть врожденный талант к пониманию тонких аспектов эмоционального общения и межличностных отношений. Совсем маленькие дети способны упорядочивать перцептивную информацию из внешней среды в дискретные объекты (Kellaman and Spelke, 1983), включая лица (Johnson, 1989)»⁵³. Дети различают движения живого и неживого, очень рано приобретают концепцию живого и т. п.

5) Фундаментальные эмоции – часть наследственного бессознательного. – У всех людей часть генотипа является общей. Общечеловеческий генотип является источником целого ряда общих психологических свойств, процессов и переживаний. Один из блоков этих наследственных психических явлений – фундаментальные эмоции: 1. Удовольствие – радость; 2. Удивление; 3. Горе – страдание; 4. Интерес – возбуждение; 5. Гнев – ярость; 6. Отвращение – омерзение; 7. Презрение – пренебрежение; 8. Страх – ужас; 9. Стыд – застенчивость; 10. Вина – раскаяние. Они имеются у представителей всех этносов и рас. (См. в трудах П. Экмана, К. Изарда и др.). Переживания состояний страха, гнева, отвращения, счастья, грусти и др. имеются у всех и выражаются примерно одинаковым образом невербальными средствами (в первую очередь в мимике). Они связаны с одинаковыми физиологическими процессами, вызывают одинаковое поведение; эти же эмоции наблюдаются даже у тех людей, которые, имея психические недостатки (слепоту, глухоту), не могут узнать, как и в каких ситуациях люди имеют такие переживания и как принято их выражать, т. е. научение исключается).

Наследственный характер названных психических переживаний подтверждается целым рядом специальных исследований: а) И. Эйбл – Эйбесфельдт писал, что от рождения глухие и слепые дети, имеющие повреждения мозга, неспособные научиться эмоционально реагировать на окружающий мир, тем не менее «...проявляют много нормальных эмоциональных реакций, они улыбаются, смеются, злятся и удивляются»⁵⁴; б) люди с генетическими отличиями испытывают различные чувства. Мы утверждаем, что даже так называемые нормальные генетические различия людей приводят к различным переживаниям и индивидуальным различиям в сфере эмоций и чувств; в) фундаментальные эмоции есть у всех, но их выражение (ситуация, формы, уровни и т. п.) различаются по двум главным причинам: в результате тех индивидуальных различий, о которых выше уже сказано, и в зависимости от этнокультурных различий. Например, представители этносов Э₁, Э₂, ... Э_п могут одновременно переживать гнев, но выражать их по-разному и по форме, и по интенсивности экспрессии. В различных этнических культурах существуют различные нормы и правила переживания и выражения людьми своих чувств.

Существование солидной наследственно-бессознательной основы психического развития в онтогенезе в настоящее время не вызывает никакого сомнения.

§ 7. Эндоптические образы (фосфены) как элементы наследственного бессознательного

Фосфены, которые иначе называются также энтоптическими образами (т. е. образами внутреннего зрения; мы считаем, что правильнее было бы назвать их эндоптическими образами, эндопсихическими) – это элементарные геометрические фигуры, которые появляются перед умственным взором людей, когда зрительные центры головного мозга раздражаются: а) либо определенными внешними однообразными стимулами (например, при восприятии чистой доски, широких полей, саванн и т. п.); б) либо же при искусственном раздражении

⁵³ Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 203.

⁵⁴ Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг Д. Социальная психология. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002, с. 64; Изард К. Психология эмоций. М., СПб.: «Питер», 2003, с. 31–33.

определенных зон зрительной коры головного мозга человека⁵⁵. Это круги, спирали, зигзаги, точки, кривые линии, решетки и т. д. При спонтанной стимуляции продуцирующих (или хранящих) их первичных структур зрительных центров перед взором человека появляются эти элементарные образы, переживаясь как галлюцинации⁵⁶.

Мы уже отметили выше, что кроме целостных обобщенных образов, входящих в структуру инстинктов, человек наследует также другие психические образы, которые могут послужить как инстинктивным, так и другим целям. Теперь мы утверждаем, что фосфены как раз принадлежат к числу этих элементарных образов. Современные исследования подтверждают нашу точку зрения. Говоря о фосфенах и имея в виду целый ряд исследований, Дж. и Л. Палмеры пишут следующее: «О подобных образах повсеместно сообщают люди, которые находились в измененном состоянии сознания, независимо от того, было ли это состояние вызвано психотропными наркотиками, жаром, голодом, бессонницей, патологией мозга или его электрической стимуляцией. Современные шаманистские сообщества, такие как народ сан в пустыне Калахари, воссоздают эти образы в своем наскальном искусстве (Lewis-Williams and Dowson, 1988), а в палеолитическом пещерном искусстве эти паттерны появляются среди изображений животных... Паттерны фосфенов также присутствуют в рисунках детей и в определенной степени даже в рисунках, выполненных человекообразными обезьянами. Универсальность энтоптических образов обусловлена общей нервной архитектурой мозга высших приматов»⁵⁷.

Фосфены можно считать частью нашего бессознательного психобиологического наследия. Можно предположить, что при восприятии конкретных предметов наследственные фосфены, активизируясь, принимают участие в формировании целостных образов (гештальтов). Более того, активизируясь и став «кирпичиками» образов, они (фосфены) должны автоматически активизировать также соответствующие биологические реакции, которые хранятся в наследственной бессознательной сфере. Эти автоматические действия могут быть компонентами инстинктов.

Если фосфены универсальны, тогда есть основание считать, что (как это делают упомянутые выше авторы) они связаны с тем, что К. Г. Юнг имел в виду под «коллективным бессознательным». Идеи Юнга о коллективном бессознательном в настоящей книге мы обсуждаем, но здесь уместно привести их краткое изложение, данное Дж. и Л. Палмерами: «Юнг говорил о коллективном бессознательном, которое наследуется биологически и состоит из предсуществующих форм, архетипов. Считалось, что архетипы – это неопределенные структуры, которые кристаллизуются в конкретную форму в результате личного опыта индивидуума. Кроме того, Юнг полагал, что каждый индивидуум наследует ранее сформированные паттерны апперцепции, которые направляют и ограничивают сознательную обработку определенного опыта. Таким образом, по Юнгу, такие понятия, как добро и зло, смерть и бессмертие, душа и Бог, являются частью врожденной психологической архитектуры, характерной для человеческого вида. Возможно, что большая часть искусства плейстоцена создавалась, чтобы выразить подобные духовные понятия. Возможно, что группы, которые могли создавать подобные символы и объединяться вокруг них, были более сплоченными и, следовательно, имели больше шансов выжить, чем другие группы, у которых этот общий паттерн поведения отсутствовал»⁵⁸.

⁵⁵ На странице 313 упомянутой книги Дж. и Л. Палмеров приводятся некоторые из наиболее часто появляющихся у людей фосфенов.

⁵⁶ См.: Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 312; имеется ссылка на следующий источник: Aiken N., The biological origin of art. West-port (CT): Praeger, 1998.

⁵⁷ Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 312.

⁵⁸ Палмер Дж., Палмер Л., указ. соч., с. 314.

Как нетрудно видеть, исследование бессознательного еще одним путем приводит нас к проблемам когнитивных основ этногенеза и этнической истории, которые мы намерены обсудить в отдельной монографии. Пока можно предложить следующую гипотезу: возможно, что наскальные надписи – на армянском языке – жайрапаткернер – частично являются фосфенами, изображениями тех примитивных галлюцинаций, которые появлялись у древних людей на горных вершинах. Это надо исследовать.

§ 8. Сон, сновидения, бессознательное

Хотя сновидениям и тому значению, которое имеет их исследование для теории уровней психики, мы посвящаем отдельную главу, их рассмотрение в связи с проблемой бессознательного считаем совершенно необходимым.

В ходе биологической и социально-психологической эволюции психическая сфера и соотношения ее уровней, по-видимому, претерпевали серьезные изменения. Получены данные, свидетельствующие о том, что у новорожденного наблюдаются парадоксальные фазы сна со сновидениями, со всеми объективными физиологическими процессами, которые у взрослых индивидов сопровождают переживание сновидений⁵⁹.

Нет сомнения, что в ходе онтогенетического развития, включая период пренатального формирования, у человека вначале разворачиваются наследственные бессознательные психические содержания, затем на их основе формируется подсознательное и лишь затем – сознание и самосознание. Сознание, таким образом, является более поздним психическим образованием как в филогенезе, так и в онтогенезе.

Вследствие того что в период пренатального развития на плод действуют лишь немногие внешние раздражители, внутренним источником быстрого психического развития в первые годы жизни, наряду с социально-культурными воздействиями, надо считать содержания наследственной бессознательной сферы. Именно в свете этого особый интерес приобретает возможность сновидений не только у новорожденных, но даже у плода в последний период пренатального развития (данные А. М. Вейна, Яна Освальда и др.).

Согласно сведениям, приводимым А. М. Вейном, быстрый («парадоксальный») сон, у взрослых всегда сопровождающийся сновидениями, у недоношенного ребенка составляет 60–84 % от общей продолжительности сна. У новорожденного 1–15 дней – примерно 49–58 %. С возрастом этот процент уменьшается и у людей 65–87 лет составляет 20–22 процента всего времени сна. Эти данные поразительны потому, что, согласно распространенной точке зрения, чем больший опыт накапливает человек и чем больше проблем выдвигает перед ним жизнь, тем больше необходимости и возможности для активной психической деятельности во сне. Между тем в отношении новорожденного (не говоря уже о недоношенном ребенке) мы о наличии такой необходимости утверждать не можем.

Есть данные, свидетельствующие о том, что в филогенезе медленный сон предшествует быстрому сну со сновидениями. Следовательно, сон со сновидениями является одним из результатов предшествующей *психической эволюции*. У А. М. Вейна мы читаем: «Есть основание обозначить быстрый сон как сон со сновидениями, и даже, по мнению некоторых психологов, считать, что подобное функциональное психическое состояние и вызывает к жизни эту фазу сна»⁶⁰.

В связи с установленным фактом наличия и даже преобладания быстрого сна у новорожденных и недоношенных детей возникает вопрос о том, каковы природа и содержания

⁵⁹ См., например: Вейн А. М. Бодрствование и сон. М., «Наука», 1970; Налчаджян А. А. Ночная жизни. Личность в своих сновидениях. М., СПб., «Питер», 2004.

⁶⁰ Вейн А. М. Бодрствование и сон. М., Изд-во «Наука», 1970 с. 32; более подробно и на современном уровне эти вопросы обсуждаются в книге: Налчаджян А. А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. М., СПб., «Питер», 2004.

их сновидений и в какой степени у них тоже сновидения вызывают к жизни парадоксальные фазы сна. Нет сомнения, что данный вопрос непосредственно касается проблем наследственной бессознательной психической сферы человека.

У новорожденных наблюдаются все объективные показатели наличия парадоксального сна: быстрые движения глаз, снижение мышечного тонуса всего тела (особенно лицевых мышц), возникновение различных движений (в том числе выразительных, отражающих характер переживаемого сновидения), «вегетативная буря» (учащение дыхания и его нерегулярность, неритмичный и частый пульс, повышение артериального давления, усиление гормональной активности); особое значение имеет появление в фазах быстрого сна такой же электрической активности мозга, какая наблюдается в бодрствующем состоянии. Рассматривая эти данные, А. М. Вейн пишет: «Существует предположение, что сдвиги (речь идет о вегетативных и других физиологических сдвигах в организма. – А. Н.) связаны с интенсивностью сновидений и их эмоциональной окраской. Однако такое объяснение вряд ли достаточно, так как подобные отклонения имеют место у новорожденных и у низших млекопитающих, у которых предположить сновидения трудно»⁶¹. Это свое сомнение А. М. Вейн выражает и в другой форме: быстрый сон ярко представлен у новорожденных и у низших млекопитающих, но и в таких случаях вряд ли возможно говорить об оформленных сновидениях. «Скорее всего, – добавляет он, – быстрый сон по своим особенностям наиболее благоприятен для возникновения сновидений»⁶².

Однако относительно этих фаз сна можно предположить по крайней мере повторное сновидное переживание элементарных ощущений, накопленных в пренатальный период онтогенетического развития. О реальности таких ощущений в пренатальный период достаточно обоснованно пишет, например, А. В. Брушлинский⁶³. Но этим вряд ли возможно объяснить тот факт, что парадоксальный сон занимает такое большое место в начальных фазах онтогенеза: эти элементарные ощущения, ни по своему содержанию, ни по своей значимости не могут занимать подобное преобладающее место в жизнедеятельности формирующегося человека. Нам представляется более обоснованным вывод, согласно которому в парадоксальные фазы сна психика новорожденных оперирует более богатыми психическими содержаниями, выходящими за рамки их чрезвычайно ограниченного индивидуального опыта. Известно, что сновидения необходимы для нормального протекания психической активности, а длительное лишение сна приводит к неврозам и даже более серьезным психическим расстройствам. Вполне возможно, что быстрый сон и сновидения во внутриутробном периоде и в раннем детстве также необходимы для дальнейшего нормального психического развития индивида. Другое дело, какую форму имеют конкретные содержания этих сновидений и как они реализуют эту свою функцию. Думается, что эта гипотеза заслуживает внимания исследователей.

В свете вышеизложенного нам представляется менее обоснованной другая гипотеза, согласно которой быстрый сон является периодом интенсивной активности мозга, способствующей его анатомическому и функциональному созреванию и развитию. Дело в том, что в онтогенезе, особенно в начальных его фазах, любая активность мозга способствует его развитию. Поэтому функция развития вряд ли специфична для быстрого сна, хотя он особенно сильно представлен в начальные периоды онтогенеза. В связи с этой гипотезой А. М. Вейн тоже выражает обоснованное сомнение: «В этом случае не совсем понятно, почему быстрый сон остается и в зрелом возрасте, когда дальнейшее структурно-функциональное

⁶¹ Вейн А. М., указ. соч., с. 34.

⁶² Вейн А. М., указ. соч., с. 32.

⁶³ См.: Брушлинский А. В. О соотношении биологического и социального в развитии личности. – В сб.: Теоретические проблемы психологии личности. М., «Наука», 1974.

развитие мозга прекращается»⁶⁴. Вряд ли можно считать достаточным объяснение, что в пожилом возрасте быстрый сон периодически активизирует работу нейронов для предохранения чрезмерного углубления сна, способного привести к необратимым нарушениям сердечнососудистой и дыхательной систем. Если даже быстрый сон играет такую роль (что вполне возможно), то остается объяснить важный вопрос о причине возникновения сновидений во время парадоксального сна. Кроме того, у нас нет никаких оснований полагать, что хотя быстрый сон у взрослого протекает со сновидениями, у новорожденных они в аналогичные фазы сна (имеющие почти одинаковые объективные проявления) отсутствуют.

В пользу реальности сновидений у новорожденных говорит тот факт, что у них в быстром сне наблюдаются сосательные движения, подергивания, гримасы и улыбки. Эти движения можно истолковать как двигательные проявления внутриспсихических состояний и процессов сновидений, как это, без сомнения, имеет место у взрослых. Как для новорожденных, так и для взрослых справедливо утверждение, согласно которому основной причиной движений во время сна – «функциональное состояние мозга, которое приводит к концентрации движений во время определенных циклов сна»⁶⁵.

В литературе приводятся данные, доказывающие, будто дети видят сны с 2–3 лет или, даже начиная с более позднего возраста. Нам же представляется, что авторы, приводящие подобного рода данные, вследствие недостаточно точного их анализа, путают две вещи: наличие сновидений и возможность для индивида отчитаться о них.

Можно полагать, что ребенок имеет сновидения в любом периоде онтогенеза. Однако рассказать о них он может лишь после приобретения речи, сознания и интроспекции. Эти сложные психические способности и сознательный уровень психической активности появляются около 1,5–2 лет, а иногда позже. Сновидения, переживаемые ребенком до этого возраста, остаются неизвестными для нас. Об их реальности можно судить на основе наличия быстрого сна с целым рядом объективных проявлений. Например, если у детей во сне появляются быстрые движения глаз, то они (как и взрослые), по-видимому, как бы «просматривают сон».

Мы же думаем, что обе – физиологическая и психологическая – гипотезы о роли быстрого сна новорожденных не противоречат друг другу. Если, как полагают и другие авторы... «основной задачей этой фазы сна является активация и подготовка нервных путей для последующего приема и переработки информации»⁶⁶, то нет никаких оснований для категорического утверждения, будто быстрый сон новорожденных не сопровождается сновидениями. Можно согласиться также с идеей А. Вейна о том, что, вследствие нескольких различных ролей быстрого сна в филогенезе и онтогенезе обобщение накопленных к настоящему времени данных затруднено. Быстрый сон, как и другие сложные психофизиологические процессы, без сомнения, эволюционируют и на различных этапах филогенеза и онтогенеза имеют различные внешние и внутренние (в том числе содержательно-психические) особенности.

В связи с проблемой наследственного бессознательного заслуживает внимания также следующий факт. Ряд авторов (Т. Н. Ониани, сам А. М. Вейн и др.) указывают, что у некоторых видов животных почти все фазы парадоксального сна кончаются пробуждением, поскольку сновидения у них носят устрашающий характер. У людей такое пробуждение наблюдается редко. А. М. Вейн заключает: «В тех случаях, когда в сновидениях содержится угроза личности, когда субъекта в сновидении могут физически уничтожить, как правило, наступает пробуждение – видеть себя убитыми в сновидении нам не дано. Возможно, это атавизм, доставшийся нам от диких предков, которые в таких случаях также пробуждались

⁶⁴ Вейн А. М. Бодрствование и сон, с. 46.

⁶⁵ Вейн А. М., указ. соч., с. 58.

⁶⁶ Вейн А. М. Нарушения сна и бодрствования, с. 56)

во избежание реальной опасности»⁶⁷. Такое заключение по крайней мере не лишено интереса для психологии, поскольку речь идет о возможном наследовании сложного психического феномена.

§ 9. Психогенетика речи и языка, и проблема бессознательного

Для понимания структуры бессознательной сферы значительный интерес представляют существующие гипотезы о происхождении языка. В частности, представляет интерес следующая мысль Джерома Брунера: «Трудно устоять против искушения поверить настоящим многим современным исследователям лингвистики, утверждающих, что язык представляет собой врожденную структуру, коренящуюся во врожденных «идеях», которые постепенно дифференцируются, превращаясь в грамматические правила»⁶⁸.

Нет сомнения, что Дж. Брунер имеет в виду концепции происхождения языка, выдвинутые, в частности, Н. Хомским и Дж. Леннебергом⁶⁹. Вообще предложенные до сих пор гипотезы о происхождении языка имеют непосредственное отношение к обсуждаемой здесь проблеме психического бессознательного. В дальнейшем следует организовать эмпирические исследования процесса усвоения ребенком языка и развития речи с установкой на раскрытие бессознательных механизмов языка.

Развитие изложенных выше идей нам представляется весьма перспективным.

§ 10. Чувствительность и о генезисе бессознательной психики

Может ли появление чувствительности считаться «объективным биологическим признаком возникновения психики»? Идею о том, что так именно и есть, еще в 30-е годы XX века выдвинул А. Н. Леонтьев, после чего все советские авторы, касаясь проблемы возникновения психики, некритически повторяли ее.

Чувствительностью А. Н. Леонтьев и другие авторы называют способность реагировать на нейтральные («абиотические») раздражители, когда они сигнализируют о появлении жизненно важных воздействий. Однако возникает вопрос: какое преимущество имеет процесс восприятия нейтральных раздражителей (например, ручки) перед процессом восприятия биологически значимых раздражителей (например, куска мяса)? Почему в первом случае можно сказать, что налицо психика (психическое отражение), а во втором случае – нет?! Нам трудно понять подобную премудрость. Она плохо продумана. Поэтому мы предпочитаем придерживаться иной точки зрения.

Мы полагаем, что о наличии психики можно говорить уже в том случае, когда живой организм переживает простейшие ощущения, а тем более – восприятия объектов. И совсем неважно, что он воспринимает.

Способность восприятия абиотических сигналов говорит о наличии более высокого уровня психической активности. Но она ни в коей мере не означает начала генезиса психики, она не может считаться «признаком возникновения психики»⁷⁰.

⁶⁷ Вейн А. М. Нарушения сна и бодрствования, с. 57.

⁶⁸ Сб.: «Исследования развития познавательной деятельности». Под ред. Д. Брунера и др. М., 1971, с. 76.

⁶⁹ См.: Lenneberg E.H. Biological foundations of language. New York: Wiley, 1967; Lenneberg E.H. (Ed.), New directions in the study of language. Cambridge (Mass.): 1961.

⁷⁰ См., например: Лурия А. Р. Эволюционное введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1975, с. 35; здесь Лурия повторяет точку зрения Леонтьева.

§ 11. «Психогенетический закон»

В биологии известен т. н. биогенетический закон Мюллера – Геккеля, который гласит: онтогенез сокращенно повторяет филогенез. В психологии, по аналогии, уже была высказана идея о том, что психологический онтогенез повторяет филогенез психики, развитие психики в антропогенезе и истории человечества. Эту идею можно назвать попыткой формулирования *психогенетического закона*.

Если психогенетический закон действительно существует, то его действие необходимо распространить на два этапа развития: 1) на собственно филогенетический этап – этап предков человека и антропогенез в целом; 2) на этап общественной и этнической истории человечества; такое разделение мы считаем важным, поскольку оно позволяет более дифференцированно искать в психике индивида (в онтогенезе) «осколков» архаических психических содержаний и способностей.

1) *Первобытное в психике ребенка*. – Это такие черты, склонности и переживания, которые имелись у первобытных людей и даже у их животных предков. Каковы сходства ребенка с дикарем? Эти сходства следует искать в переживаниях и формах познания мира. В частности: а) в фундаментальных чувствах и эмоциях, б) в архаических формах мышления. Например, иррациональный страх и тревога наблюдаются как у дикарей, так и у детей. Темнота, шорохи, ночные неопределенные звуки вызывают тревогу у дикарей. Они вызывают тревогу и страх также у маленьких детей. Эти психические приобретения составляют наиболее глубокий слой психики человека и животных и лежат в основе бессознательной сферы. В них есть общие для человека и животных эмоции и формы познания, инстинкты и другие психические феномены. Это скрытая в глубине психики «дикость» человека. Ее существование обусловлено тем, что человеку в далеком прошлом наследственно передавались не только генетически уже детерминированные, но и приобретенные признаки, влечения и способности. Современная генетика человека такую возможность не исключает.

2) *Архаически-этническое и расовое в психике человека*. – В истории человечества расы и этносы появились примерно в одно и то же время, возможно – с некоторым опережением появления рас. Те генетические факторы (гены и их комбинации), которые определяют расовые признаки человека, в том числе группы крови, не могут быть совершенно индифферентными для психологических признаков людей. Мы полагаем, что расовые психические признаки существуют, причем следует провести различие между двумя их пластами: а) такие расово-психические признаки, которые генетически сцеплены с расой и являются подлинно наследственными, б) такие психические признаки, которые появились у различных представителей рас под влиянием их первичных расовых признаков. (Например, такие психические признаки и переживания негров, которые появились у них из-за их черной кожи, толстых губ и т. п.). Первоначально эти признаки появились у индивидов в онтогенезе, однако могли передаваться по наследству.

3) *Этнические признаки, которые передаются по наследству*. – У древних народов этнические признаки появились так давно, что они могли закрепляться в генотипе и передаваться по наследству. Например, чувство родного языка, чувствительность к образам представителей своего этноса, чувство родного ландшафта и т. п. ... В целом, этничность, по нашему мнению, оставляет определенный след в генотипе этнофоров. Этот след необходимо раскрыть и исследовать.

Психогенетический закон касается не только содержания бессознательного. Данный закон должен объяснить также то, каким образом описанные выше психические содержания развертываются в онтогенезе современных людей, участвуя в приобретении новых психических способностей и содержаний? Каким образом актуализируются эти содержания?

Какие психологические различия между этносами при этом обнаруживаются? Какие обнаруживаются индивидуальные различия среди этнофоров одного и того же этноса? Каким образом среда в одних случаях способствует проявлению отдельных архаических психических содержаний, а в других – подавляет их? Вполне понятно, что получение содержательных ответов на поставленные вопросы позволит значительно расширить наши представления о наследственной бессознательной сфере психики человека.

Глава 3. Подсознательная сфера психики

§ 1. Подсознательное

Феномены и психические процессы, объединяемые в настоящей книге под названием «подсознательное» или «подсознательная сфера психики», в психологической, философской, психиатрической и даже в художественной литературе в определенной степени уже описаны. Однако серьезная путаница получается в рассуждениях разных авторов по той причине, что почти все они, затрагивая проблему неосознаваемых психических явлений, смешивают понятия «бессознательное», «подсознательное», «психика», «сознание», «предсознательное» и др. Поскольку этими словами обозначаются психические явления, в итоге получаются путанные рассуждения о таких явлениях, которые должны быть отнесены к различным категориям.

В качестве критериев разграничения относительно самостоятельных уровней (сфер) психики человека приняв генетический критерий (способ, истоки происхождения и формирования) и критерии отношения к сознанию (как к своеобразной «точке» отсчета), мы можем сказать, что бессознательное и подсознательное – различные сферы психики. В то время как компоненты бессознательного, как мы показали выше, имеют наследственный характер, *генезис и формирование подсознательного полностью происходит в онтогенезе* на основе унаследованной бессознательной сферы психики. Исходя из этого положения, *подсознательное можно определить в качестве онтогенетической динамической памяти человека*, тогда как компонентами бессознательного, как мы уже видели, являются психофизиологические выражения наследственной (филогенетической) памяти.

Подчеркивание отношения к сознанию принципиально важно для постановки проблем неосознаваемой психической активности. В этой связи удачной следует считать мысль Ф. В. Бассина о том, что «вопрос о бессознательном» по существу как особая тема возникает лишь при определенном подходе к проблеме сознания и решается во многом в зависимости от того, как эта более общая проблема интерпретируется»⁷¹. Следует лишь подчеркнуть, что более общей является проблема структуры и уровней *психики* человека, а проблема сознания исторически стала первой из-за того, что традиционная психология исходила из непосредственных данных интроспекции, представляющих феноменологию сознания. Повседневное психологическое самопознание людей также опирается на интроспекцию (наряду с объективным наблюдением).

Описанное выше разграничение, проводимое между бессознательным и подсознательным, имеет не только терминологическое значение. (Терминологические вопросы в данном случае также имеют очень большое научное значение. Очевидно, что возможность однозначного употребления перечисленных в начале настоящего параграфа терминов необходима для построения основ психологической теории). Такое разграничение важно главным образом потому, что создает предпосылки для целенаправленного исследования каждой из сфер психики, их взаимодействий и взаимовлияний. В частности, когда инстинкты, как врожденные формы психической активности человека, «включаются» в сферу бессознательного, тогда перед исследователем встает очень четкая проблема о путях генезиса и формирования подсознательной сферы как онтогенетической динамической памяти человека. Такое определение подсознательного самым естественным образом стимулирует мысль исследователя на поиски механизмов формирования и обогащения подсознательной сферы в процессе онтоге-

⁷¹ Бассин Ф. В. Проблема бессознательного, с. 155.

неза. Четкое же описание путей формирования подсознательного исключает возможность путаницы в понимании сфер психики.

§ 2. Пути формирования подсознательной сферы

Ценой известной схематизации можно выдвинуть положение о том, что подсознательная сфера психики образуется следующими основными путями: 1) с помощью подсознательных восприятий; 2) путем естественного вытеснения (нормального забывания) из сферы сознания в подсознательную сферу содержаний «потока сознания»; 3) путем «фрейдовского вытеснения» из сферы сознания неприемлемых или угрожающих структуре самосознания личности (самооценке, уровню собственного достоинства и гордости) психических содержаний; 4) постепенный переход в онтогенезе элементов бессознательной сферы в сферу подсознательного; это, в свою очередь, может осуществляться двумя путями: во-первых, через сферу сознания и, во-вторых, «прямым» путем из бессознательного в подсознательное. В реальном процессе жизнедеятельности, особенно в том случае, когда человек сознательно и активно познает окружающий мир и самого себя, все указанные пути в принципе могут быть использованы совместно. О каждом из них здесь мы сделаем лишь некоторые дополнительные замечания.

А. Подсознательные восприятия. – О реальности подсознательного восприятия свидетельствует множество «классических» клинических фактов: а) внезапное появление в сфере сознания, в кратковременной и оперативной сферах памяти, таких образов и мыслей, которые человеком никогда сознательно не воспринимались; б) известные гипнотические опыты по изучению постгипнотического внушения⁷²; данные, полученные при исследовании возможности гипнопедии (обучения во сне или в гипнотическом состоянии)⁷³. О реальности подсознательного восприятия свидетельствуют также классические данные о возможности образования условных рефлексов на субсенсорные раздражители⁷⁴.

Представляют интерес экспериментальные исследования социального восприятия. Впечатление о человеке есть обобщенный и осознаваемый результат очень сложных подсознательных процессов. О решительном влиянии подсознательных восприятий свидетельствует следующий результат: большому числу мужчин показали две фотографии одной и той же светлоглазой блондинки. «Все испытуемые нашли девушку более привлекательной на одном из фото, но ни один из них не сумел вразумительно объяснить причину такого предпочтения. «Здесь симпатичнее», – отвечали они, и все. Решительно никто из них не заметил (не осознал), что на более симпатичной фотографии у блондинки слегка расширены зрачки. И только. Более прозрачной иллюстрации роли подсознательных восприятий в наших предпочтениях, пожалуй, не найти. Остается гадать, почему расширенные зрачки придают симпатичность»⁷⁵. Зрачки расширяются при темновой адаптации, сильных эмоциях и под влиянием некоторых лекарственных веществ (например, атропина, которую получают от белладонны).

Поскольку у человека имеется несколько каналов восприятия информации, а мозг обладает способностью избирательно воспринимать разнообразную информацию, то напра-

⁷² См.: Буль П.И. Гипноз в клинике внутренних болезней. Л., 1968; работы В.М.Бехтерева, З. Фрейда, Л.Чертока и др.)

⁷³ См.: Свядош А. М. Восприятие и запоминание речи во время естественного сна. – «Вопросы психологии», 1962, № 1; Зухарь В., Пушкина И. Гипнопедия. – «Наука и жизнь», 1964, № 4; Близниченко Л. А. Ввод и закрепление информации в памяти человека во время естественного сна. Киев, 1966; Куликов В. М. К вопросу о гипнопедии. – «Вопросы психологии», 1964, № 2, и др.

⁷⁴ См.: Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961; Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. СМ., 1971; Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М., 1969 и др.

⁷⁵ Леви В. Я и мы. 2-е изд., М., 1973, с. 24.

шивается вывод, что «... поступающая информация обрабатывается скорее параллельно, чем последовательно»⁷⁶. Этот факт представляет важность для теории уровней психической активности как доказательство того, что обработка информации и самовосприятие в значительной мере осуществляются подсознательно. Вследствие своей узости сознание не может охватывать несколько модальностей восприятия одновременно. Восприятие и переработка информации бодрствующим человеком осуществляется в континууме «сознание – подсознательное».

Все новые и новые факты свидетельствуют о том, что мозг не является одним центральным анализатором, что этот орган является группой параллельно работающих систем обработки информации, «... причем каждая из этих систем анализирует информацию на наличие или отсутствие определенного «триггерного» свойства, которое включает стереотипный тип поведения»⁷⁷. Авторы сравнивают это с открытыми этологами врожденными запускающими механизмами животных. После приведения ряда примеров таких механизмов авторы высказывают следующую интересную мысль: «Очевидно, что чем совершеннее животное, тем большим числом поведенческих реакций и запускающих механизмов оно располагает. Не может ли, однако, оказаться, что принципы обработки информации человеческим мозгом являются прямым продолжением и усложнением этой детерминистической и в значительной степени врожденной схемы параллельной обработки, используемой низшими животными? Существует удивительно большое число данных... подтверждающих эту мысль»⁷⁸.

Эти данные и высказанная Р. Хэлдом и У. Ричардсом мысль представляют несомненный интерес для теории уровней психической активности человека, в частности, по той причине, что показывают конкретную форму связи бессознательного с подсознательным. Параллельная подсознательная обработка информации осуществляется с помощью наследственных бессознательных механизмов (центральных анализаторов). Весьма перспективна также мысль, что «чем совершеннее животное, тем большим числом поведенческих реакций и запускающих механизмов оно располагает». Это противоречит той устаревшей (но очень распространенной и официально принятой в советской психологии) точке зрения, согласно которой у человека нет инстинктов и вообще врожденной психики. Истина же состоит в том, что у человека больше врожденных и бессознательно функционирующих психологических механизмов, чем у любого другого вида животных.

С целью углубления теории подсознательного можно использовать обширные данные, полученные в исследованиях непроизвольного внимания, восприятия и запоминания⁷⁹. Поэтому вполне обоснованно можно утверждать, что исследование памяти и ее уровней по существу является исследованием уровней психики, в особенности сознания и подсознательного. Дело остается за соответствующим истолкованием полученных результатов.

Б. Переход содержаний потока сознания в подсознательную сферу. – О естественном вытеснении содержания «потока сознания» можно сказать, что, действительно, уже простое изменение в ходе жизнедеятельности поля восприятия (круга воспринимаемых предметов или ситуаций) приводит к выводу из сферы сознания личности предшествующих образов, которые либо исчезают из психики, поскольку не передаются в долговременную память (не консолидируются, подвергаются абсолютному забыванию), либо переходят в долгосрочную память, т. е. в подсознательную сферу. Однако «поток сознания» образуется не только из актуальных сознательных восприятий, но также из воспроизведенных элемен-

⁷⁶ См. в кн.: «Восприятие. Механизмы и модели». М.: «Мир», 1974, с. 13.

⁷⁷ Указ. соч., с. 14.

⁷⁸ Указ. соч., с. 14.

⁷⁹ См. об этом: Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., Изд-во АПН РСФСР, 1961; Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М., «Просвещение», 1966. Есть полезные данные и в более поздних работах. См. например: Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., «Питер», 2002; Клацки Р. Память человека. Структуры и процессы. М., «Мир», 1978 и др.

тов и ассоциаций подсознательной сферы⁸⁰. Это приводит к тому, что в сфере сознания новые восприятия ассоциируются с прошлым опытом личности, чем обеспечивается целостность и более или менее выраженная структурированность подсознательной сферы. Указание пути образования подсознательного через «поток» осознанных психических содержаний важно еще и потому, что позволяет говорить о переходе в сферу подсознательного *не только содержаний сферы сознания, но и их структурных особенностей*. Иначе говоря, мы приходим к естественному выводу о том, что сознание и подсознание имеют не только специфические, но и общие особенности, что открывает перспективы содержательного исследования подсознательных психических явлений с помощью данных о закономерностях работы сознания и структурирования психических содержаний при их представленности в сфере сознания.

В. Фрейдовское вытеснение. – Вытеснение из сферы сознания в подсознательное неприемлемых для личности (следовательно и для того социального мира, совокупность представлений, установок, норм и ценностных ориентаций которого интериоризованы личностью в процессе своего индивидуального развития) мыслей и переживаний, можно считать частным случаем предыдущего механизма, хотя в силу его важности и специфичности оно может быть выделено в качестве отдельного пути образования и расширения подсознательной сферы. Нет сомнения, что глубокое изучение этого пути образования подсознательного возможно только в рамках *теории фрустрации* и защитных механизмов. Само вытеснение, как принято в психологии, является одним из важнейших защитных механизмов личности. Его можно назвать даже *психогенным* механизмом, поскольку оно участвует в формировании структуры психики человека. Как известно, имеется целый ряд других защитных механизмов, таких, как рационализация, проекция, интроекция, сублимация и другие. Но вытеснение является таким универсальным защитным механизмом, что в процессах психической самозащиты сочетается почти со всеми остальными защитными механизмами⁸¹. Например, чтобы осуществить рационализацию, фрустрированная личность должна с помощью рассуждений вытеснить из своего сознания те представления и мысли, которые вызывают в ней тревогу.

Наконец, выше мы указали на то, что подсознательная сфера психики (онтогенетическая динамическая долговременная память) обогащается благодаря постепенному переходу в нее, в процессе онтогенеза и социализации, определенных элементов и блоков бессознательной сферы как проходя через сферу сознания, так и прямым путем, без осознания. Примером может служить упомянутое нами явление: в период полового созревания у юношей проявляется повышенный интерес к представителям противоположного пола, а затем самостоятельно или же с помощью других источников информации (сообщений других людей, печатной продукции) осознает инстинктивную основу своего влечения. (В возрастной психологии, или, как сейчас называют, в психологии развития, подобные факты общеизвестны). Такое знание в дальнейшем хранится в подсознательной сфере, всегда обладая возможностью перехода в сферу сознания. Нам еще почти совершенно неизвестны формы и механизмы «прямого» проникновения в подсознательную сферу содержаний бессознательного в процессе онтогенетического созревания и развития личности. Тем более рано говорить о том, каким образом бессознательные содержания (образы и прочее), если они существуют, обогащают подсознательное. Но важность этих вопросов очевидна. Одним из путей исследования таких процессов является анализ сновидений. (К. Юнг в свое время выдвинул идею об *индивидуации* личности, т. е. синтеза прижизненного опыта личности с архетипами в

⁸⁰ Эти идеи берут свое начало «издалека». См.: Джемс У. Психология. СПб., 1905; Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., «Мысль», 1972.

⁸¹ См.: Фрейд А. Эго и механизмы защиты. – В кн.: Теория и практика детского психоанализа. М., ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999, с. 115–244; Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Ереван, Изд-во АН Армении, 1988.

критические периоды жизни (период полового созревания, период ожидания неминуемой смерти. Это серьезная проблема и имеет прямое отношение к обсуждаемым нами проблемам. Но она требует отдельного исследования).

§ 3. Психическое содержание подсознательной сферы

После краткого рассмотрения путей формирования подсознательной сферы психики следует определить состав этой сферы, т. е. те различные виды психических содержаний и процессов, которые в нее входят. Если иметь в виду, что психические явления, обычно именуемые бессознательными, по существу входят в сферу подсознательного в том смысле, в котором мы ее понимаем, то в психологической литературе можно найти немало данных о содержании подсознательного⁸².

А. Психические содержания подсознательного. – В сферу подсознательного, если следовать ходу исторического становления взглядов на неосознаваемые формы психической жизни человека, входят, во-первых, подсознательные восприятия (по Лейбницу – малые или неощутимые восприятия). Это означает, что неосознаваемое, подпороговое восприятие как один из путей формирования подсознательной сферы психики, как процесс и как результат – образ, входит в эту же сферу. Каждый уровень психической активности включает как познавательные и иные психические процессы и переживания, так и их результаты.

Известно, что о проблеме неосознаваемых психических процессов определенные высказывания имеются уже в трудах одного из основоположников психологии В. Вундта⁸³. Позитивное содержание этих высказываний сводится к тому, что восприятия и сознательные процессы основываются на неосознанных логических процессах, «ибо восприятия имеют неосознаваемый характер и только результаты их становятся доступными сознанию»⁸⁴. В указанной работе В. Вундт со всей определенностью говорил о реальности неосознаваемого мышления (неосознаваемых логических процессов) и даже о логической необходимости его допущения для создания возможности простого и непротиворечивого обобщения наблюдаемых психологических фактов. Вундт вместе с тем считал, что неосознаваемые познавательные процессы отличаются качественным своеобразием и принимают форму логического вывода лишь будучи переведены на язык сознания⁸⁵.

Из идей В. Вундта для нас, таким образом, особенно важна мысль о том, что почти все подготовительные фазы познавательных процессов имеют неосознанный характер, в сфере же сознания появляются главным образом их результаты. Эта идея должна быть ассимилирована современной теорией архитектоники психики. Вышеизложенные взгляды Лейбница и Вундта положительно оценены целым рядом других авторов, которые приводят новые факты, подтверждающие истинность их идей⁸⁶.

В психофизиологии и физиологии высшей нервной деятельности классическим можно считать взгляд, согласно которому многие условные рефлексы образуются на подпороговые

⁸² При изложении данного параграфа мы опираемся на следующие работы: Жане П. Психический автоматизм. М., 1931; Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., «Наука», 1989 и другие работы Фрейда; Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968; Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., «Мысль», 1972; Тугаринов В. П. Философия сознания. М., «Мысль», 1971; Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961; Сб.: «Проблемы сознания», М., 1966; Сб.: «Сознание». М., 1967 и др.

⁸³ См.: Wundt W. Beitrage zur Theorie der Sinneswahrnehmung. Leipzig und Heidelberg, 1862. В. Вундт, в свою очередь, опирался на труды Г. Гельмгольца по физиологической оптике. О взглядах Г. Гельмгольца на подсознательные восприятия см. в книге: Грегори Р. Разумный глаз. М., «Мир», 1972.

⁸⁴ Цит. По кн.: Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., «Медицина», 1968, с. 19. В этой работе Ф. В. Бассин дает оценку взглядов В. Вундта на бессознательное. См. также: Ярошевский М. Г. История психологии. М., «Мысль», 1966.

⁸⁵ См.: Вундт В. введение в психологию. СПб.: «Питер», 2002.

⁸⁶ См., например: Спиркин А. Г. Сознание и самосознание, с. 172, 174, 185–186 и др.

раздражения. Эти раздражители, будучи внутриорганическими или внешними, не вызывают осознанных ощущений, т. е. с психологической точки зрения опять-таки речь идет о подсознательных ощущениях и восприятиях⁸⁷.

Содержание подсознательного, образованного подсознательными же восприятиями, не исчерпывается только простыми познавательными процессами. Многочисленные наблюдения и эксперименты позволяют прийти к выводу, что человеком подсознательно накапливаются и более сложные содержания (как это имеет место во время гипнопедических опытов), которые затем оказывают регулирующее влияние на поведение⁸⁸.

Интересные мысли о путях образования подсознательной сферы, близкие к нашим, высказаны А. М. Халецким⁸⁹. Однако этот автор нигде четко не указывает на связь содержания подсознательного с памятью. Он пишет, что ассоциативные связи, эмоциональные связи, влечения и их направленность, мотивация проходят сложный и долгий путь формирования, причем определенную роль играют и неосознанные влияния. Интересы человека формируются тысячами впечатлений, которые могли быть и осознанными, но позабылись. А. М. Халецкий критикует фрейдовское понимание бессознательного (Оно) как враждебной сознанию сферы. «Сознание и, условно говоря, подсознание составляют единую систему, во всех своих частях подчиняющуюся законам обычной психологии»⁹⁰. Далее он пишет, что жизненные цели и установки взрослого человека закладываются еще в период детства и юности (следовательно, преимущественно спонтанно и подсознательно), претерпевая затем значительные изменения, усложняясь и заполняясь новым содержанием. Пережитое, по мнению А. М. Халецкого, не остается в неподвижном состоянии за пределами сознания в определенном месте. Оно включается в новые связи, способствует образованию нового сплава. Все это свидетельствует о том, что А. М. Халецкий хорошо понимает динамический характер подсознательного, что очень важно для психологической теории⁹¹.

Вопрос о необходимости включения в сферу подсознательного автоматизированных действий, на наш взгляд, также следует решить положительно. Во-первых, критерии стройности и логической последовательности теории требуют, чтобы мы считали психологическими как восприятие ситуации, так и внутриспсихические процессы и действия человека. Автоматизированные действия, имея свои физиологические механизмы, являются психическими феноменами. При последовательном мышлении следует предположить, что все осуществляющиеся в данное время автоматизированные действия имеют за собой подсознательно актуализированные прошлые ситуации их выработки, а также соответствующие переживания. В принципе можно сказать, что если бы в нашем распоряжении были соответствующие методы исследования, то мы, исходя из автоматизированных действий, всегда могли бы за ними вскрыть «образы» соответствующих ситуаций и переживаний.

Невербализованные навыки как содержания подсознательного. – Многие навыки образуются как совокупность сознательно автоматизируемых действий. Это означает, что обучающийся с самого начала знает, какой план действий ему следует усвоить. После автоматизации такие навыки (их планы и цели) становятся содержаниями подсознательного.

Однако: «... вполне возможно выработать навык, не вербализуя его стратегию, таким же образом, как обучается ребенок»⁹². Можно сказать, что значительное место в объеме подсознательного занимают наши невербализованные навыки, относящиеся почти ко всем обла-

⁸⁷ Соответствующие факты можно найти в уже упомянутых трудах И. П. Павлова, Ф. В. Бассина, А. Г. Спиркина и др.

⁸⁸ См.: Бассин Ф. В., указ. соч., с. 22 и др.

⁸⁹ См.: Халецкий А. М. Уровни психической деятельности, с. 47–48.

⁹⁰ Халецкий А. М., указ. соч., с. 48.

⁹¹ Интересные мысли о содержании подсознательного, соотношениях сознания и подсознательного имеются также в другой публикации этого автора. См. в сборнике: Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966, с. 280–293.

⁹² Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: «Прогресс», 1965, с. 107.

стям знаний, в которых мы разбираемся. На проблему невербализованных навыков обратил внимание М. Полиани, который также описывает границы, в которых люди могут слепо принимать инструкции (планы), правильность которых невозможно установить при овладении навыком⁹³.

Значение невербализованных навыков отмечается также А. Кёстлером и другими авторами⁹⁴. Подробное изучение этих подсознательных структур (планов) и их динамики значительно обогатит наши знания о механизмах поведения. Д. Миллер и соавторы справедливо пишут: «К счастью, правила, которые могут быть установлены при наличии большого опыта, не обязательно должны быть с самого начала известны в рациональной форме: если бы это было так, немногие из нас были бы способны сидеть в колыбели»⁹⁵. Это означает, что в формировании подсознательного всегда первейшее значение будет иметь подсознательное накопление опыта (через восприятие, повторение действий, формирование планов деятельности с многочисленными обратными связями, т. е. с саморегуляцией и т. п.). Когда обучающемуся последовательно даются невербализованные указания и действия демонстрируются непосредственно, то со временем он начинает «схватывать» принцип или «чувствовать», как надо действовать правильно. Эта *интуиция* является результатом действия подсознательного (и в основном через подсознательные же восприятия сформированного) навыка, который в соответствующей ситуации актуализируется. Это, конечно, не интуиция в подлинном смысле слова, поскольку не порождает новых результатов, т. е. не носит творческого характера).

Выполнение планов и уровни психики. – В динамической памяти человека, т. е. в подсознательном, хранится определенное количество планов. Одновременно возможно исполнять только небольшое число планов. Д. Миллер и соавторы полагают, что когда принимается решение исполнить какой-либо план, то с ним происходят важные перемены. Такой план оказывается в центре внимания, отчетливо осознаются и хорошо запоминаются те его части, которые находятся в процессе осуществления. «Если мы решили приступить к выполнению какого-либо определенного Плана, он, вероятно, переходит в какое-то особое состояние или место, где он может удерживаться в памяти в течение своего выполнения... Мы хотели бы назвать память, которой мы пользуемся для выполнения наших Планов, быстрой, «рабочей» памятью... Когда План переносится в рабочую память, мы обозначаем особое состояние его незавершенных частей, называя их «намерениями»»⁹⁶.

Очевидно, что под «рабочей памятью» здесь имеется в виду тот уровень, который в настоящее время называют *оперативной памятью*. С другой стороны, проводя аналогии между уровнями памяти и уровнями психики, мы показали, что оперативная память соответствует верхнему, пограничному с сознанием слою подсознательной сферы, т. е. предсознательному. Вполне понятно, что все эти планы для того, чтобы оказаться в сфере оперативной памяти, в динамическом состоянии готовности к реализации, должны стать содержаниями процессов подсознательной актуализации (воспроизведения). Когда же части плана для выполнения осознаются, имеет место дальнейшая сознательная актуализация.

Подлежащие исполнению осознанные Миллер и соавторы части плана называют *намерениями*. Поскольку, с нашей точки зрения, всякое намерение содержит цель, то, по-видимому, образование намерений и целей происходит в динамическом пограничном слое «предсознательное – сознание», но уже после образования эти содержания (как и планы и

⁹³ Polanyi M. Personal Knowledge. Chicago: University of Chicago Press (Chapter 4); см. об этом также в вышеупомянутой книге Д. Миллера и др., с. 107.

⁹⁴ См.: Koestler A. The Act of Creation. New York, 1973.

⁹⁵ Миллер Д. и др., указ. соч., с. 107.

⁹⁶ Миллер Д. и др., указ. соч., с. 82.

знания вообще) могут сохраниться в более глубоких слоях подсознательного. Когда план остается невыполненным, как и любая другая незавершенная задача, как показали исследования Б. В. Зейгарник и К. Левина, еще некоторое время может остаться на предсознательном уровне. Во всяком случае, такой незавершенный (нереализованный) план оказывается в большей готовности к подсознательной актуализации и осознанному воспроизведению, чем уже выполненные планы. Все эти динамические переходы и состояния планов личности важно знать для понимания тонких изменений объективно наблюдаемых действий людей.

Важно также знать нейрофизиологическую локализацию этих процессов. Отметим, что прерванные простые и монотонные действия не сохраняют тенденцию к возобновлению. Этим свойством обладают лишь прерванные задачи. Однако если использовать замещающие задачи, то тенденцию прерванной задачи можно будет ослабить.

Б. Подсознательные содержания и подсознательные процессы. – Уже из вышеизложенного видно, что на подсознательном уровне *психические содержания* не просто хранятся, а включаются в различные психические процессы. Исследование *подсознательных психических процессов* связано с огромными трудностями, но представляет принципиальную важность для психологии. Достаточно вспомнить ту роль, которую они играют в творческом процессе, в появлении интуитивных решений различных задач. Благодаря различным конвергирующим подсознательным психическим процессам мы нередко приходим к новым, творческим решениям и даже открытиям и изобретениям, к таким выводам, которые мы можем обосновать только с помощью длительных индуктивных и дедуктивных рассуждений.

Подсознательны не только мыслительные процессы, но также динамика наших мотивов, темперамента, потребностей и чувств, представлений и т. п. Многие наши семантические подсистемы активны на подсознательном уровне, оказывают влияние на наши сознательные действия, речь и т. п., хотя и остаются неосознанными.

В то время, как подсознательные психические содержания могут осознаваться, подсознательные процессы обычно так и остаются неосознанными. Более того, для того чтобы психическая активность человека была эффективной и быстрой, необходимо, чтобы психические процессы протекали преимущественно подсознательно. Психологи давно пришли к выводу, что мышление – это подсознательный процесс, хотя и на первый взгляд это может показаться невероятным. Но это утверждение нетрудно проверить эмпирическим способом. Мы задаем человеку вопрос (например, о том, что он думает о каком-то событии), и он немедленно отвечает. Осознается результат его мышления, а не сам мыслительный процесс, который привел к образованию этого ответа. Ответ появляется в сфере сознания быстро и даже неожиданно. Содержание сознания в виде решения задачи или ответа на вопрос не дает нам ответа на вопрос, как оно получилось, откуда и в результате каких процессов. В сфере сознания спонтанно появляется результат мышления, а не сам его процесс.

Эти положения легко проиллюстрировать на примере осмысленного восприятия. Все операции по формированию перцептивного образа подсознательны. Еще во второй половине XIX века Герман Гельмгольц пришел к выводу о существовании бессознательных выводов, которые имеют место в процессе восприятия. Об этом очень тонко писал Гордон Олпорт в книге «Pattern and Growth of Personality». Только тогда, когда мы предлагаем человеку создать такую воспринимающую машину, которая могла бы действовать так, как действуют органы чувств человека, он начинает осознавать и понимать, какую сложнейшую работу выполняет его психика при восприятии различных объектов.

То, что верно для восприятия и мышления, верно также для психической жизни вообще. Некоторые психологи доходят даже до утверждений следующего характера: «Ника-

кая активность психики не является сознательной»⁹⁷. Связанная с нашими желаниями и чувствами психическая активность никогда не бывает сознательной. Только конечные результаты этих мотивационных процессов, осознаваясь, становятся доступными для интроспекции. Об импульсах, которые лежат в основе нашего поведения, мы можем судить только по нашим действиям и осознанным психическим содержаниям.

§ 4. Сновидения – особый вид подсознательной активности

Для ряда областей современной психологии, особенно для развития психологической теории о структуре и динамике психической сферы человека, исследование сновидений, на наш взгляд, имеет существенное значение. В деле изучения и истолкования сновидений уже достигнут значительные прогресс⁹⁸. Полученные данные следует использовать для развития представлений о подсознательных психических процессах и об уровнях психической активности вообще. У нас нет сомнения в том, что *сновидения представляют собой особый вид именно подсознательной психической активности*. Мы эту на первый взгляд очевидную мысль подчеркиваем здесь потому, что как в старой, так и в новой психологической литературе нередко встречается такое выражение, как «сновидное сознание»: это явно указывает на незнание сущности сознательной активности и ее отличий от активности бессознательной и подсознательной. Ф. В. Бассин постоянно употребляет выражение «сновидно измененное сознание»⁹⁹. Очевидно, что правильный тезис о подсознательном характере сновидений нуждается в более солидном и убедительном научном обосновании, чтобы предотвратить подобного рода ошибки.

Например, то обстоятельство, что некоторые сновидения после просыпания вспоминаются индивидом, вовсе не является доказательством осознанности сновидения. Ведь любое содержание подсознательного в принципе может осознаваться в определенных благоприятных условиях. Для нас наиболее важным представляется следующий аргумент, свидетельствующий о том, что в сновидениях сознание отсутствует: сновидения в актуальном процессе их протекания переживаются индивидом как неоспоримые объективные реальности. Это означает, что образы сновидений во время парадоксального сна объективируются таким же образом, как и при восприятии в сознательном состоянии. Только в редких случаях имеющий сновидение человек одновременно понимает, что спит и видит сон, что воспринимает не реальные предметы, людей и их действия, а галлюцинаторные образы. Такие сновидения получили название «светлых»¹⁰⁰. В этих частных и довольно редких случаях можно говорить о каком-то участии сознания в сновидной психической жизни индивида. Во всех остальных случаях сновидения протекают на собственно подсознательном уровне, поскольку в них отсутствует, по крайней мере, одна из характерных особенностей сознательных переживаний: выделение собственного «Я» и противопоставление внешней реальности, проведение различия между психическими образами как отражениями и соответствующими отражаемыми явлениями.

Если бы сновидения были сознательными феноменами, то у человека всегда была бы с той или иной ясностью выраженная идея (или «чувство») нереальности всего того, что

⁹⁷ См.: Miller G. Psychology. The Science of Mental Life. New York, 1969, p. 72.

⁹⁸ См. нашу обобщающую работу: Налчаджян А. А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. М., СПб., «Питер», 2004.

⁹⁹ См.: Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М., 1968; о подобных ошибках см.: Фрейд З. Толкование сновидений⁴ Вольперт Е. Сновидения в обычном сне и гипнозе. Л., 1966 и др.

¹⁰⁰ См., например: LaBerge S. Lucid Dreaming. Ballantine Books. New York: 1985.

происходит перед его взглядом. Но этого, как известно, нет. Нет того, что, говоря словами С. Л. Рубинштейна, выражается как знание о чем-то, что как объект противостоит познающему субъекту¹⁰¹.

Подчеркивание подсознательного характера сновидений позволяет не только избегать путаницы в психологической теории, но и создает предпосылки для изучения специфических особенностей тех психологических механизмов, которые свойственны только подсознательному. Поскольку подсознательная психическая активность ни в коей мере не исчерпывается сновидениями, то последние должны служить как средства проникновения в те слои подсознательной сферы, которые феноменального и непосредственно воспринимаемого существования не имеют. Не исключено, что некоторые механизмы образования сновидений («сгущение», «часть вместо целого» и др.), реальность которых подтверждена многочисленными исследованиями, являются характерными для всей подсознательной психической активности.

Более подробно проблема сновидений и значение их исследования для развития теории уровней психической активности рассматривается в главе 7 первой части настоящей книги.

§ 5. Установки и подсознательное

В настоящее время можно считать общепринятым, что одной из основных форм подсознательных психических образований следует считать *установки*. Эти образования, даже не осознаваясь, оказывают регулирующее влияние на поведение человека¹⁰². Хотя о структуре установок, тем более социальных, уже известно многое, тем не менее, можно надеяться, что исследование их проявлений в сновидениях позволит углубить наши представления об этих, несомненно, важных психических явлениях.

Итак, установки мы считаем важными компонентами (блоками) подсознательной сферы психики человека. Если под установками имеются в виду только образованные в онтогенезе психические явления, то нет сомнения, что они входят не в структуру бессознательного, а в подсознательную сферу. Хотя и бессознательные инстинктивные влечения, как мы видели на предыдущих страницах, в определенном аспекте можно считать своеобразными базальными установками, предопределяющими основные линии избирательного восприятия и других форм психической активности, присущими всем индивидам вида «человек разумный». Однако проблема соотношения установок и подсознательного требует особого рассмотрения.

Следует добавить, что в подсознательную сферу, как это уже понятно в свете того, что сказано о путях ее формирования, входят все систематизированные знания и случайные впечатления человека, его жизненный опыт в широком смысле слова, его мотивы и цели, программы и планы поведения, когнитивные схемы и мыслительные процессы, которые также могут протекать на подсознательном уровне.

Поскольку нашей задачей здесь является не столько описание микроструктуры психики (ее обсуждение нам еще предстоит), сколько описание ее макроструктуры, то ниже мы добавим еще несколько общих соображений об этом предмете.

¹⁰¹ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.

¹⁰² См.: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., «Наука», 1966; Бассин Ф. В., указ. соч. и др.

§ 6. Пренатальное восприятие речи и бессознательные основы социализации

Есть еще один путь формирования подсознательной сферы, который стал предметом психологических исследований только в последнее время.

Исследования показывают, что восприятие речи у плода начинается еще до рождения. «Родившись, ребенок выражает предпочтение голосу своей матери, определяя его по тем особенностям, которые узнал(а) еще внутриутробно. В действительности малыши не только предпочитают тот голос, который чаще всего слышали до рождения, но и проявляют больший интерес к длинным, сложным интонациям (особые истории, которые матери читают вслух), впервые услышанным в теплой и влажной темноте матки. Эта ранняя способность к анализу элементов произносимых звуков – необходимое условие для овладения речью. Дети младше четырех месяцев различают все 150 фонем (базовых звуков, составляющих слова) человеческой речи... В то время как человеческие дети спонтанно разбивают человеческую речь на фонетические категории, у обезьян, как выяснилось, эта способность отсутствует...»¹⁰³.

Отметим, что дети воспринимают не просто фонемы «человеческой речи», но речи представителей своего этноса. По-видимому, избирательное отношение к родному языку имеет место сразу же после рождения в результате того, что уже в период внутриутробного развития дети воспринимают родную речь. Материнский способ обучения языку начинает применяться еще до рождения ребенка¹⁰⁴.

В результате подобного бессознательного восприятия родной речи и голоса матери обеспечивается развитие тех центров мозга, которые отвечают за восприятие и понимание речи. Следует иметь в виду, что мозговые механизмы восприятия речи не совпадают с теми механизмами, которые порождают речь самого ребенка. Это видно и на поведенческом уровне: каждый нормальный человек, в том числе дети дошкольного возраста, без труда воспринимает и понимает речь других (если она не посвящена специальным и сложным вопросам), но может затрудняться при попытках выражения собственных мыслей. Слушать и говорить – это различные, хотя и тесно взаимосвязанные процессы, и они осуществляются различными мозговыми механизмами. Именно поэтому дети до трехлетнего возраста неплохо понимают речь взрослых, хотя не умеют выражать собственные мысли.

В связи с такими фактами возникает вопрос о наследственно-бессознательных предпосылках развития речи и речевого мышления, о том, в какой мере в филогенетической памяти человека содержатся сведения о языке. Может ли индивид вывести язык, синтаксические структуры языка из глубин своего мозга (из филогенетической памяти)? В какой мере исследование процесса приобретения ребенком языка в первые годы жизни позволяет понимать механизмы и закономерности происхождения языков в истории человечества? Действует ли на психологическом уровне биогенетический закон, которому мы присвоили название «психогенетический закон»)?

¹⁰³ Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. СПб.: «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК», Москва: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003, с. 201.

¹⁰⁴ См. об этом также в книге: Крайг Г. Психология развития. СПб.: «Питер», 2001, с. 163–165.

§ 7. Психический характер подсознательной и бессознательной активности

До сих пор в психологии идут дискуссии о том, всегда ли подсознательная активность имеет психический характер. Это проблема принципиальной важности и мы с самого начала решили ее положительно, как это видно из предыдущего изложения. Однако поскольку по этому вопросу нет в науке единодушия, мы бы хотели дополнительно затронуть определенные аспекты этой проблемы.

Целесообразно начать с одного давнего утверждения Ф. В. Бассина, отметившего, что при «отщеплении» психической деятельности (так он называет неосознанное ее протекание) имеет место сложнейшая высшая нервная деятельность, использующая индивидуальный опыт и сложные приемы переработки информации. Сказав это, он продолжает: «В то же время ответить на вопрос, в какой степени эта активность является «психической», т. е. *в какой мере в момент ее реализации она сопровождается определенными, пусть неосознаваемыми, переживаниями*, не так просто. Наиболее вероятной гипотезой является то, что при разных степенях «отщепления» эта выраженность субъективной модальности переживания также должна варьировать»¹⁰⁵. Вывод этот безусловно является справедливым. Следует иметь в виду, что о психологическом качестве мозговой деятельности нельзя судить только на основе наличия или отсутствия субъективного осознаваемого переживания. Психические процессы на подсознательном уровне имеют место непрерывно, но они не всегда представлены в явном виде в актуальной деятельности и особенностях поведения. Поэтому они не могут стать объектами непосредственного внутреннего наблюдения.

Если под переживанием иметь в виду не все психическое явление целиком, а лишь его эмоциональную сторону, то было бы справедливо сказать, что эмоции могут протекать подсознательно, не оказывая заметного влияния на актуальную сознательную активность.

Беря за основу тезис о актуальном непрерывном существовании психической сферы человека, можно прийти к выводу, что идея о возможности «чисто» физиологической природы сложных мозговых процессов, осуществляющих тонкое приспособление человека к ситуации, едва ли выдерживает критики.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что гипотеза о непрерывном существовании подсознательных и бессознательных психических процессов отличается логической последовательностью, что тоже способствует построению стройной психологической теории.

§ 8. Подсознательное и предсознательное

А. Предсознательный подуровень. – Для психологической теории важным является также вопрос о существовании *подуровней* основных уровней психической активности человека. Это особенно касается подуровней сознания и подсознательного.

Здесь мы ограничимся подчеркиванием того, что факты реальной психической жизни людей приводят к необходимости выделения *предсознательного* уровня психической активности. Данный термин в психологии встречается, но в различных смыслах. В свете развиваемой нами теории многоуровневого строения психики человека мы попытаемся дать точное определение той реальности, которую можно обозначить этим термином.

Предсознательными можно назвать те содержания психики, которые очень близки к *порогу сознания*, но еще не проникли в эту сферу. Например, у людей часто возникает сле-

¹⁰⁵ Бассин Ф.В. Проблема бессознательного, с. 165.

дующее состояние: человек знает, что знает требуемое слово (или иное знание), он чувствует его близость к сфере сознания, но оно пока ускользает от его сознательного внимания, не переходит ощущаемый порог сознания, поэтому и не переживается как факт сознательного переживания. Если использовать термины психологии памяти, можно сказать следующее: предсознательные явления включены в состав оперативной памяти, они большей частью являются воспроизведенными из долговременной памяти содержаниями. ***Предсознательное является верхним «слоем» подсознательного, подструктурой последнего.*** Содержания этой подструктуры, как следует из вышеизложенного, актуализируются подсознательно. Хотя вопрос о подсознательной актуализации психических содержаний мы намерены рассмотреть отдельно, уже сейчас необходимо сказать, что правомерно говорить также о ***различных уровнях актуализации прежнего опыта.*** Актуализация знания не всегда означает его осознание, поскольку содержания оперативной памяти имеют сознательно-подсознательное, пограничное существование в процессе и составе актуально протекающего психического процесса.

Поэтому вышеприведенный и всем знакомый эмпирический факт можно истолковать в том смысле, что если у индивида имеется ***чувство знания*** определенного содержания, которое в данный момент не осознается, то это содержание актуально уже имеет ***предсознательное существование («статус»)***.

Различие, проводимое между подсознательным и его подструктурой – предсознательным уровнем существования психических содержаний важно не только потому, что углубляет наше проникновение в реальность психики, но и по той причине, что позволяет обогатить категориальный аппарат психологии и делать возможным более тонкий анализ психических явлений¹⁰⁶.

Б. Подуровни подсознательного (по критерию уровня психической энергии). – Говоря о подуровнях сознания, мы предлагаем концепцию, согласно которой такие подуровни можно выделить исходя из того, какова сила (количество или интенсивность) той психической энергии, которой снабжаются осознаваемые психические содержания – мысли, образы, символы и эмоции¹⁰⁷.

По аналогии с этим представлением мы здесь предлагаем выделить ряд подуровней подсознательного. Идею предсознательного уровня на основе в частности новейших достижений психологии памяти как промежуточного слоя между сферой сознания и сферой подсознательного мы уже высказали и развили в настоящем параграфе.

Но, как мы уже сказали, и в этом случае возможен «психоэнергетический подход», который состоит в следующем: уровень упорядоченности и осмысленности психических содержаний сновидений и других подсознательных процессов зависит от того, какими количествами психической энергии они снабжаются. Эти количества, в свою очередь, зависят от мотивов возникновения подсознательных процессов, от силы и устойчивости этих мотивов (в том числе инстинктов).

Отметим, что данную гипотезу лишь частично мы считаем новаторской. Сходную идею высказали еще Пьер Жане и Карл Юнг. Вот что мы читаем у Юнга: «Поскольку сновидение зарождается во сне, оно носит все характерные черты “*abaissement du niveau mental*” (“*abaissement du niveau mental*” (П. Жане) или низкого напряжения энергии: отсутствие логической последовательности, фрагментарный характер, образование аналогий, поверхностные ассоциации вербального, звукового или визуального типа, сгущения, абсурдные выражения, путаница и т. д. С увеличением напряжения энергии сновидения приобре-

¹⁰⁶ Подобное различие проводил еще А. Г. Спиркин. См. в его книге «Сознание и самосознание» (М., «Мысль», 1972, с. 171.

¹⁰⁷ См. в Ч.1, Гл.5 настоящей книги.

тают более упорядоченный характер; они приближаются к драматической композиции – в них появляются ясные смысловые связи, а валентность ассоциаций возрастает»¹⁰⁸.

Исходя из вышесказанного, в подсознательной сфере можно выделить, по крайней мере следующие подуровни:

1) Подуровень психических процессов, которые происходят во время медленного сна (МС) без сновидений; можно предположить, что энергетическое снабжение этих процессов минимально. 2) Подуровень неорганизованных психических содержаний (обрывки сновидных образов, случайные ассоциации и т. п.). 3) Подуровень организованных сновидений, подсознательных драматических представлений с определенными сюжетами, мотивацией и целями. Этот подуровень почти совпадает с тем, которому мы присвоили название «предсознательное».

Последние два подуровня подсознательного открываются во время парадоксального сна (ПС).

Мы полагаем, что эта концепция значительно улучшает наше понимание уровней психической активности человека.

В. Подструктуры сознательной сферы. – Кроме подуровней подсознательного, следует также выделить различные *подструктуры подсознательной сферы психики*. Такая необходимость видна, в частности, из того, что существует явление возрастной психической регрессии, в ходе которой имеет место воспроизведение таких подсознательных содержаний, которые соответствуют различным возрастным периодам развития личности. Но поток психики в онтогенезе никогда не прерывается, и один возрастной период плавно переходит в следующий. Появление крупных новообразований (например черт и комплексов характера, склонностей и т. п.) обычно подготавливается в течение определенного отрезка времени на подсознательном уровне и до поры до времени не проявляется в поведении. Скачки в психическом развитии, как правило, являются таковыми лишь феноменологически, т. е. при определенном уровне рассмотрения. Но для всего континуума психики таких скачков нет или они весьма редки. Есть вертикальный скачок перехода подсознательных психических содержаний на уровень сознания, самосознания и поведения. Скачком можно было бы назвать только быстрое включение таких генетических механизмов, которые пробуждают новые наследственные формы поведения, существовавших до этого в бессознательной сфере индивида лишь как возможности. Но нельзя назвать скачком развития известный феномен превращения или обращения личности (конверсию), которая безусловно имеет латентный, подсознательный период подготовки (созревания, инкубации).

Но если онтогенетическое формирование личности и образование подсознательной сферы происходят непрерывно, то каким образом анализировать подсознательную сферу и выделить в ней относительно самостоятельные подструктуры? Для нахождения обоснованного ответа на этот важный для развития психологии вопрос нужны новые и более систематические исследования подсознательного путем дифференцированной регрессии одних и тех же людей к различным возрастным периодам онтогенеза поочередно, в порядке их хронологического следования в прошлом. Такие регрессии логично получить тремя путями: а) в гипнозе, б) с помощью искусственных (экспериментальных) или естественно возникающих фрустрирующих ситуаций; в) в клинике, исследуя случаи пуэрилизма и родственные с ним явления.

Вместе с тем, изучая подсознательное перевоплощение в другое «Я» и исполнение внушенной роли, можно выяснить некоторые механизмы образования подструктур подсознательного, найти подходы к решению проблемы логики или психо-логики подсознатель-

¹⁰⁸ Юнг К. Г. Трансцендентная функция. – В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 295.

ного. Мы полагаем, что речь должна идти главным образом о *вероятностной психо-логике* подсознательных процессов.

Наш вывод о существовании предсознательного слоя подсознательного главным образом является следствием исследования интуитивного познания, процесса *озарения* сознания новым решением задачи¹⁰⁹. В контексте настоящего исследования важно то, что выделение (обнаружение) предсознательного слоя психики созвучно с выдвинутой нами гипотезой о ступенчатом характере перехода образованных на подсознательном уровне новых психических (структурированных) содержаний в сферу сознания. При эмоциональном уровне перехода предметное содержание решенной задачи, идея или план решения еще остаются под порогом сознания, т. е. на предсознательном уровне. Следовательно, в теории творчества и интуиции понятие «предсознательное» необходимо использовать наряду с терминами «бессознательное» и «подсознательное». Особенно плодотворным, как уже сказано, представляется установление связи между понятиями «предсознательное» и «оперативная память», поскольку этим открывается возможность экспериментального исследования неосознаваемых психических процессов.

Исходя из того, что в настоящее время известно о структуре памяти человека, можно предложить следующие терминологические параллели: подсознательное по существу тождественно с онтогенетической долговременной памятью; сфера кратковременной памяти включает только элементы актуально воспринимаемого и осознаваемого (во всяком случае для четкости и недвусмысленности объем понятия «кратковременная память» целесообразно ограничить подобными содержаниями). Оперативная же память включает в свой состав, как сферу кратковременной памяти, так и то содержание, которое «поднято» из долговременной памяти, или передано, «спущено» (из кратковременной памяти, т. е. из «потока сознания» предшествующих моментов) на уровень предсознательного существования¹¹⁰.

Таким образом, в данный момент содержание оперативной памяти складывается из тех психических содержаний, которые представлены в сфере сознания и на предсознательном уровне. Ясно, что оперативная память включает также осознаваемое в данный момент и воспроизведенное из долговременной памяти содержание.

Так как существование уровней памяти доказано экспериментально¹¹¹, то и предлагаемая нами концепция «вертикальной» структуры психической сферы человека (она в основном была предложена еще в 1980 году) получает все большее эмпирическое основание. Нам представляется вполне логичным, что при должной организации исследований, изучение каждого из известных уровней переработки информации может дать нам сведения, полезные для дальнейшего обоснования и развития нашей теории.

Все указанные уровни психики, существующие между ними соотношения, процессы перехода психических содержаний от одного уровня на другой, а также процессы, происходящие на каждом из уровней, должны стать объектами тщательных экспериментальных исследований и теоретического осмысления, поскольку от знания их особенностей и закономерностей во многом зависит понимание психической жизни человека.

¹⁰⁹ Этой проблеме многие годы назад автор посвятил отдельную монографию. См.: Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. М., «Мысль», 1972, гл.3.

¹¹⁰ Следует отметить некоторое сходство нашего понимания предсознательного с тем, что Г.Рагг понимал под «транслиминальным умом». См. об этом: Налчаджян А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания, с. 242–243; Rugg H., Imagination. New York, London, 1963, pp. 39, 293.

¹¹¹ См. из новейших работ: Солсо Р. Когнитивная психология. СПб. «Питер», 2002, гл. 5–7.

§ 9. Психологические коды на подсознательном уровне

Каждый навык и каждая привычка имеют свои коды. Контроль над активностью с помощью этих кодов происходит на подсознательном уровне. Коды многих навыков, например таких, как вождение велосипеда или машинописи, скрыты от интроспекции человека. То же самое верно как для висцеральных процессов, так и для восприятия внешнего мира. Например, все механизмы константного восприятия предметов действуют на подсознательном уровне. Если считать коды поведения видом знания, то и в этом случае можно сказать, что знание и восприятие неразрывно взаимосвязаны. «Даже самые элементарные перцепции, – писал Ф. Бартлетт, – имеют характер выводных конструкций»¹¹². Эти процессы вывода остаются подсознательными.

Восприятие всегда имеет селективный (избирательный) характер, но те механизмы, которые обеспечивают такую селективность, остаются на уровне подсознательного: мы осознаем только результаты их работы. Сами же «правила игры» не поднимаются на уровень сознания.

Когда человек рассуждает о социальных явлениях (например – о преступности), то это он может делать исходя из религиозных, политических, врачебных, этнопсихологических, юридических, социально-психологических и других принципов и позиций. В каждом из этих случаев действует комплекс правил (норм), только некоторая часть которых осознается. Остальные действуют на подсознательном уровне. К их числу относятся, например, предрассудки, такие представления, которые считаются сами собой разумеющимися, и другие.

Подсознательно действуют также правила грамматики и синтаксиса, которые изучаются (усваиваются) людьми не по учебникам, а практически, с помощью слуха. Даже при желании мы едва ли сможем осознать эти правила, когда ведем беседу с другими людьми. Только с помощью научных исследований возможно раскрытие и описание этих структур.

Таким образом, как мышление, так и использование двигательных навыков управляются имплицитными кодами, которые нами осознаются только смутно или вовсе не осознаются.

В области восприятий имеют свои неосознаваемые коды такие явления, как константность восприятия во всех своих проявлениях, зрительные иллюзии, перцептуальная проекция (и, как ее следствие, эмпатия), синестезия, проекция значения на двусмысленный раздражитель (на которой основаны проективные методы психологического исследования) и т. д. В процессе восприятия огромную роль играют конвенциональные нормы. Восприятие является частично врожденным, частично же приобретенным механизмом превращения сырого материала, получаемого сенсорными органами, в «конечные продукты». Люди обычно мыслят посредством клише и видят также посредством клише. Эти явления нетрудно обнаружить как в повседневной жизни, так и в истории искусства (когда искусство принимает стереотипный характер). Много поучительных примеров такого рода приводит А. Кёстлер¹¹³. Все эти подсознательные формы мышления приводят к различным формам объективации – правильной, иллюзорной или в форме самообъективации. Вот почему исследование всех подобных явлений – это путь к углублению теории уровней психической активности человека.

¹¹² Bartlett F. Thinking. London: Allen and Unwin, 1958.

¹¹³ См.: Koestler A. The Act of Creation, p. 377 etc.

§ 10. Подсознательная актуализация содержаний долговременной памяти

Учитывая важность процесса перехода психических содержаний из нижних уровней подсознательного на предсознательный уровень, т. е. *процесса подсознательной актуализации*, нам представляется необходимым вкратце обсудить это явление.

А. Подсознательная актуализация психических содержаний. – Реальность процесса подсознательной актуализации подтверждается не только фактом «многоступенчатости» перехода психических содержаний из подсознательной сферы в сознание (в частности, при интуитивном «озарении»). Особенно богатый материал для изучения этого явления предоставляют в распоряжение психолога сновидения. Здесь, на наш взгляд, исключительную важность представляют, по крайней мере, два отмеченных исследователями сновидений явления¹¹⁴. Речь идет о следующих явлениях: а) *гипермнезия*, т. е. усиление памяти в сновидениях; б) постепенное углубление в прошлое индивида на последующих фазах парадоксального сна, в результате чего если первые после засыпания сновидения одной ночи в значительной мере отражают недавние дневные впечатления (которые, как мы предполагаем, находятся в процессе консолидации, т. е. перехода в сферу долговременной памяти, для чего используется механизм сновидного воспроизведения), то уже на последних фазах парадоксального сна сновидения отражают воспоминания более далекого прошлого. Тот факт, что сновидения в принципе доступны для произвольного воспроизведения хотя бы в тех случаях, когда индивид просыпается во время парадоксальной фазы сна, дает основание для вывода, что сновидения имеют место на предсознательном уровне психики.

Иначе говоря, последовательное развертывание «сновидных событий» есть не что иное, как процесс подсознательной актуализации под влиянием мотивации, исходящей из нерешенных и личностно значимых задач, недостигнутых целей, различных установок и неудовлетворенных желаний личности. Вследствие того что содержание предсознания является частью оперативной памяти, которая в бодрствующем состоянии включает также сферу сознания, оно имеет большую возможность осознания, чем более глубоко лежащие содержания подсознательного. Отсюда до некоторой степени становится ясным, почему в сновидениях так часто встречаются символы: часть содержаний сновидений в истинном (образном или концептуальном) виде не может актуализироваться в предсознательном, если она несовместима с сознательными критериями и со структурой осознаваемой части самосознания личности.

С другой стороны, поскольку не все содержание сновидения состоит из символов, то можно также заключить, что сновидение не является в такой степени символическим выражением вытесненных аморальных, в основном сексуальных влечений, как полагал З. Фрейд.

Как видно из сказанного, введение в психологию понятия подсознательной актуализации и уточнение некоторых других известных понятий («подсознательное», «предсознательное» и т. п.) может иметь определенное эвристическое значение.

Поскольку в науке к настоящему времени накоплен значительный опыт по изучению *сновидений в состоянии гипноза*, то данный метод можно использовать и для исследования особенностей подсознательной актуализации и других механизмов творческого процесса, проявляющихся на предсознательном уровне. Интересно, например, знать, имеет ли процесс рассуждения в таком особом состоянии ту же логическую структуру, что и на уровне

¹¹⁴ См.: Касаткин В. Н. Теория сновидений. Л., 1967; Вольперт И.Е. Сновидения в обычном сне и гипнозе. М., 1966; Oswald I. Sleeping and Waking. Amsterdam, New York, Elsevier, 1962; Налчаджян А. А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. М., СПб., «Питер», 2004.

сознания, или обычные логические законы и операции нарушаются, уступая место иным закономерностям мышления. И здесь, как мы можем предвидеть, мы должны ввести понятие *психо-логики* и исследовать соответствующие специальные мыслительные структуры. Интересны также возможные изменения в мотивации и установках, которые при этом проявляются.

Исследование сновидений не является единственным возможным путем раскрытия особенностей подсознательной актуализации содержаний долговременной памяти. Известно, что подсознательная активность в ходе актуальной сознательной активности проявляется особым эмоциональным фоном и «осколками» мыслей, время от времени проникающих в сферу сознания. Путем тщательного изучения этих явлений в принципе возможно установление времени подсознательной актуализации и примерного содержания актуализируемого. (С этой целью можно использовать также метод свободных ассоциаций, беря в качестве слов-раздражителей вышеуказанные «осколки» мыслей, хоть частично вербализуемых в момент осознания).

Не менее важно знать, каким образом актуальная деятельность влияет на подсознательную актуализацию, и какими практическими приемами можно ускорить подсознательное решение задачи. Учитывая огромную роль установок в психической жизни человека, можно рекомендовать создание сильной установки на подсознательную актуализацию тех знаний, которые необходимы для успешного подсознательного дополнения анализа задачи. Направленность и эффективность подсознательной актуализации будут тем выше, чем четче при создании установки определяются и с помощью самовнушения закрепляются в памяти те блоки знаний, которые необходимы для успешного решения задачи.

Если удастся решить эти проблемы и познать структуру подсознательного мышления и остальных подсознательных процессов, то можно будет надеяться на решение ряда практических вопросов, связанных с проблемой подсознательного накопления знаний: когда, какими средствами и в каких формах следует подавать учебный материал, чтобы он воспринимался, сохранялся и безошибочно актуализировался в любой момент. Например, для научно организуемой гипнопедии важным представляется следующий вопрос: следует ли воспринимать материал в такой форме, чтобы во время его восприятия происходила подсознательная актуализация или же следует избегать этого? Отсюда «вытекает» новая проблема: каким образом вследствие подсознательной актуализации образуются ассоциативные и смысловые связи между содержанием прошлого опыта и вновь воспринимаемой информацией? И далее: является ли сфера предсознательного «узкой», – как это имеет место в случае сознания, – и если это так, то какое влияние оказывает данный факт на особенности психической активности человека, в частности, на творческий процесс и интуицию?

Эти вопросы естественным образом возникают вследствие следующего известного факта: когда на органы чувств спящего человека воздействуют раздражителями, то если они не так интенсивны, чтобы пробудить его, вызывают сновидения, в которых сами в своей истинной форме не представлены¹¹⁵. Появление сновидения, даже когда его содержание не соответствует реальным событиям из прошлой жизни человека, есть по существу актуализация, переход прошлых впечатлений на предсознательный уровень, поскольку все элементы сновидения – образы, слова, действия – приобретены в онтогенезе (если отвлечься от возможности актуализации психических содержаний наследственной бессознательной сферы). Поэтому следует выяснить, каким образом можно управлять этими сновидениями, чтобы они способствовали, а не воспрепятствовали восприятию новой информации.

¹¹⁵ См., например: Касаткин В.Н. Теория сновидений. Л., 1967; много подобных фактов приводит в своих трудах З. Фрейд. Об этом см. в нашей книге «Ночная жизнь».

Вкратце рассмотрим еще один вопрос, связанный с проблемой перехода психических содержаний из подсознательного в сферу сознания. Каким образом волевой акт при сознательном целеполагании приводит эти подсознательные содержания в сферу сознания? Для того чтобы решить данный вопрос, в первую очередь необходимо найти психологический механизм влияния воли на подсознательные содержания психики, например, при сознательном (произвольном) воспроизведении содержаний памяти. Предстоит решить огромной важности теоретическую проблему, а именно: каким образом воля и сознательное желание могут оказать влияние на подсознание, если это последнее, как полагают многие, является физиологическим образованием? Другое дело, что в условиях воздействия друг на друга двух психических явлений – воли и содержаний памяти – одновременно устанавливается связь между соответствующими физиологическими механизмами. Можно даже попытаться решить эти вопросы комплексно – на едином психофизиологическом уровне.

Одним из вопросов, которые при этом возникают, следующий: каково психологическое различие между спонтанным воспроизведением в сфере сознания психических содержаний (например, при озарении, реминисценции и т. п. процессах) и произвольным воспроизведением?

Б. Криптомнезия и подсознательное воспроизведение психических содержаний. – Убедительным доказательством реальности подсознательного воспроизведения (т. е. активизации и использования) психических содержаний может служить т. н. криптомнезия, которая в литературной деятельности может привести к невольному плагиату. Криптомнезию иногда называют также «скрытым воспоминанием». Это явление хорошо известно также психиатрам. В одном пособии по психопатологии мы читаем: «Криптомнезиями называются искажения памяти, при которых вычитанные из книг или услышанные от кого-то ранее мысли воспринимаются больными как его собственные. Криптомнезии не имеют ничего общего с сознательным плагиатом, что необходимо учитывать в судебно-медицинской практике»¹¹⁶.

К. Г. Юнг следующим образом описывает процесс вмешательства таких воспоминаний в ход психической активности человека: «Автор может писать произведение по заранее составленному плану, развивая свою мысль или линию повествования, как вдруг он внезапно сбивается в сторону. Возможно, ему на ум пришла свежая идея, или иной образ, или другой сюжет. Если вы спросите его, что же вызвало такое изменение, он будет не в силах вам ответить. Он даже может и не заметить отклонения, хотя и начал создавать нечто совершенно новое и, очевидно, ранее ему не знакомое. Иногда то, что он пишет, поразительно похоже на работу другого автора – и это можно убедительно продемонстрировать, – работу, которую, как полагает первый автор, он никогда не читал»¹¹⁷.

Действительно, в подобных случаях можно говорить о подлинных, хотя и подсознательных, процессах воспроизведения знаний человека. (Но мы считаем, что это не «вспоминание» в прямом смысле слова, а непроизвольное подсознательное воспроизведение определенной части подсознательных знаний.

Следует отметить, что криптомнезия – лишь один из случаев подсознательной актуализации человеком своих знаний и впечатлений. Подсознательная актуализация неосознаваемых психических содержаний – это обычное и необходимое для нормальной психической активности процесс.

¹¹⁶ Баншиков В. М., Короленко Ц. П., И. В. Давыдов. Общая психопатология. М., 1971, с. 158.

¹¹⁷ Юнг К. Г. Подход к бессознательному. – В кн.: Человек и его символы. СПб.: «Б.С.К.», 1996, с. 39.

§ 11. Формы существования психических содержаний

Для теории уровней психики, в частности, подсознательной сферы, важным является вопрос о том, каковы конкретные формы существования психических содержаний на подсознательном уровне. Это проблема микроструктуры психики. Ряд психологов (как, например, А. Н. Леонтьев и Б. В. Зейгарник) указал на то, что психика оперирует триедиными комплексами: значение-образ-слово. Эту идею можно положить в основу обсуждения данной проблемы.

Другие авторы утверждают, что подсознательны только значения, а образы и слова возникают исключительно в сфере сознания, и их появлением и конструированием управляют именно эти значения, действующие из подсознательного (К. Халл, Ян Освальд и др.). Данное утверждение противоречит ранее выдвинутому нами положению, согласно которому сновидения являются преимущественно подсознательными формами психической активности, следовательно, и образы (а не только значения) могут существовать на подсознательном уровне.

Однако приведенная выше мысль Я. Освальда и других исследователей вряд ли верна еще и потому, что в таком случае было бы непонятно (и необъяснимо), каким образом значение или слово сразу же порождают образ, откуда они его берут, если этого образа не было в долговременной памяти, т. е. в подсознательном. Логичнее считать, что и образы, и слова имеют подсознательное существование, а при необходимости воспроизводятся. Они не конструируются каждый раз актуально (это имеет место в творческом процессе). Они скорее реконструируются в процессе воспроизведения. Иначе, при принятии иной точки зрения, было бы непонятно, как при отсутствии реального предмета, только на основе значения слова, образуется представление (образ) этого предмета. Из чего он образуется, если в памяти не сохранился воспринятый образ предмета? Поэтому было бы неправильно утверждать, что подсознательное состоит только из значений, если даже под значением понимается установка.

Подсознательная сфера психики, онтогенетическая динамическая память человека состоит, по нашему мнению, из тех же триединных комплексов и ассоциаций, какими люди оперируют в сознательном состоянии. Значения как установки не исчерпывают объем подсознательного. Они направляют психическую жизнь, придают осмысленность игре психических содержаний на всех уровнях, в том числе в сновидениях. Они являются как бы организующими принципами, которым подчиняется психическая динамика.

Следует, однако, иметь в виду, что значения не всегда можно считать установками. Только часть самых общих значений можно отождествлять с установками различных уровней обобщенности или считать ценностными ориентациями. Это обусловлено тем, что каждый конкретный объект может приобретать для человека значение, а с помощью таких значений могут выражаться в поведении более общие значения и установки личности. Бесспорно, что для строгого решения этих проблем необходимо иметь четкие и однозначные определения понятий «установка», «значение», «смысл» и ряда других, так что теоретическому мышлению в этой области предстоит большая и тонкая работа.

Таким образом, можно считать вероятным подсознательное существование визуальных и других образов даже вне сновидений. Однако, как утверждают, опираясь на исследования целого ряда других авторов, Ян Освальд, Ю. Азерински и другие, у человека могут быть сновидения без образов (это имеет место в период «медленного» сна). Если это верно, тогда можно сказать, что в подсознательной сфере главной формой существования психического все же следует считать значения, т. е. расщепленные от образов мысли или очень обобщенные образы, отделенные от конкретных образов и слов.

Подсознательное мышление вне сновидений есть оперирование главным образом значениями и установками, которые не репрезентированы в виде образов и слов. Даже при сознательном безобразном мышлении налицо динамика значений, установок и словесных символов, в то время как образы почти отсутствуют. Однако, как мы уже сказали, невероятно, чтобы каждый раз представления вновь создавались как психические феномены на основе образования соответствующих нейронных структур. Вполне логично поэтому допущение их существования в психической форме, вне сферы сознания и сновидений. Если значения, мотивы и установки могут существовать в подсознательной форме, то у нас мало основания для отрицания такой возможности и для образов. Ведь относительно зрительных образов многочисленными опытами доказано, что они могут образоваться на подсознательном уровне – при неосознанном восприятии различных раздражений в бодрствующем состоянии, в естественном сне или в гипнозе, а затем воспроизводиться или же обнаруживаться при узнавании (в частности, в виде известного феномена «уже виденного»), а также при «самопроизвольном» воспроизведении в сновидениях. Психические явления сохраняются в долговременной памяти со всей своей сложностью, всеми своими компонентами, хотя для использования образов сновидения сознание (а для вербализованных значений – главным образом сознание) более удобная сфера.

Психическая структура. Мы только что обсудили главным образом вопрос микроструктуры психических содержаний. Но многие психические содержания после их восприятия структурируются, составляя более крупные блоки. Так что если подняться на ступень выше, то можно сказать, что психика состоит из более или менее структурированных блоков содержаний. Но что собой представляют подобные психические подструктуры? Чтобы не «изобретать велосипед», примем за основу то определение, которое еще в середине 20-го века психической структуре давали Д. Рапапорт и М. Джилл: «Структура – это такие конфигурации с низким уровнем изменения... внутри которых, между которыми и с помощью которых осуществляются психические процессы... Структуры упорядочены иерархически... Качество процесса зависит от того, на каком уровне структурной иерархии он имеет место»¹¹⁸.

Когда происходит деавтоматизация навыков, знаний и других содержаний психики, то происходит, скорее всего, снижение иерархического уровня, а не исчезновение психической структуры вообще.

Очевидно, что вышеизложенные рассуждения носят дискуссионный характер. Но они основываются на значительном эмпирическом материале и, на наш взгляд, создают реальную основу не только для понимания подсознательного и целого ряда сложнейших психических явлений (в частности, творческого процесса и интуиции), но и содержательного обсуждения ряда теоретических проблем психологии (психофизиологической проблемы, проблемы генезиса уровней психики и другие).

Здесь, завершая обсуждение проблемы подсознательного уровня жизни психического, следует упомянуть еще один вопрос. Для сознательного воспроизведения подсознательных содержаний необходимо активизировать определенные установки, для чего используется, в частности, механизм сознательного внимания. Но что из себя представляет этот механизм и как он переводит в сферу сознания подсознательные содержания, не совсем ясно. Если внимание как направленность психической активности, считать особой интеллектуальной установкой, то это позволит несколько углубить анализ подсознательного воспроизведения психических содержаний. Поскольку установка, придающая направленность психической деятельности, несет признаки внимания, и ее в некотором смысле можно было бы назвать

¹¹⁸ Rapaport D. and Gill M.M. The points of view and assumptions of metapsychology*. – “International Journal of Psychoanalysis”, 1959, 40, pp. 157–158.

подсознательным вниманием (имея в виду, что установки «живут» преимущественно на подсознательном уровне), то ***процесс сознательного воспроизведения содержаний подсознательной сферы можно рассматривать в качестве результата взаимодействия установок***. Успешность такого воспроизведения во многом зависит, как можно предположить, от взаимной направленности этих установок.

Имея в виду иерархическую организацию содержаний психики человека, можно задать вопрос: ***из каких секторов состоит подсознательное?*** Мы считаем, что исходя из природы сохраняемых знаний, следует выделить, по крайней мере, следующие секторы или блоки подсознательной сферы психики человека: 1) ***впечатления*** как эмоциональные комплексы; 2) ***автоматизированные действия*** – навыки и привычки; 3) ***систематизированные специальные (профессиональные) знания***; 4) ***ролевые знания*** (системы и структуры повторяемых, наиболее устойчивых социальных ролей личности и связанные с ними социальные и иные навыки; 5) ***вытесненные из сферы сознания содержания***, совокупности которых З. Фрейд в свое время давал название «бессознательное»; 6) различные ***логические схемы мышления***; 7) ***психо-логические схемы мышления***; 8) ***структура самосознания (Я-концепции)*** и связанные с ней различные отражения «Я» как в собственной психике личности, так и знания об отражении в психике других людей. Сама Я-концепция, как мы увидим, имеет чрезвычайно сложную структуру; 9) ***защитные механизмы, их комплексы и защитно-адаптивные стратегии***, которые тесно связаны с «Я», служат для его защиты и адаптации.

§ 12. Динамика подсознательного и процессы памяти

Мы уже указали на то, что подсознательное по существу является онтогенетической динамической памятью человека. Если это так, то к нему применимы те динамические признаки, которые обнаружены при исследовании памяти. В этом отношении представляют интерес исследования Ф. Бартлетта. Этот психолог указал на то, что в результате неупотребления некоторые матрицы памяти, развитые у человека в результате обучения, могут деградировать. Создание новых и деградация, разрушение старых матриц – это перманентные психические процессы. Могут иметь место также другие динамические изменения матриц памяти, а именно: упрощение, сгущение, разложение, развитие и обогащение путем добавления новых материалов. По словам Бартлетта, «схематы» памяти являются живыми, постоянно развивающимися, находятся под влиянием каждого бита вновь поступающей информации, чувственного опыта. Прошное постоянно переделывается настоящим.

Бартлетт справедливо писал, что воспроизведение не является новым (повторным) раздражением многочисленных, фиксированных, безжизненных и разрозненных следов. Воспроизведение есть имажинативная реконструкция или образование (конструирование), осуществляемое на основе нашей активной установки по отношению к активной массе организованных прошлых реакций или опыта¹¹⁹. Те случаи, когда в результате воспроизведения осознаются неизменные образы и другие содержания, не очень важны для психической жизни человека.

Хотя накопленные в течение жизни образы сохраняются в глубоких слоях подсознательного, они не всегда доступны для воспроизведения в неизменных своих формах. При запоминании происходит, если использовать термин А. Кёстлера, процесс департикуляризации воспринятого (т. е. его обобщение, схематизация). Для того, чтобы воспроизвести образы в их конкретной живости и богатстве, нужен обратный процесс репартикуляризации. Это иногда имеет место, но остается неизвестной природа его механизмов. Для того чтобы в

¹¹⁹ См.: Bartlett F. Remembering. Cambridge Univ. Press, 1961, p. 200, 213; его же: Thinking. London: Allen and Unwin, 1958.

неизменной форме сохранить живые зрительные, слуховые и другие образы, нужны многие частные мозговые механизмы. Например, для точного воспроизведения какой-либо песни необходимо иметь механизмы сохранения для таких аспектов первоначального переживания, как мелодия, тембр, слова и др. Для воспроизведения из памяти зрительных переживаний нужны специфические механизмы для формы, движения и других признаков образов. Возможно, что идея голографии позволит объяснить такие явления¹²⁰.

Существует очень интересное явление, которое можно назвать «негативным узнаванием». Например, я захожу в комнату друга, где давно не был, и говорю ему: что-то здесь изменилось, но не могу сказать, что именно. Это свидетельствует о том, что воспринятый в прошлом образ существует в моей психике (в подсознательном) и оказывает влияние на новое восприятие. Происходит подсознательное (неосознанное) воспроизведение и сравнение, результат которого – обнаруженное несоответствие сравниваемых образов – смутно осознается, сопровождаясь чувством неуверенности.

§ 13. Внушение, конверсия и подсознательные механизмы психики

Существование активной подсознательной сферы, а в ней – активных психодинамических механизмов – доказывается некоторыми экспериментальными фактами. Исключительный интерес представляет обнаруженное Шиндлером в 1927 году явление перехода внушения в конверсию, подтвержденное позже Леоном Шертоком, который писал: «... мы находим в истерической конверсии ту же психосоматическую «пластичность», что и в гипнозе. Можно сказать, перефразируя Шарко, что истерия спонтанно вызывает то, что гипнотическое внушение вызывает экспериментально. Наблюдение Шиндлера (1927) с необычайной яркостью иллюстрирует родственность этих двух механизмов. Испытуемая в опыте Шиндлера была истеричкой, главным симптомом которой были кровоподтеки, спонтанно и постоянно возникавшие на всех частях тела. Автор провел с ней много экспериментов, приводивших к образованию пузырей под воздействием гипнотического внушения. Спустя несколько дней было обнаружено, что сходные пузыри начали появляться спонтанно на всем теле испытуемой точно так же, как и кровоподтеки. Внушение перешло в конверсию»¹²¹.

Это преобразование (или переход?) внушения в конверсию осуществилось на подсознательном уровне и с помощью специфических механизмов, которые, вполне возможно, действуют только на подсознательном уровне, т. е. неосознанно. Но что собой представляет такой переход и как он происходит, из какого центра управляется и регулируется?

Для того чтобы найти ответ на эти вопросы, мы должны точно описать: 1) что такое конверсия и как она протекает как процесс? 2) Каким образом внушение может превращаться в конверсию? Или, может быть, это переход от механизма внушения к механизму конверсии, который под влиянием внушения приходит в активное состояние в психике человека? Возможно также, что никакое внушение не может действовать на человека, особенно на его соматику, без того, чтобы к процессу внушения не присоединилась конверсия? Наконец, является ли конверсия самостоятельным механизмом психики или же она всегда вызывается и действует под влиянием внушения и (или) самовнушения? На эти вопросы нет еще ответов, а между тем они касаются самой сущности психического и механизмов взаимодействия психического и физиологического (телесного вообще).

Итак, в первую очередь следует описать: а) структуру, функции и динамику конверсии; б) структуру, динамику и функции внушения; в) раскрыть связи между ними и выяснить,

¹²⁰ См.: Прибрам К. Языки мозга. М.: «Прогресс», 1975.

¹²¹ Шерток Л. Непознанное в психике человека. Москва: «Прогресс», 1982, с. 79.

каким образом структура внушения может преобразоваться в структуру конверсии, вызывая психосоматические последствия (в виде ожогов кожи, обезболивания органов, изменения в дыхательной системе и т. д.).

§ 14. Фрейдовское представление о бессознательном

Здесь мы в свете новых достижений психологии рассмотрим представления Фрейда о бессознательном, которые некоторыми представителями психоанализа до сих пор принимаются в практически неизменном виде.

Вытесненные психические содержания, полагал З. Фрейд, составляют лишь часть бессознательного. Сущность вытеснения состоит не в уничтожении идеационного представления инстинктов, а в устранении их из сознания. Если психические содержания не осознаются, то говорят, что они находятся в бессознательном состоянии. Причем имеются неоспоримые доказательства того, что и в бессознательном состоянии они вызывают такие последствия, которые проникают в сознание.

О бессознательном, утверждал З. Фрейд, мы что-либо узнаем с помощью осознанных психических явлений, которые представляют собой измененные и переведенные на язык сознания бессознательные содержания. Для того чтобы в процессе психоанализа имело место такое осознание, индивид должен преодолеть *сопротивление* тех сил, которые раньше осуществили вытеснение¹²².

З. Фрейд считал, что предположение о существовании бессознательного является необходимым и законным, и имеются многообразные доказательства его существования. Бессознательное существует, поскольку данные сознания являются крайне неполными: как у здоровых, так и у больных людей психические действия обычно составляют отрывки таких процессов, которые можно объяснить, лишь предполагая другие действия, о которых сознание не дает никаких свидетельств. Сюда относятся не только ошибки речи, засовывание предметов и другие явления из сферы «психопатологии повседневной жизни», сновидения здоровых людей, но также все симптомы больных. В каждодневном опыте мы неожиданно получаем такие идеи, об источнике которых ничего не знаем.

Все эти сознательные действия, утверждал З. Фрейд, остаются разрозненными и непонятными, пока мы твердо придерживаемся положения, согласно которому все психические действия переживаются нами сознательно. Но когда мы предполагаем существование бессознательных действий, то между сознательными действиями устанавливается связь, которую можно демонстрировать. И поскольку, продолжает З. Фрейд, предположение о существовании бессознательного позволяет создать эффективный метод влияния на сознательные процессы (имеется в виду психоаналитический метод), то существование бессознательного можно считать доказанным. Поэтому нельзя считать состоятельным взгляд, согласно которому все, что происходит в психике, сознательно.

Далее З. Фрейд выдвигает очень важную мысль о том, что лишь небольшая часть психического содержания «обнимается» сознанием в каждый момент времени, поскольку большая часть того, что мы называем сознательным знанием, в течение долгих периодов времени может существовать в латентном, т. е. бессознательном состоянии. Когда принимаются во внимание все наши латентные воспоминания, становится непонятным, как можно отрицать существование бессознательного.

Основным возражением, которое выдвигается противниками психоанализа против этих идей, следующее: латентные воспоминания вряд ли являются психическими содержа-

¹²² Здесь взгляды З. Фрейда на бессознательное изложены на основе следующего его труда: Freud S. The Metapsychology of Instincts, Repression and the Unconscious. – In: “Theories of Psychopathology. Essays and Critiques”. Ed. By Theodore Millon. Philadelphia and London, 1967, pp. 140–152.

ниями, они являются лишь материальными следами, из которых можно вновь вывести психическое. З. Фрейд решительно настаивал, что воспоминания являются психическими процессами. Он считал, что вышеприведенное возражение основано на неявной идентификации сознания с психикой. Но такое отождествление не может быть принято, поскольку оно практически бесполезно, нарушает непрерывность психики, создает неразрешимые трудности, связанные с психофизиологическим параллелизмом. Без всякого на то основания это предположение преувеличивает роль сознания и требует от нас отказаться от психологического исследования новых областей, не будучи способным предложить какую-либо компенсацию.

О физиологических, а также физических и химических основах бессознательного, согласно З. Фрейду, мы ничего достоверного не знаем. (Сегодня положение несколько, хотя и нерадикально, изменилось). Но бессознательные явления имеют многочисленные точки соприкосновения с сознательными психическими процессами. Определенными методами они могут быть преобразованы в сознательные процессы или заменены последними, и к ним могут быть применены все категории, которыми мы пользуемся при описании сознательных психических действий (идей, целей, решений и т. п.). О многих подобных латентных состояниях, утверждал З. Фрейд, мы можем сказать, что они отличаются от сознательных состояний только отсутствием осознанности.

Это очень важная идея. Однако ее критикуют на том основании, будто она дает лишь отрицательную характеристику бессознательного. Но ведь З. Фрейд говорит не о всех бессознательных и подсознательных состояниях и действиях, а лишь «о многих из этих латентных состояний»¹²³. Такая оговорка частично снимает критику. Однако остается все же неразрешимым вопрос: каким трансформациям подвергаются содержания потока сознания в ходе и после перехода в подсознательное? (Читатель без труда заметит, что мы фактически включаем фрейдовское «бессознательное» в наше представление о подсознательном). (Частично, а именно, – в случае вербализованных содержаний, – решению этой проблемы, как мы полагаем, поможет гипотеза Н. Хомского о различных уровнях языка и о порождающих грамматиках). Такие подсознательные содержания, которые отличаются от сознательных только отсутствием осознанности, согласно З. Фрейду, можно без колебаний подвергнуть психологическому изучению в их тесных связях с осознанными психическими действиями.

Упорное отрицание психического качества за латентными умственными процессами иногда основывается на том, что эти явления вне психоанализа не исследованы. Однако, как справедливо указал З. Фрейд, многочисленные патопсихологические факты, грубые ошибки нормальной психики, постгипнотическое внушение были известны задолго до создания психоанализа: они указывают не только на существование, но и на формы действия бессознательной психики.

Согласно З. Фрейду, предположение о существовании бессознательного является законным, если, конечно, при этом мы не выходим за рамки наших обычных способов мышления. С помощью сознания каждый из нас осведомляется только о своих психических состояниях. К выводу, что и другой человек обладает сознанием, мы приходим с помощью логического вывода на основе наблюдения за его поведением и речью, и только тогда его поведение становится понятным для нас. (Фактически здесь у Фрейда имеется догадка об атрибуции: только с помощью атрибуций мы убеждаем самих себя, что у другого тоже имеется психика). По существу мы бессознательно приписываем другим наше устройство и сознание, и такая идентификация является основой понимания. (Мы же считаем, что понимание другого является результатом совместной работы восприятия, логического и атрибутивного мышления, идентификации и, возможно, ряда других механизмов). В древности,

¹²³ Указ. Соч., с. 150.

отметил З. Фрейд, люди такую идентификацию осуществляли с неодушевленными предметами, а также с животными и растениями, т. е. были мистиками.

Исследования показывают, что такой мистицизм и магический образ мышления есть и у современных людей. На основе анализа, в частности, подобных фактов автор настоящих строк развивает *психо-логику*). Но предположение, что и другие обладают сознанием, является основой понимания других людей, и оно есть выводное знание, поскольку мы не имеем прямого доступа к чужому сознанию.

Психоанализ, согласно З. Фрейду, требует применить данный метод вывода не только к другим, но и к себе. Но люди «конституционально» плохо предрасположены к такому действию. Совершая подобное действие, мы должны сказать, что все те действия и выражения, которые я замечаю у себя и не знаю, каким образом сочетать с остальной частью психической жизни, должны оцениваться как принадлежащие другому. Опыт показывает также, что мы хорошо знаем как истолковать (т. е. связать с контекстом их психической жизни) те же самые действия других, которые мы не считаем психологически детерминированными в нас самих. Какая-то специальная помеха, очевидно, отвлекает наше последовательное внимание от нас самих и не позволяет получить о нас достоверное знание.

Если, вопреки этому внутреннему сопротивлению, применить метод вывода к нам самим, то это приведет не к открытию бессознательного, а к предположению о существовании в нас второго сознания, которое объединено с первым (известным нам) сознанием. Однако это второе сознание отличается от сознания другого, и если оно лишено своего основного качества – осознанности – то вряд ли достойно дальнейшего обсуждения. Так, кто отвергает бессознательное, вряд ли согласится с существованием бессознательного сознания. Кроме того, как показывает анализ, латентные психические процессы в высшей степени независимы друг от друга, так что они, кажется, не связаны друг с другом и ничего не знают друг о друге. Надо быть готовым, утверждал З. Фрейд, для предположения о существовании второго, третьего, ...бесконечного числа таких сознаний. Психоанализ показал, что некоторые из этих латентных процессов представляются отчужденными от нас или невероятными, противоположными хорошо известным атрибутам сознания.

Исходя из всех этих аргументов, З. Фрейд приходит к выводу, что в нас нет второго сознания, а есть психические процессы, лишенные осознанности. Но необходимо иметь в виду (как это убедительно показывают исследования феномена «множественной личности»), что подсознательные психические содержания и процессы составляют систему или несколько относительно независимых друг от друга систем. Сам Фрейд справедливо полагал, что случаи «двойного сознания» или «расщепления сознания» (*splitting of consciousness*) означают расщепление психических процессов на две группы, которые сменяют друг друга. Такие случаи не противоречат гипотезе о существовании бессознательного и подсознательного в том их понимании, которые представлены в настоящей книге.

З. Фрейд считал термин «подсознательное» (*subconsciousness*) неправильным и вводящим в заблуждение. Но с этим вряд ли можно согласиться, о чем свидетельствует то, что нами сказано о подсознательном на предыдущих страницах.

Итак, еще раз отметим, что все суждения З. Фрейда относятся к определенной подсистеме подсознательного в том его понимании, которое представлено в настоящей главе нашей книги. Поэтому нет сомнения, что концепции Фрейда и исследования его последователей до сих пор остаются одними из источников идей и сведений, необходимых для развития теории уровней психической активности человека. В этом отношении представляют интерес, например, некоторые идеи И. Сарнофа, который предпринял попытку экспериментально доказать справедливость идей З. Фрейда. Говоря о мотивах человека, этот известный психоаналитик отметил, что под влиянием культуры и воспитания каждый индивид старается держать в секрете часть своих мотивов, причем не только от других, но также от

самого себя. Подобные мотивы становятся подсознательными. (Сарноф и другие современные психоаналитики, следуя фрейдовской традиции, продолжают говорить о «бессознательном» там, где следовало говорить о подсознательном). Но становясь подсознательными, эти мотивы не перестают оказывать влияние на поведение человека. Наоборот, они вызывают напряжение, которое требует разрядки. Эти мотивы остаются мощными по той причине, что человек старается не осознать их существование. Для защиты от таких неприятных мотивов с детских лет у человека начинают формироваться защитные механизмы. Эти механизмы не позволяют человеку по-новому взглянуть на свои подсознательные мотивы. В виде бессознательных мотивов во взрослом человеке продолжает жить ребенок.

Однако бывают периоды жизни, когда, при особых обстоятельствах, индивид начинает осознавать свои до сих пор неосознанные мотивы, новые пути уменьшения того напряжения, которое они вызывают. Но для этого личность должна вновь переживать те неприятные эмоции, которые в свое время являлись стимулом для развития защитных механизмов. Даже те взрослые, которые добровольно желают с помощью психотерапевта добиться лучшего понимания корней своего поведения, оказывают сопротивление исследованию своих бессознательных мотивов. Это обстоятельство многократно и убедительно показал еще З. Фрейд¹²⁴. Но защитные механизмы и трудности самопознания нами подробно обсуждаются в других монографиях.

§ 15. Язык и подсознательное

Изучение языка и речевых процессов имеет колоссальное значение для развития теории уровней психики. Микро – и макроструктура подсознательного в значительной мере совпадает с теми психическими содержаниями, которые в прошлом запоминались нами в речевых выражениях.

Такое понимание взаимосвязи речи и подсознательного позволяет обоснованно критиковать также примитивную рефлекторную концепцию психики. Такую возможность видел, например, Ф. Михайлов, который писал: «Мысль невысказанная, неосознанная, но уже действующая, не есть «механизм» временных нервных связей, она является определенной языковой комбинацией, с необходимостью вытекающей из высказанных и оформившихся мыслей по законам языка. Можно даже сказать, что объективная система народного языка, контекст речи часто требует определенного смыслового вывода, который четко еще не сформулирован»¹²⁵. Лингвистические структуры, запечатленные в нашей памяти, в качестве «внутрипсихической ситуации» детерминируют ход нашего речевого мышления. Другим детерминирующим фактором является, конечно, объективная жизненная ситуация.

Вместе с тем подсознательное нельзя свести только к языковым структурам, поскольку: а) многое, особенно в первые годы жизни, человек воспринимает и запоминает без вербализации; б) в подсознательном сохраняются также эмоциональные, в основном невербализованные, содержания. Содержания подсознательной психической сферы многообразны, что нами показано на предыдущих страницах.

Однако, имея в виду значение усвоения национального языка в формировании подсознательного, можно сказать следующее: если психические содержания, объективированные в языке, считать народным (коллективным или национальным) подсознательным, то любое индивидуальное подсознательное или психику можно считать результатом частичной интериоризации коллективного бессознательного. Поэтому психолингвистика может играть важную роль в процессе дальнейшего развития теории генезиса и уровней психики человека.

¹²⁴ См.: Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ; Saranof I., op. cit., p.33, etc.

¹²⁵ Михайлов Ф., Царегородцев Г. За порогом сознания. Критический очерк фрейдизма. М.: Политиздат, 1961, с. 46.

При запоминании мы кодируем свои восприятия с помощью слов и запоминаем эти слова. Позже, при воспроизведении, мы вспоминаем эти слова, и с их помощью пытаемся реконструировать прежние переживания, образы которых в памяти, конечно, сохранились. Символизация переживаний и опыта – это важнейшее вспомогательное средство для работы памяти. Нередко символизируется и запоминается то правило, согласно которому в будущем мы должны конструировать или реконструировать то, что хотели бы знать.

§ 16. О соматических выражениях подсознательного

Протекание подсознательных процессов параллельно с сознательными выражается не только в собственно психических формах (например, в таких, которые описаны Фрейдом под общим названием «психопатологии обыденной жизни»), но и в соматических изменениях личности.

Из таких психосоматических выражений Г. С. Салливен отмечает изменения голоса, молярные движения, усиление или ослабление напряжения (тонуса мускулов). Эти изменения, как особые «действия», служат подсознательным импульсам¹²⁶.

Выражением подсознательных процессов на уровне сознания является также тревога, но у многих она не возникает или очень слабо выражена. Телесные же изменения легче изучить объективными методами. Повышение или понижение тонуса тела может быть соматическим выражением тревоги или ее заменой.

(Данный аспект теории уровней психической активности следует расширить путем привлечения данных психосоматической медицины).

§ 17. Карл Юнг о бессознательном

Идеи Карла Густава Юнга (1875–1961) значительно обогатили наши представления о неосознаваемых психических явлениях и об уровнях психики человека. Но для того чтобы и дальше они способствовали развитию психологической теории, нам необходимо интерпретировать их с учетом достижений современной психологии. Этим и мы займемся в настоящем и следующем параграфах, но пока весьма кратко.

А. Значение бессознательного. – К. Г. Юнг придавал огромное значение бессознательному. Об этом свидетельствуют следующие его слова: «Моя жизнь – это история самореализации бессознательного! Все, что есть в бессознательном, стремится реализоваться, и человеческая личность хочет развиваться из своих бессознательных источников, ощущая себя как единое целое»¹²⁷. Но он считал, что самую глубокую сущность человека невозможно выразить в научных понятиях: для этой цели больше подходит язык мифа. Данный вопрос достоин отдельного обсуждения, но уже здесь следует считать, что именно данную тенденцию к мифологизации и следует преодолеть, если мы хотим иметь настоящую науку о структуре и уровнях психики, о ее содержании.

Однако сама идея о том, что жизнь каждого человека начинается с бессознательного, с тех тенденций, которые в нем изначально имеются и стремятся к самореализации, представляет несомненную ценность для современной психологической онтологии (или, что то же самое, онтологической психологии). Нет никакого сомнения, что Юнг прав, когда утверждает: «Человек и в психическом и в духовном отношении приходит в этот мир с некоторой ориентацией, заложенной в нем изначально, в соответствии с привычной для него средой и

¹²⁶ См.: Sullivan H.S. Conceptions of Modern Psychiatry. New York, 1947, p. 200.

¹²⁷ Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Львов: «Инициатива»; Москва: «АСТ», 1998, с.16.

окружением...»¹²⁸. Юнг справедливо утверждает, что уже в момент своего рождения человеческий индивид живет чрезвычайно сложной жизнью. В настоящей книге, как уже должен был заметить читатель, сходная точка зрения развивается независимо и на иной научной основе.

Б. Коллективное бессознательное по Юнгу. – В составе всего бессознательного Юнг выделил две части – индивидуальное и коллективное бессознательное. Под индивидуальным бессознательным он понимал то, что в нашей концепции уровней психики называется подсознательной сферой. Коллективное же бессознательное Юнга, согласно нашей концепции, охватывает лишь часть наследственного бессознательного, в то время как оно, как мы видели, имеет более широкое и разнообразное содержание. Тем не менее, концепция бессознательного Юнга до сих пор представляет серьезный интерес для психологии, поскольку раскрывает важнейшие аспекты глубоких основ психической жизни человека. Поэтому мы намерены ниже подробно изложить и обсудить основные идеи Юнга о т. н. коллективном бессознательном.

1) Содержание коллективного бессознательного

По мнению Юнга, содержание коллективного бессознательного составляют инстинкты и архетипы.

Инстинкты человека. – Проблему инстинктов Юнг обсуждает во многих своих трудах, но более четко его взгляды на важнейшие компоненты коллективного бессознательного изложены в докладе «Структура и динамика психики». Не вдаваясь в историю вопроса, которая кратко рассмотрена Юнгом, представим его точку зрения на природу инстинкта. Инстинкт – такой бессознательный ответ на определенные стимулы среды, мотив и цель которого не осознаются. Единообразие реакции и регулярность ее появления являются самыми существенными чертами инстинкта. В качестве примера Юнг указывает на испуг при появлении змеи, который характерен как для человека, так и для обезьян.

Инстинктивная реакция целесообразна и адаптивна и этим принципиально отличается от фобических и других патологических реакций. Она бывает у всех людей. Следующим образом обобщает свою точку зрения Юнг: «Только те бессознательные процессы, которые являются врожденными и отличаются единообразием и регулярностью протекания, можно назвать инстинктивными»¹²⁹. Кроме того, инстинкт обладает принудительной силой.

Архетипы коллективного бессознательного. – Юнг заимствовал термин «архетип» у Св. Августина, хотя до него им уже пользовался Дионисий Ареопагит. В коллективном бессознательном, в этом наиболее глубоком «слое» психики, кроме инстинктов, находятся также «... *априорные*, врожденные формы «интуиции», а именно, *архетипы* восприятия и понимания, являющиеся необходимыми *априорными* детерминантами всех психических процессов»¹³⁰. Если инстинкты – это определенные формы поведения, то архетипы принудительно приводят способы восприятия и понимания человека в соответствие со специфическими человеческими шаблонами. Вместе, – инстинкты и архетипы, – образуют «коллективное бессознательное», – считает Юнг. Они являются универсальными и закономерно повторяющимися феноменами и не имеют ничего общего с индивидуальностью, – был убежден Юнг. (Что, конечно, спорно!). Инстинкт и архетип определяют друг друга.

Юнг считает, что инстинкты оказывают огромное влияние на поведение и переживания людей, и не соглашается с теми авторами, которые, рационализируя, преуменьшают число и значение инстинктов. То же самое касается архетипов. Последние – это такие факторы,

¹²⁸ Указ. соч., с. 116.

¹²⁹ Юнг К. Г. Инстинкт и бессознательное. – В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. с. 60.

¹³⁰ Юнг К. Г. Инстинкты и бессознательное, с. 62.

которые определяют способы восприятия и понимания. Архетип (изначальный образ) – это, согласно Юнгу, самовосприятие инстинкта, это автопортрет инстинкта.

Юнг не всегда четко определяет отношение архетипов к инстинкту. Только в одном месте, в труде, посвященном «структуре души», он ясно и недвусмысленно заявляет: «архетипы – это всего лишь формы, принимаемые инстинктами»¹³¹.

И еще: «Коллективное бессознательное содержит в себе все духовное наследие эволюции человечества, порождаемое в структуре мозга каждого индивидуума. Сознательный ум (mind) – это эфемерный феномен, который выполняет все провизорные адаптации и ориентации, и по этой причине его функцию лучше всего сравнить с ориентировкой в пространстве. Напротив, бессознательное служит источником инстинктивных сил души (psyche), а также форм и категорий, их регулирующих, то есть архетипов»¹³². – Архетипы – это такие формы, которые присутствуют в душе всех людей. Юнг отмечает, что целый ряд представителей различных наук догадывались о существовании таких образов, хотя для их обозначения использовали другие термины (например «мотив» – в мифологических исследованиях). В психологии первобытных народов их называют «коллективными представлениями» (К. Леви-Брюль), и т. д.

Мы полагаем, что отмеченная неопределенность при попытке понимания соотношения инстинктов и архетипов снимается в нашей концепции инстинкта, которая изложена в настоящей книге. В ней мы утверждаем, что сами инстинкты являются сложными образованиями и в их составе имеются обобщенные образы наиболее типичных объектов и ситуаций, с которыми в реальной жизни мог бы встречаться человек или животное.

2) Носители коллективного бессознательного

По мнению Юнга, коллективное бессознательное носит универсальный характер, т. е. оно имеется у всех представителей вида «человек разумный» (*homo sapiens*). В целом данное утверждение у Юнга носит достаточно универсальный и даже категорический характер. Только редко на этот счет у него возникает сомнение, выражением чего являются, например, слова: «по-видимому, у всех людей». В целом, по мнению Юнга, коллективное бессознательное – это общечеловеческое явление, оно имеется в психике каждого человека независимо от расы и этнической принадлежности.

Итак, Юнг считал, что вдобавок к сознанию и личному бессознательному (т. е. подсознательному) «...существует другая психическая система коллективной, универсальной и безличной природы, идентичная у всех членов вида *Homo sapiens*. Это коллективное бессознательное именно наследуется, а не развивается индивидуально. Оно состоит из предшествующих форм, которые могут сознаваться только вторично и которые придают определенную форму некоторым психическим содержаниям»¹³³.

3) Происхождение коллективного бессознательного

Проблема происхождения (генезиса) у вида «человек разумный» коллективного бессознательного сводится к трем главным вопросам: 1) Когда оно возникло? 2) Как оно возникло? 3) Каким путем оно передается от одного поколения людей к другому?

Инстинкты и архетипы как содержания коллективного бессознательного произошли в очень далеком прошлом, возможно, – миллионы лет назад. Точно установить дату происхождения такого сложного психического образования вряд ли возможно, и Юнг не пытался говорить об этом что-либо определенное. И это правильный подход, поскольку формирование коллективного бессознательного имело характер длительного исторического процесса.

¹³¹ Юнг К. Г. Структура души. – В кн.: Сознание и бессознательное. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 54.

¹³² Юнг К. Г., указ. соч., с. 55.

¹³³ Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного. – В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 70.

В настоящее время оно, конечно, есть у всех людей. Имеет ли оно какие-то различия у представителей разных рас и этносов? Изучение трудов Юнга оставляет впечатление, что он таких различий не допускает, хотя мы не согласны, что здесь нет проблем.

Как возникло коллективное бессознательное? Это очень трудный вопрос и вряд ли когда-либо будет найден на него ответ. Во время одной из своих бесед с американским психологом Ричардом Эвансом (в 1957 году) Юнг на сходный вопрос своего собеседника дал полшутливый ответ: мол, «не знаю, меня там не было». Это, конечно, не означает, что наука должна отказаться от исследования проблемы возникновения инстинктов и архетипов. Не исключено, что в будущем откроются какие-то возможности исследования этой проблемы. В этом отношении нам представляются перспективными психогенетические исследования. (Психогенетика – новая наука, которая исследует механизмы и закономерности наследования психических явлений и способностей). Следующая мысль Юнга представляет интерес: «Архетипов ровно столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение запечатлело этот опыт (experiences) в нашей психической конституции, но не в форме заполненных содержанием образов, а лишь в виде *форм без содержания*, представляющих только возможность определенного восприятия и действия. Когда встречается соответствующая данному архетипу ситуация, этот архетип активируется, – и тогда появляется компульсивность, которая, подобно инстинктивному влечению, добивается своего вопреки разуму и воле, а то и вообще приводит к конфликту патологических размеров, т. е. к невроту»¹³⁴.

Каким путем коллективное бессознательное передается новым поколениям? Ответ на данный вопрос у Юнга более определенный: коллективное бессознательное не обязано личному опыту, оно не является личным приобретением. «В то время как личное бессознательное складывается, по существу, из содержаний, которые одно время были сознательными, а затем исчезли из сознания в результате забывания или вытеснения, содержания коллективного бессознательного никогда не находились в сознании и, таким образом, никогда не приобретались индивидуально, но обязаны своим существованием исключительно наследственности. Тогда как личное бессознательное состоит большей частью из *комплексов*, содержание коллективного бессознательного составляют, по существу, *архетипы*»¹³⁵.

Психопатология и архетипы. – Когда психическая жизнь индивида протекает нормально, то влияние инстинктов и архетипов не всегда заметно. Их действие объясняется мышлением и рационализируется, маскируя эти содержания бессознательного. Юнг считал, что каждый человек обладает как инстинктами, так и запасом архетипических образов, причем: «Самым впечатляющим доказательством этого служит психопатология душевных расстройств, характеризующаяся внезапным вторжением коллективного бессознательного. Такое случается при шизофрении, когда мы часто можем наблюдать появление архаических импульсов вместе с легко узнаваемыми мифологическими образами»¹³⁶.

Патологические аспекты активности инстинктов и архетипов представляет особый интерес и должен стать предметом новых исследований.

§ 18. Бессознательное, сновидения и уровни психики

А. Бессознательное – источник сновидений. – Бессознательное, как показал Юнг, порождает сновидения самопроизвольно, без участия сознания и воли человека. К этому выводу он пришел прежде всего и преимущественно на основе анализа собственных сно-

¹³⁴ Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного. – В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное, с. 76–77.

¹³⁵ Юнг К. Г. Сознание и бессознательное, с. 69–70.

¹³⁶ Юнг К. Г. Сознание и бессознательное, с. 67–68.

видений. Так, уже в трехлетнем возрасте Юнг увидел сложное сновидение, которое играло существенную роль в его жизни. Он всю жизнь помнил это сновидение. Ниже оно приводится полностью.

«Дом священника стоял особняком вблизи замка Лауфэн, рядом тянулся большой луг, начинавшийся у фермы церковного сторожа. Во сне я находился на этом лугу. Внезапно я заметил темную прямоугольную, выложенную изнутри камнями яму. Я никогда прежде не видел ничего подобного. Я подбежал и с любопытством заглянул вниз. Я увидел каменные ступени. В страхе и неуверенности я спустился. В самом низу за зеленым занавесом был вход с круглой аркой. Занавес был большой и тяжелый, ручной работы, похож был на парчовый и выглядел очень роскошно. Любопытство мое требовало узнать, что за ним, я отстранил его и увидел перед собой в тусклом свете прямоугольную палату, метров в десять длиною, с каменным сводчатым потолком. Пол тоже был выложен каменными плитами, а в центре его лежал красный ковер. Там, на возвышении, стоял золотой трон, удивительно богато украшенный. Я не уверен, но возможно, что на сиденье лежала красная подушка. Это был величественный трон, в самом деле – сказочный королевский трон. Что-то стояло на нем, сначала я подумал, что это ствол дерева (что-то около 4–5 м высотой и 0,5 м в толщину). Это была огромная масса, доходящая почти до потолка, и сделана она была из странного сплава – кожи и голого мяса, на вершине находилось что-то вроде круглой головы без лица и волос. На самой макушке был один глаз, устремленный неподвижно вверх.

В комнате было довольно светло, хотя не было ни окон, ни какого-нибудь другого видимого источника света. От головы, однако, полукругом исходило яркое свечение. То, что стояло на троне, не двигалось, и все же у меня было чувство, что оно может в любой момент сползти с трона и, как червяк, поползти ко мне. Я был парализован ужасом. В этот момент я услышал снаружи, сверху, голос моей матери. Она воскликнула: «Ты только посмотри на него. Это же людоед!». Это лишь увеличило мой ужас, и я проснулся в испарине, напуганный до смерти. Много ночей после этого я боялся засыпать, потому что боялся увидеть еще один такой сон.

Это сновидение преследовало меня много дней. Гораздо позже я понял, что это был образ фаллоса, и прошли еще десятилетия, прежде чем я узнал, что это ритуальный фаллос»¹³⁷.

Надо сказать, что в создании этого сновидения участвовало также подсознательное (образ знакомого луга, голос матери – это содержания из подсознательной сферы). Однако основные образы появились из бессознательного и составили суть сновидения Юнга. Ценой некоторой схематизации на основе подобных фактов можно выделить **три вида сновидений**: а) бессознательные сновидения, состоящие полностью из образных содержаний бессознательной сферы в нашем ее понимании, б) преимущественно подсознательные сновидения, в) смешанные сновидения, состоящие как из бессознательных, так и из подсознательных содержаний. Это виды сновидений по критерию генезиса их содержаний. Те сновидения, которые, как предполагается, видят новорожденные, состоят только из бессознательных психических образов, в то время как часть сновидений взрослых людей можно считать полностью подсознательными в смысле генезиса их содержаний. В целом же, как мы знаем, сновидения, как психические процессы, протекают на подсознательном уровне.

Юнг считал, что это сновидение играло роковую роль в его жизни.

«Кто говорил со мной тогда? Кто посвящал меня в проблемы, далеко выходящие за рамки моих знаний? Кто соединил высокое и низкое и положил основание всему, что так заполнило страстями вторую половину моей жизни? Кто же еще, кроме далекого гостя, явившегося оттуда, из области соединения высокого и низкого?

¹³⁷ Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления, с. 26–27.

Благодаря этому сну я был посвящен в тайны земли. То, что случилось тогда, было своего рода захоронением в землю, и прошли многие годы, прежде чем я снова вышел наружу. Сегодня я знаю, что это случилось затем, чтобы внести как можно больше света в окружающую меня темноту. Это было посвящением в царство тьмы. Моя интеллектуальная жизнь бессознательно началась в этот момент»¹³⁸.

Б. Сновидения и уровни психики. – У Юнга мы видим мифологическое представление об уровнях и содержании психики человека. К своим выводам он пришел путем анализа собственных сновидений. Как он сам утверждает в автобиографии, для него исходными стали приведенный выше и еще один сон (последний привел его к выводу о существовании коллективного бессознательного):

«Один такой сон был особенно важен для меня, он привел меня к понятию «коллективного бессознательного» и положил начало моей книге «Метаморфозы и символы либидо».

Сон был такой. Я находился один в незнакомом двухэтажном доме. Это был «мой дом». Я оказался на верхнем этаже, там было что-то вроде квартиры с прекрасной старой мебелью в стиле рококо. На стенах висели старые картины в дорогих рамах. Я удивился, что этот дом – мой, и подумал: «Ничего себе!». Но потом мне пришло в голову, что я еще не был внизу. Спустившись по ступенькам, я попал на первый этаж. Здесь все было много старше, и я понял, что эта часть дома существует с XV или XVI века. Средневековое убранство, полы, выложенные красным кирпичом, – все казалось тусклым, покрытым патиной. Я переходил из комнаты в комнату и думал: «Я должен обойти весь этот дом». Я подошел к тяжелой двери и открыл ее. Я обнаружил каменную лестницу, которая вела в подвал. Спустившись по ней, я очутился в красивом старинном сводчатом зале. Осматривая стены, я заметил слой кирпича в кладке; в строительном растворе тоже были кусочки кирпича. Так я догадался, что стены были построены еще при римлянах. Мое любопытство достигло предела. Я исследовал каменные плиты пола: в одной из них я нашел кольцо. Я потянул за него – плита приподнялась, и я снова увидел каменную лестницу, узкие ступени которой вели в глубину. Я спустился вниз и очутился в низкой пещере. Среди толстого слоя пыли, на полу, лежали кости и черепки, словно останки какой-то примитивной культуры. Я обнаружил там два, очевидно, очень древних полуистлевших человеческих черепа... В этот момент я проснулся»¹³⁹.

Этот сон Юнг рассказал Фрейд, но тот не сумел его интерпретировать для него. Юнг стал искать собственное объяснение. Юнг пишет: «Мне же необходимо было найти настоящее объяснение моего сна. Мне было ясно, что дом – это в некотором роде образ души, т. е. образ тогдашнего состояния моего сознания. Мое сознание выглядело как жилое пространство, вполне обжитое, хотя и несколько архаичное»¹⁴⁰. Юнг считал, что сновидный дом изображает уровни его психики (и психики человека вообще). Но эти уровни он понимает своеобразно, а именно – не по уровню осознанности их психических содержаний, а по самим содержаниям, которые остались как следы из различных эпох развития человечества. «На нижнем этаже начиналось бессознательное. Чем глубже я спускался, тем более чуждым и

¹³⁸ Юнг К. Г., указ. соч., с. 30.

¹³⁹ (Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления, с. 199–200).

¹⁴⁰ Юнг К. Г., указ. соч., с. 201.

темным оно было. В пещере я нашел остатки примитивной культуры, т. е. то, что оставалось во мне от примитивного человека и что едва ли когда-нибудь могло быть постигнуто или освещено сознанием. Душа примитивного человека граничит с душами животных, так же как и пещеры в древности были населены большей частью животными, прежде чем их заняли люди»¹⁴¹.

После краткой полемики с Фрейдом Юнг продолжает собственную интерпретацию: «Помимо собственно сознания, судя по моему сну, существовало еще несколько нижних уровней: необитаемый «средневековый» первый этаж, затем «римский» подвал и, наконец, доисторическая пещера. Это были эпохи сознательной истории человечества и эпохи в истории развития человеческого сознания...

Основные положения культурной истории представлены в нем в виде уровней сознания: снизу вверх. Мой сон, таким образом, явил собою структурную диаграмму человеческого сознания, выстроенную на обратных Фрейду *безличных* основаниях... Здесь впервые обозначилась идея «коллективного бессознательного», находящегося а priori в основе индивидуальной психики, – то, что я принял за останки примитивной культуры. Много позже, обладая уже немалым опытом и более надежными знаниями, я увидел здесь инстинктивные формы – архетипы»¹⁴².

Таким образом, Юнг считает, что существование архетипов можно доказать путем анализа и интерпретации сновидений, поскольку они являются спонтанными выражениями бессознательного. Особый интерес представляют сновидения детей. Кроме того, об архетипах можно получить сведения путем анализа фантазий и грез людей (в том числе детских фантазий), а также исследуя бред параноиков¹⁴³.

Наш вывод следующий: на основе последнего и ряда других сновидений Юнг пришел к заключению, что психика человека носит следы истории человечества, ее этапов, но – в психологическом аспекте. (Т. е. уровни психического развития человечества начинаются от животного уровня и простираются до уровня рационального мышления современного человека). Но это, как нетрудно понять, не совсем те уровни, которые описываются в нашей концепции. Так, бессознательное в нашем понимании может заключать в себе не только коллективное бессознательное, но и другие психические содержания, которые нами подробно описаны на предыдущих страницах. Мифологический подход Юнга к структуре психики содержателен, но обнаруженное им содержание следует концептуализировать в научных понятиях современной психологии.

В. Миф, наука, психология. – К. Г. Юнг был убежден, что самое существенное в человеке может быть выражено не с помощью науки, а через миф. «Миф более индивидуален и выражает жизнь более точно, нежели наука», – писал он в конце своей жизни¹⁴⁴. В чем причина неспособности науки выражать индивидуальную жизнь? По мнению Юнга, – это общий характер научных концепций, что не позволяет с их помощью выразить субъективное множество событий одной единственной жизни.

Но это весьма спорное утверждение. Даже сны и видения можно выразить на языке науки. Успех или неудача в этом деле зависят от разработанности понятийного аппарата, принципов и методов науки, а также от уровня ее свободы от догматизма¹⁴⁵. Кроме того, вполне возможно создание подлинно научных психологических биографий отдельных людей, как можно более полно выражая их индивидуальность.

¹⁴¹ Указ. соч., с. 201.

¹⁴² Юнг К. Г., указ. соч., с. 202.

¹⁴³ См.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное, с. 77–79.

¹⁴⁴ См.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления, с. 16.

¹⁴⁵ См.: Налчаджян А. А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. Москва, СПб., «Питер», 2004.

§ 19. Архетипы, инстинкты и бессознательное «понимание»

Коллективное бессознательное, согласно Юнгу, состоит из инстинктов и их образных коррелятов – архетипов. «Архетипы, – писал Юнг, – это типичные способы «понимания» (apprehension), и где бы мы ни встречали единообразно и регулярно повторяющиеся способы «понимания», мы имеем дело с архетипом, независимо от того, распознается его мифологический характер или нет»¹⁴⁶. Согласно представлениям Юнга, коллективное бессознательное составляет глубокий слой индивидуального бессознательного и одинаково у всех людей – независимо от расовой и этнической принадлежности. Более того, компоненты коллективного бессознательного даны также животным, поведение которых преимущественно инстинктивно. Юнг считал, что в психике каждого человека сохранились следы психики всех животных предков.

Но в данном случае нас интересует то, что Юнг связывает архетипы с явлением *понимания*, представляющим одну из самых сложных проблем психологии и философии. Он называет архетип «типичным способом понимания».

Эта проблема, по нашему мнению, все еще подлежит исследованию. Во-первых, не лучше ли считать архетип *средством понимания* (а не способом) определенных типичных ситуаций? Мы полагаем, что так будет лучше, поскольку человек и даже животное именно с помощью архетипов понимает типичные ситуации и инстинктивными же способами реагирует на них. Понятие «способ» лучше использовать для описания поведенческого блока инстинкта, а не его образного содержания в лице архетипов. Во-вторых, для того чтобы наши рассуждения были более научными, мы должны иметь четкое определение понимания. Что значит, когда человек заявляет: «Я вас понимаю» или «Я понимаю это явление (закон, поведение и т. п.)»? И в каком смысле понимание может иметь место в инстинктивно-архаических процессах?

Мы полагаем, что в последнем случае имеет место восприятие ситуации, сравнение ее образа с входящими в структуру инстинкта архаическими образами и вывод об их сходстве. Совокупность этих трех процессов и составляет «архетипное понимание», после которого следует соответствующее поведение человека или другого животного. *Это бессознательное понимание.*

В тех же случаях, когда находящийся в сознательном состоянии человек заявляет, что он понимает что-то или кого-то, мы имеем дело с более сложным психическим явлением, возможно, – с более высоким уровнем понимания. Например, когда индивид P_1 сообщает P_2 свою мысль (в виде, например, одного суждения), и P_2 заявляет, что понимает его, то имеет место следующее: 1) восприятие сообщения P_1 ; 2) его соотнесение (сличение) с соответствующими содержаниями своей психики (с теми содержаниями, которые касаются того же предмета, о котором говорит P_1); 3) активизация целого семантического комплекса, связанного с этим предметом (с соответствующим понятием); 4) вывод о понимании, и т. д. Этот процесс в принципе охватывает весь психический континуум человека, даже его самосознание (поскольку он заявляет, что понимает, имеет в виду, что понимает свое «Я»). Архаическое (инстинктивное) же понимание как процесс охватывает только наследственную бессознательную сферу, и только у человека его результат проникает в сферу сознания (осознается).

Отсюда нетрудно заметить, что существуют различные уровни понимания явлений – начиная от простого узнавания («архаического понимания») и до высокого уровня понимания сложнейших явлений с участием высших уровней сознания и самосознания. Раскрытие сущ-

¹⁴⁶ Юнг К. Г. Инстинкт и бессознательное. – В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 68.

ности воспринимаемого явления, которое составляет специфику понимания, свойственно главным образом высшим уровням понимания. Оно выражается в установлении законов и причинно-следственных связей. В архетипном понимании этого, конечно, нет.

Глава 4. Психическая энергия

Предыдущее изложение было основано на неявном допущении существования особой психической субстанции – психической энергии. Однако пора предложить вниманию читателя наши взгляды на проблему психической энергии в явном и, насколько в настоящее время это возможно, систематическом виде.

Фактическим основателем теории психической энергии (или энергетической концепции психической жизни) следует считать Пьера Жане. Этот исследователь считал, что, во-первых, наряду с физической существует также психическая энергия; во-вторых, уровень ясности сознания зависит от ее количества, и ослабление ее притока приводит к «понижению уровня сознания». Для того чтобы отвечать на вызовы внешней среды человеку нужна психическая энергия.

Продолжим обсуждение с рассмотрения нескольких замечаний Карла Юнга по этой проблеме. Отмечу, что понятие психической энергии в психологии, особенно в психоанализе, встречается уже около одного столетия, однако до сих пор нет более или менее обобщенных представлений о том, что это такое, как и где возникает, в каких формах проявляется, как ее измерить и т. п. Настоящая небольшая глава нашей книги написана как попытка внести ясность в некоторые из этих вопросов.

§ 1. Психическая энергия и психофизическое поле

А. Юнговское понимание либидо. – В свое время К. Г. Юнг, в попытке раздвинуть узкие рамки теории З. Фрейда, предложил понимать либидо как вообще *психическую энергию*, а не только как сексуальную энергию (как считал Фрейд). Об этом вопросе Юнг написал книгу «О психической энергии» (1928 г.). Восприняв идеи П. Жане, Юнг в своих трудах неоднократно утверждал, что психическая энергия существует, хотя мы ее точно измерять не умеем.

Мы считаем, что его понимание психической энергии с некоторыми уточнениями можно положить в основу развиваемой нами онтологической психологии. Краткое обсуждение этого важнейшего теоретического вопроса и уточнение нашей позиции мы считаем совершенно необходимым.

К. Г. Юнг понимал либидо как психическую энергию, аналогичную физической энергии, и считал, что оно должно описываться в количественных (а не в качественных) категориях. Эта психическая энергия имеет различные внешние проявления. Отныне, считал Юнг, предметом исследования должны стать не отдельные инстинкты (голод, секс, агрессия и т. п.), а различные внешние проявления психической энергии¹⁴⁷. Затем он более подробно разъясняет свою мысль:

«В физике мы говорим об энергии, которая различным образом явлена, будь то электричество, свет, тепло и т. д. То же в психологии – и здесь мы, прежде всего, имеем дело с энергией (в большей или меньшей степени интенсивности), и формы ее проявления могут быть очень различны. Если мы понимаем либидо как энергию, мы владеем неким единым и цельным знанием о ней. И всякого рода вопросы о природе либидо – сексуальность ли это, воля к власти, голод или что-нибудь еще – отступают на задний план. Я стремился создать в психологии универсальную энергетическую теорию, такую, каковая существует в естественных науках. Эту задачу я ставил перед собою в книге «О психической энергии» (1928). Я показал,

¹⁴⁷ См.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», Львов: «Инициатива», 1998, с. 255–256.

например, что человеческие инстинкты суть различные проявления энергетических процессов, и как силы, они аналогичны теплу, свету и т. д. Так же как современный физик не станет считать источником всех сил, скажем, тепло, так и психолог не должен сводить все к одному понятию, будь то жажда власти или сексуальность. Такова была исходная ошибка Фрейда. Впоследствии он внес некоторые коррективы при помощи термина *Ichtriebe* – инстинктивное Эго). Затем он назвал это *Über Ich* (Супер – Эго) и сделал его главенствующим»¹⁴⁸. (Отметим, что перевод термина *Ichtriebe* неправильный, надо переводить как «влечения Я»). Юнг забывает сказать, что именно ограниченное понимание либидо, предложенное Фрейдом (эта его «ошибка»), позволила ему (Юнгу) предложить более обобщенное понимание либидо в качестве общей психической энергии. Ниже мы, исходя из данного обсуждения, предлагаем новую, более широкую концепцию об основах психической жизни человека.

Юнг был уверен, что психическая энергия существует, но считал, что поскольку ее непосредственно измерить невозможно, то о ней придется говорить в виде *аналогии* с физической энергией.

Мы полагаем, что когда мы узнаем больше о природе психической энергии, то сможем применить также принцип *гомологии*. Здесь же ограничимся тем, что отметим следующее: наше представление о существовании единого психофизического поля создает такую возможность. Но прежде чем перейти к изложению нашей концепции психофизического поля вкратце рассмотрим один более конкретный аспект юнговской теории психической энергии.

Б. Психическая энергия архетипов. – Генерируясь в организме человека, психическая энергия не только обеспечивает его общую активность. Она концентрируется в определенных психических содержаниях и процессах. Такими местами концентрации психической энергии являются, в первую очередь, *архетипы* – те обобщенные образы, которые человек наследует вместе со всей своей бессознательной сферой. Более точно, под архетипом Юнг понимал совокупность психического образа и паттерна поведения. Фактически, создавая представление об архетипах, он попытался создать представление о наследуемых паттернах (устойчивых схемах) поведения. Коллективное бессознательное, по мнению Юнга, состоит из архетипов – типичных образов и паттернов поведения, которые образовались еще в доисторические времена.

Описывая случаи активации архетипов и тех действий, которые человек спонтанно совершает под их влиянием, К. Г. Юнг пришел к совершенно обоснованному заключению о том, что «архетип – это сила». Он обладает автономностью и может внезапно захватывать человека, вызывая у него нечто подобное приступу. Например, любовь с первого взгляда, по его мнению, возникает благодаря тому, что в психике мужчины имеется образ Женщины (Юнг назвал его анимой), и когда появляется реальная женщина, которая наполняет этот архетипический образ, мужчиной внезапно охватывает приступ любви. В таких ситуациях нередко совершаются ошибки, но это уже другое дело. Фактом является то, что даже осознавая допущенную ошибку и желая избавиться от этой женщины, мужчина может не быть в состоянии сделать это без помощи других людей. То же самое можно сказать о женщинах, в психике которых имеется архетипический образ мужчины (анимус), который также заряжен значительным количеством психической энергии.

Но сколько таких архетипов существует у каждого мужчины и у каждой женщины? Если судить по публикациям Юнга и его последователей, у каждого индивида только один подобный образ. Между тем исходя из того, часто встречающегося факта, что каждый человек может влюбляться несколько раз, причем в различных типов представителей противоположного пола, то можно выдвинуть гипотезу, согласно которой у каждого индивида может быть больше одного анимуса или одной анимы (их подтипов). Кроме того, можно предполо-

¹⁴⁸ Юнг К. Г., указ. соч., с. 256.

жить, что существуют мужские и женские расовые и этнические (этноспецифические) архетипы. Но все это пока лишь предварительные гипотезы.

Мы полагаем, что существуют общечеловеческие, этнические и индивидуальные архетипы. В рамках теории психической энергии возникает вопрос: откуда берется та психическая энергия, которой снабжены эти архетипы? Поскольку все архетипы имеют наследственную природу (Юнг также утверждал это, причем с большой убежденностью), то они наследуются не просто как лишенные энергии абстрактные схемы, а как с самого начала полные энергией динамические образования. Мы считаем также, что в определенной степени с самого начала энергетизировано также все бессознательное. Архетипы и их энергия передаются каждому человеку генетическим путем. Это еще раз доказывает, что у каждого человека, осознает он это или не осознает, имеется глубоко укорененный в его психике генетический фатализм, генетическая предопределенность. (О наследственных предпосылках фатализма см в нашей монографии «Психология фатализма»).

Таким образом, архетипы, являясь, образно говоря, сгустками психической энергии, являются также мощными мотивами поведения человека. Их воздействие на поведение человека подспудно, и только время от времени они проявляют себя ярко и мощно (например, в опасных для жизни ситуациях, при влюбленности и т. п.). Энергетическую насыщенность архетипов Юнг проиллюстрировал, в частности, тем фактом, что архетипы и связанные с ними мыслеформы внезапно и как бы без причины появляются в сновидениях, оказывая также влияние на сознательную жизнь людей. И если они появляются внезапно и самостоятельно, то это уже свидетельствует о том, что у них имеется своя психическая энергия¹⁴⁹.

Итак, Юнг считает источником психической энергии бессознательное. Отметив, что человек не способен избавиться от своего бессознательного, лишив его энергии и активности, затем он пишет:

«Но опыт показывает, что бессознательное можно лишить только части своей энергии: оно не прерывает своей активности, ибо не только содержит в себе либидо, но и само является его источником, из которого происходит утечка психических элементов. Поэтому было бы заблуждением считать, будто с помощью какой-то там магической теории или метода можно полностью опустошить бессознательное, выкачав из него либидо, и тем самым как бы устранить его»¹⁵⁰. Это означает, что источником психической энергии Юнг считал инстинкты и архетипы, составляющие содержание коллективного бессознательного.

В. Психическая энергия образов. – Обобщив вышесказанное можно утверждать, что каждый психический образ человека является структурированным «сгустком» определенного количества психической энергии. Об этом также хорошо знал Юнг, который, говоря о фантазиях человека, утверждал, что, во-первых, они – реальность (как и предметы внешнего мира, но они – психическая реальность), во-вторых, что фантазия – это форма энергии, хотя и мы не умеем измерять эту энергию.

Реальными являются также психические события, и когда мы наблюдаем у самих себя поток образов, то тем самым воспринимаем внутренний аспект мира. В той мере, в какой психические процессы имеют место в теле человека, они имеют как психическое, так и телесное (материальное) качество. В психическом мире, по мнению Юнга, как бы открываются другие аспекты мира. И он ссылается на давно известную идею о том, что дух присутствует даже в атомах вещества. Психика – это такое качество, которое проявляется в материи

¹⁴⁹ См.: Юнг К. Г. Подход к бессознательному. – В кн.: Человек и его символы. Под ред. К. Г. Юнга. СПб.: «Б.С.К.», 1996, с. 86.

¹⁵⁰ Юнг К. Г. Отношения между Эго и Бессознательным. – В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 126.

и через материю. Таков факт при непредубежденном восприятии, независимо от того, мы понимаем его, или нет.

Концепция автора настоящей книги по ряду существенных пунктов отличается от концепции Юнга. Мы делаем еще один шаг вглубь материального мира и утверждаем, что существует первичное психофизическое поле, откуда исходят как психическое, так и материальное. Причем мы согласны с тем, что когда из этого первого (или базального) поля выделяются элементарные частицы, они уже несут в себе не только физическую, но и психическую энергию. В этом смысле атомы и элементарные частицы, в особенности лептоны, действительно, несут в себе дух.

Многие вопросы еще предстоит выяснить психологам относительно психической энергии. Является ли психическая (или психофизиологическая) энергия субстанцией психики? Или это особая сила, которая может «войти» в психическое содержание (например, в мотив или в образ, мысль, намерение) или «выходить» из них, увеличивая или уменьшая его активность? Создаются ли психические содержания из этой энергии или же она «безлика», и может активизировать какие угодно психические содержания и процессы, которые возникают другим путем и из другого первичного «материала»? Вот лишь небольшая часть тех вопросов, на которые должна дать ответы будущая теория психической энергии.

§ 2. Психофизическое поле и психическая энергия

А. Теория базисного психофизического поля. – К. Г. Юнг, во всяком случае в тех своих трудах, которые в данный момент находятся в нашем распоряжении, не уточняет, каково соотношение между психической и физической энергией. Простой аналогией здесь не обойтись. Дело в том, что в конкретном организме психическая энергия возникает благодаря принятию пищи и протеканию тех физических и биологических процессов, которые порождают сперва (или одновременно?) физическую, а затем и психическую энергию. Исходя как из этого, так и целого ряда других соображений, автор этих строк еще в начале 80-х годов XX века выдвинул идею о существовании единого психофизического поля, из которого энергия (энергия этого единого поля) может «вытекать» и идти по двум каналам – либо в виде «чисто» физической энергии, либо в виде чисто психической энергии человека, в зависимости от того, какую активность (деятельность, роль и т. д.) он выполняет. Поэтому в основе всего сущего лежит психофизическое поле и психофизическая его энергия, которая проявляется или как преимущественно психическая, или как преимущественно физическая энергия, но чаще всего – в комплексе. Например, в данный момент, когда я пишу эти строки, я мыслю, воспринимаю и т. п. (это проявления психической энергии), но одновременно выполняю сложные движения своей правой рукой, сохраняю позу тела у стола и т. п. (это уже проявления физической энергии) Мы думаем, что и после смерти человека его «Я» (или «дух»), если сохраняется и продолжает свое существование, то может сохраниться в этом мире только как *сгусток психофизической энергии*. Смерть человека есть его возвращение в сферу единого психофизического поля. Но поскольку душа в течение всей жизни человека была структурирована и обладала сознанием и самосознанием, то в сфере психофизического поля она обладает некоторой автономией, может выделяться из него, перемещаться в пространстве и т. п., то есть существовать в промежуточной полосе между базисным психофизическим полем и тем трехмерным (+ время) пространством, в котором протекает земная жизнь человеческих существ. Базальное психофизическое поле вневременное; время, как параметр существования живых существ, их развития или распада, включается, вовлекается как длительность психофизических (психофизиологических) процессов с момента зачатия каждого индивида.

Б. Психическая энергия и ее проекции. – Психическая энергия, появляясь из бессознательных истоков, вызывает у личности различные образы и мысли. Часть из них осознается. Поскольку мы считаем (см. в настоящей книге), что «Я» человека действует как на сознательном, так и на подсознательном уровнях, то часть этой заряженной психической энергией содержаний попадает под власть «Я» и осознается. Так в сфере сознания индивида появляются различные наследственно-бессознательные и вновь осознаваемые образы и их ассоциации. Психическая энергия частично передается «Я», которое и формирует свою Я-концепцию.

Психическая энергия выражается не только с помощью архетипов (т. е. в сцеплении с ними), но и через сексуальную активность, через мотив достижения, мотив власти, через агрессивность и насильственные действия, через конструктивную деятельность, через творчество – в самом широком смысле этого слова.

Мы предполагаем, что когда индивиду удастся освободить энергию, связанную с первичными мифическими и религиозными образами, его «Я» усиливается и получает возможность творческого развития и продуцирования новаторских результатов.

Итак, первичная психическая энергия связана с инстинктами и с их образными компонентами. Но как она превращается в образы богов или воплощается в подобных образах, в виде демонов и т. п.? – Это вопрос, который требует новых исследований.

Исследование природы и истоков психической энергии имеет фундаментальное значение для психологии, поскольку эта проблема касается возникновения психической жизни индивидов и народов. Проблема заключается в следующем: возникает ли психика вновь с каждым индивидом или же дана изначально, в момент зачатия, поскольку существует до индивида? Идея о том, что существует базальное психофизическое поле, делает более вероятным второе решение.

В. Психическая энергия и психическая сила. – Психической силой индивида мы считаем ту порцию психической энергии, которая имеется в распоряжении индивида и может быть использована для осуществления определенной психической работы.

Можно выделить два вида психической силы: 1) актуальная или реальная психическая сила – это та энергия, которой в данный момент реально обладает личность; 2) потенциальная психическая сила: так мы называем то количество психической энергии, которое способно генерировать личность в будущем.

Мы полагаем, что выяснение соотношения энергии и силы в физике поможет нам по аналогии раскрыть также соотношение силы и энергии в психологии.

§ 3. Закон сопряжения и гипотеза о психической энергии

Мы уже показали, что сопряжение психических явлений – это не только реальное явление психической жизни людей: оно имеет многочисленные варианты проявления.

Первый вариант закона – это сопряжение противоположных явлений, как бы двух полюсов: плюс (+) и минус (-). Там, где появляется явление со знаком «плюс», сразу же возникает явление со знаком «минус».

Отсюда можно прийти к выводу, что психические явления вызываются к жизни из энергетического поля, в котором имеется потенциальная возможность порождения как (+), так и (-) – явлений. Это суть проявления психофизического поля в виде психических феноменов. Агрессивность – миролюбие, жестокость – доброта, глупость – ум, несправедливость – справедливость, алчность – умеренность и т. п. – вот часто встречающиеся примеры таких противоположных, но сопряженных психических явлений и качеств. Эти явления одновременно, т. е. сопряженно, появляются как в психике одного человека, так и в межличностных отношениях.

Однако второй вариант закона сопряжения также вполне соответствует гипотезе о психофизическом поле. Данный вариант имеет два подварианта: а) (+) – (+); б) (-) – (-). Это означает, что появление в психике человека положительного явления нередко вызывает к жизни другое положительное явление, а появление отрицательного явления может вызвать другое отрицательное явление. Но второй вариант закона сопряжения более часто и ярко выражается в межличностных отношениях: доброта одного человека чаще всего (с большой вероятностью) вызывает у другого человека доброту, а не злость, жестокость и враждебность. И наоборот, отрицательное явление в психике личности P_1 с большой вероятностью вызывает в психике личности P_2 отрицательное явление (например, агрессия чаще всего вызывает ответную агрессию, а не доброту, симпатию и любовь).

Отсюда можно прийти и к другому важному выводу: закон сопряжения во всех своих вариантах является **вероятностным** законом. Только с помощью тщательных эмпирических исследований станет возможным установить более точные вероятностные связи в различных конкретных случаях. Но в общетеоретическом аспекте важно задумываться над следующим вопросом: почему возникающие из психической энергии явления подчиняются вероятностным (стохастическим) законам, в том числе стохастическим вариантам нашего закона сопряжения, а не строгим детерминистическим законам? (Мы считаем, что психическая жизнь человека подчиняется целому ряду законов, а закон сопряженного развития и существования психических явлений – только один из них, хотя и находится в числе главных). Присущ ли вероятностный характер самому базальному психофизическому полю?

Другой более конкретный вопрос следующий: из-за чего существуют люди и группы, в том числе этносы, у которых отрицательная энергетическая насыщенность активности преобладает над положительной? Нет ли различия между этносами по изначальной заряженности психической энергией – отрицательной (разрушительной) или положительной (конструктивной, творческой), или смешанной (в различных соотношениях положительного и отрицательного зарядов)? Например, почему немцы, турки и ряд других народов более агрессивны и беспощадны, чем многие другие народы? Почему время от времени, до того казалось – бы мирные народы, за короткое время становятся агрессивными и экспансивными? Не зависят ли подобные этнопсихологические явления от флуктуаций первичного психофизического поля, занимающего все окружающее пространство? Почему у активного народа постепенно происходит спад психической энергии, и развиваются всяческие недостатки и пороки, склонность к праздности и пассивному существованию?

Есть такие удивительные явления психической жизни, которые в конечном счете можно объяснить только тем, что индивиды также по-разному связаны с базальным психофизическим полем, откуда все мы черпаем психическую энергию. Тот факт, что имеются сверхэнергичные люди, неутомимые деятели, но есть и с виду вполне здоровые, но ленивые люди, известно всем. Но как объяснить подобное, порою разительное, различие между людьми? В качестве гипотезы можно утверждать, что они по-разному связаны с базальным психофизическим полем и получают («черпают») оттуда различные количества психической энергии. В чем состоит это различие коммуникации между личностью и основами психического бытия (полем) – надо еще выяснить. Но подобное различие того канала, по которому люди получают психическую энергию, приводит к тому, что как по уровню реактивности, так и по уровню активности между людьми имеются существенные, порою огромные различия.

Изучение случаев проявления закона сопряжения приводит нас к почти стопроцентной уверенности в психоэнергетическом характере существования противоположных полюсов психических явлений и к ощущению нашей близости к фундаментам психофизического бытия, законы которого постепенно раскрываются перед нами.

§ 4. Мысли, образы и мотивы – сгустки психической энергии

Мы считаем, что после своей генерации или индуцирования психическая энергия в структуре личности протекает по различным каналам: а) по каналу власти, превращаясь в волю к власти и господству; б) по эмоциональным каналам; в) по каналу двигательной активности, действий; г) по познавательным каналам, порождая восприятия, мысли и образы.

В самом познавательном канале имеются разветвления: энергетизируются восприятия различных модальностей, память, мыслительные процессы, творческие и интуитивные процессы. В частности, психическая энергия порождает много образов и мыслей. Поэтому можно сказать, что каждый психический образ и каждая мысль человека, пока они существуют в психике человека, – это сгустки психической энергии. И в зависимости от того, как они заряжены (со знаком «плюс» или «минус»), они оказывают на их носителя различное влияние. Выражаясь в какой-либо внешней форме (в устной речи, в письменной речи или невербально), они, эти сгустки энергии, могут оказать влияние и на других людей.

Энергетизированные мысли и образы являются средствами внушения и самовнушения. Воздействие этих процессов на людей известно. Мысль может делать человека здоровым и жизнерадостным, но может привести его в уныние, в депрессивное состояние и даже к летальному концу.

Вот о каком реальном случае рассказывает один из авторов: «Несколько лет назад в США в результате недоразумения один рабочий оказался в пятницу вечером запертым в холодильной установке. Ему было ясно, что до понедельника его не обнаружат. От этой мысли он настолько пал духом, что думал только о том, что с минуту на минуту превратится в глыбу льда. С каждым часом силы его слабели, он и не думал бороться за свою жизнь. В отчаянии он написал прощальное письмо своей семье. Когда в понедельник открыли холодильную установку и обнаружили там умершего рабочего, то пришли в крайнее изумление, потому что холодильная установка была отключена. Рабочего в самом прямом смысле слова убили его страхи»¹⁵¹. Отрицательные мысли и самовнушения вызвали страх, т. е. огромное количество отрицательно заряженной психической энергии, от чего человек и умер.

Выше мы сказали, что часть продуцируемой в психике энергии идет по когнитивному каналу, который имеет свои разветвления. Почти прямым доказательством этого утверждения может служить нижеследующий факт, который наблюдается как в повседневной жизни, так и в экспериментальных ситуациях: каким бы раздражителем мы не воздействовали на спящего человека (звуковым, тактильным и т. п.), в его сновидениях, которые уже протекают или вызываются этими раздражителями, они превращаются в основном в зрительные образы (или порождают зрительные образы). Например, направляют на лицо спящего легкую струю холодного воздуха, и он видит во сне, что стоит зима, он идет по дороге и ему в лицо дует холодный снежный ветер. Или называют имя знакомого человека и он видит во сне этого человека, да еще на определенной зрительной сцене. Это означает, что энергия температурных и слуховых каналов превратилась в зрительную психическую энергию, возможно, получая дополнительные порции вновь генерируемой психической энергии.

Поскольку мотивы состоят из мыслей, образов и желаний, то можно утверждать, что каждый мотив также является сгустком психической энергии и таким центром в психике человека, который порождает действия и поступки. Например, определенное желание есть не только образ и мысль, но и энергия. Именно энергия объединяет все составляющие мотива в одно целое.

¹⁵¹ Энкельманн Н.Б. Харизма. М.: АО «Интерэксперт», 2000, с. 190.

Вполне понятно, что энергетический аспект образов, мыслей и мотивов требует новых исследований.

§ 5. Динамика психической энергии (о каналах ее протекания)

А. Основные каналы психической энергии. – Сразу же после своей генерации в психике человека значительная часть психической энергии принимает конкретные формы: власти (и воли к господству), радости и воодушевления, тревоги и страха, мыслей и образов, двигательной активности и т. п. Создается впечатление, что, возникая из единого источника, психическая энергия затем разветвляется и течет по разным каналам внутриспсихической сферы. Один из них – канал «тревога – страх – ужас». (Кстати, теория Плучика (Plutchik) может оказать нам полезную услугу, поскольку показывая нам различные уровни по существу одной и той же эмоции, он ощутил глубокую психическую реальность, а именно: существование эмоциональных каналов протекания определенной части психической энергии. Это позволяет нам развивать новую психодинамическую теорию, более близкую к психической реальности).

Сфера эмоций – это большой канал психической энергии, который разветвляется на более узкие, но взаимосвязанные каналы. Это каналы **фундаментальных эмоций** человека.

Канал власти и господства – второй по ширине канал, по которому почти постоянно протекает определенное количество психической энергии. И здесь властная эмерджентная энергия разветвляется, энергетизируя различные виды господства и социального влияния – политического, экономического, любовного и т. п.

Третий большой канал психической энергии – это **познавательный (когнитивный) канал, канал познавательных процессов**. Вливаясь в этот широкий канал, психическая энергия затем идет по разветвлениям, вызывая ощущения и восприятия, образы памяти, мыслительные процессы, процессы воображения и т. п. Можно предположить, что специализированные центры мозга, в которых локализованы познавательные процессы, эмоции и другие функции, сами независимо психическую энергию не производят и опираются лишь на фоновую энергетическую активность мозга и всего организма, о которой речь пойдет ниже. Эти центры возникли в ответ на необходимость обслуживать различные виды психической энергии. Первичная, еще не успевшая стать специфической, психическая энергия имеет два источника: а) производится в организме, главным образом, в мозгу; б) воспринимается из внешнего мира. Из окружающего мира психическая энергия поступает к человеку из двух источников: а) из фундаментального психофизического поля, в которое мы все погружены и живем; б) от других людей, которые постоянно излучают часть своей психической энергии; характеристики излучаемой человеком психической энергии зависят как от личности в целом, так и от ее настроения, актуальных желаний и намерений, от других мотивов и целей.

Специального исследования требует вопрос о том, каким образом психическая энергия превращается в информацию; в частности, каким образом энергия власти превращается в информацию (и кодируется в виде информации), а затем декодируется в психике человека и понимается, интерпретируется как энергия власти (или просто как власть, господство)?

Самым трудным для теории психической энергии человека является вопрос о том, где конкретно и как производится психическая энергия? Как она индуцируется в людях при взаимодействиях? Если психическая энергия генерируется в мозгу, то где именно, в каких его структурах? Это надо исследовать. Исследования требуют также вопрос о том, чем отличается психическая энергия от физической (например, электромагнитной) энергии и как ее измерить. Мы чувствуем, что познавательные и другие процессы человека бывают энерге-

тизированы в различной степени, что по уровню психологической энергичности люди существенно различаются между собой, но для строгой науки этого недостаточно. Нужны более точные методы прямого измерения количества и других параметров психической энергии.

В свете нашей теории психической энергии мы должны теперь по другому рассматривать многие деяния людей и исторические события. Мы знаем, что страх и паника были причинами поражений больших и сильных армий. В ходе сражения вдруг одно из подразделений охватывает страх, оно поспешно покидает поле боя, чтобы спастись, и все дело потеряно. Для психологии и психоистории особенно интересно следующее: *каким образом энергия отваги и господства так быстротечно превращается в энергию страха?* И как управлять этими процессами по своему усмотрению?

Б. Потребности и желания – стимуляторы генерации психической энергии. – Как только у человека возникает какое-либо желание, у него начинается генерация психической энергии, создавая возможность его осуществления. Но сознательное желание – это одно из выражений работы «Я» и Я-концепции. Поэтому можно предположить, что именно «Я» открывает истоки психической энергии, запускает ее производство. Другое дело, как это конкретно происходит и с помощью каких механизмов.

Желание вызывает процесс целеобразования. Когда цель выбрана, генерация психической энергии еще больше усиливается.

Но потребности и желания при их первоначальном появлении уже заряжены определенной порцией психической энергии. Они могут стимулировать усиление генерации психической энергии. Однако для их появления нужна энергия.

Поэтому мы предлагаем следующую *гипотезу*: у каждого живого человека есть генерируемая *фоновая психическая энергия*. Потребности, желания, мысли и образы, появляясь на этом фоне, затем усиливают генерацию новой энергии и сами же получают определенную ее часть. В связи с введением понятия фоновой психической энергии на мысль приходит идея Г. Селье о том, что каждый живой человек все время переживает минимальный уровень стресса. Теперь мы понимаем, что это не стресс, а фоновая продукция психической энергии.

В. Условия усиления генерации психической энергии. – Такими условиями мы считаем: а) контакты людей – индивидов и групп; б) фрустрация целенаправленных действий людей и групп; в) опасность и необходимость поиска выхода из опасной ситуации. Это означает, что нашу концепцию психической энергии можно использовать в теории фрустрации и психической защиты.

При дальнейшем расширении теории эмерджентной психической энергии следует учесть также то, что Бронислав Малиновский писал об условиях возникновения магии¹⁵².

§ 6. Об источниках психической энергии

Общим решением вопроса о том, откуда берется психическая энергия, может служить следующее утверждение: психофизиологическая энергия либо порождается в клетках организма в результате метаболизма, либо в результате активности нервных клеток (нейронов), либо «всасывается» в организм из окружающего его и проникающего в него психофизического поля. В пределах организма эта энергия становится психофизиологической.

Это общее решение, однако, следует конкретизировать, по крайней мере, следующими путями: а) путем указания тех центров (органов), в которых преимущественно происходит генерация психофизиологической энергии; б) путем конкретизации генераторов психической энергии в собственном смысле слова; в) путем решения вопроса о том, получает ли человек психическую энергию извне, например, от других людей, от психофизического

¹⁵² См.: Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. М.: «Рефл-бук», 1998, с. 79 и далее.

поля, которое проникает в его телесную организацию (мы все погружены в эту первичную стихию).

Здесь, по существу, представлена широкая программа исследований истоков психической энергии. Теперь попытаемся найти более конкретные факты и указания на то, где локализируются и как действуют генераторы психофизиологической энергии человека.

А. Мозговые центры психической энергии. – В принципе все нейроны являются источниками энергии. Но для решения вопроса о специфических центрах, в которых генерируется психическая энергия, следует опираться на результаты исследований нейрофизиологов и психофизиологов.

1) Н. П. Бехтерева с коллегами в 80-е годы XX века, если судить по имеющимся публикациям, открыла специфические нейроны, которые производят энергию. «Мы установили, – сказала она, – что в различных подкорковых структурах мозга существуют группы нервных клеток – нейронов, которые, снабжая энергией «умную» поверхность головного мозга, также сами участвуют в процессах переработки информации. И что особенно важно, эти нейроны не только обеспечивают восприятие физических характеристик сигнала, но и его смысла, значения»¹⁵³.

Это, конечно, новый взгляд на роль подкорковых структур в психической активности человека. Следует уточнить, о каких подкорковых образованиях идет речь. Если речь идет о ретикулярной формации ствола мозга, то активизирующая роль этой формации исследовалась и другими нейрофизиологами и нейропсихологами (Мэгун, Моруцци, Прибрам и др.).

Следует добавить, что значение и смысл кроются не в самих воспринимаемых предметах: значение и смысл приписываются (атрибутируются) предмету самой воспринимающей личностью. Если утверждение Н. Бехтеревой верно, то это значит, что она обнаружила *не просто клетки – генераторы психической энергии, но такие нейроны, которые обеспечивают атрибутивные процессы человека.* (Это новая концепция, которая может быть полезной также в нейрофизиологии и нейропсихологии).

Б. Фоновая психическая энергия и ее источники. – Поскольку в теле человека, в его психическом пространстве, постоянно присутствует определенный уровень психической энергии (как мы это постулировали выше), то этот фон должен иметь свой источник. Поскольку речь идет о психической энергии, то логично искать этот источник (генератор психической энергии) в головном мозгу.

Уточнению и подтверждению этой идеи служат некоторые результаты психофизиологических исследований. Так, установлено: «Нервная ткань спонтанно генерирует электрические потенциалы. Мозг, как и сердце, непрерывно пульсируют»¹⁵⁴. Эта пульсация и порождает фон психической энергии, который, как можно предположить, у каждого индивида имеет свой средний уровень.

Подобная непрерывная пульсация обеспечивается под воздействием спонтанного разряда рецепторов. Р. Гранит в 1955 году показал, что спонтанная активность органов чувств является одним из важных активизаторов или «энергизаторов» мозга. Со своей стороны Прибрам добавляет, что именно на основе такой спонтанной активности мозга и осуществляется нейронное кодирование¹⁵⁵. Иначе говоря, только на основе подобной фоновой активности мозга и продуцирования психической энергии возможны процессы памяти, мышления и переживания.

¹⁵³ «Известия, 11 марта 1988 г.)

¹⁵⁴ Прибрам К. Языки мозга. М.: «Прогресс», 1975. с. 92.

¹⁵⁵ Прибрам К., указ. соч., с. 95.

§ 7. Закон сохранения психической энергии

Закон, о котором здесь говорится, по существу сформулировал еще Юнг, хотя нельзя сказать, чтобы его идеи получили дальнейшее развитие в психологии. Между тем это совершенно необходимо, если мы желаем познать основы и движущие силы психической жизни человека.

Свою идею о сохранении психической энергии Юнг высказал в связи с одним примечательным историческим фактом. В начале XIX века француз Анкетиль Дюперрон оказался в Индии, откуда привез, в своем переводе, собрание 50 упанишад, ознакомив Запад с «ускользающим духом Востока». Историк, отмечает Юнг, может считать чистой случайностью то, что это событие имело место в данное историческое время.

«Однако мой медицинский склад ума, — отмечает Юнг, — мешает мне увидеть в этом простой случай. Все произошло в соответствии с психологическим законом, неизменно действующим на уровне личной жизни: когда что-то важное обесценивается в нашей сознательной жизни и потому безвозвратно погибает, тогда в бессознательном возникает та или иная компенсация. Можно усмотреть в этом законе аналогию с законом сохранения энергии в физическом мире, ибо наши психические процессы также имеют количественный, энергетический аспект. Ни одна психическая величина не может исчезнуть без того, чтобы не быть замещенной другой величиной равной интенсивности. Это фундаментальное правило, которое постоянно подтверждается в каждодневной работе психотерапевта и никогда не обманывает ожиданий»¹⁵⁶.

Это означает, что психическая энергия: 1) является самостоятельно существующим явлением; 2) она может перемещаться, покидая одни психические содержания (образы, мысли, символы и т. д.) и присоединяясь к другим психическим содержаниям, «заряжая» их и способствуя их осознанию.

Однако возникает вопрос: может ли психическая энергия человека превращаться в другие виды энергии, например в тепловую, механическую или электрическую? Мы полагаем, что такая возможность не исключается. Именно поэтому есть потребность в генерации все новых и новых количеств психической энергии. Определенные психические содержания и процессы могут окончательно лишиться психической энергии и даже перестать существовать. Мы полагаем, что именно этим можно объяснить феномен абсолютного забывания определенных наших знаний и впечатлений. Это означает, что в психике человека не все, что потеряно, замещается другими психическими содержаниями, а только часть из них. Кроме того, специального исследования требует сам процесс такой замены.

Согласно Юнгу, законы сохранения психической энергии и замены одних психических содержаний другими верны не только для психики индивида; они верны также для психики (души) народов. Правда, эту идею он, насколько нам известно, не развивает более или менее подробно.

Мы полагаем, что закон сохранения психической энергии и тесно связанный с ним закон замещения одних психических содержаний другими, может оказаться полезным не только в психологии личности и социальной психологии, но также в этнопсихологии.

¹⁵⁶ Юнг К. Г. Духовная проблема современного человека. — В кн.: Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 488).

§ 8. «Психосоциальный барьер» в социальной психологии (об одной полезной аналогии)

В физике существует представление о *потенциальном барьере*, под которым понимают следующее: частица, для того чтобы «оторваться» от той системы, в которой находится, должна обладать необходимым количеством энергии, достаточной для преодоления этого барьера.

В социальной психологии возможен следующий вопрос: для того, чтобы человек смог оторваться от своей референтной группы, ему потребуется определенная психическая энергия, поскольку существует энергетический барьер. Это – энергия связи индивида с группой в целом и с отдельными ее членами. Индивида связывает с группой его статус и та роль, которую он в ней исполняет.

Но как измерить величину барьера (социально-психологического барьера) и величину той энергии, которая необходима индивиду для преодоления этого барьера? И как измерить величину тех сил, которые притягивают такого человека в другие группы.

По аналогии с физикой возникает вопрос: может ли человек, обладающий минимальной энергией, найти «тоннель» и через нее уйти из группы? Другой вопрос: какой энергии больше – той, которая нужна для того, чтобы стать членом группы, или той, которая нужна для преодоления социально-психологического барьера и ухода из нее?

Можно предположить, что, при создании искусственных трудностей инициации, тем самым увеличивается энергия барьера входа и выхода.

Я считаю, что исследование таких конкретных случаев исследования и проявления психической энергии и позволит, в конце концов, найти способы ее измерения. Более того, можно создать методы выхода и входа индивидов в группы и с их помощью исследовать способы такой социально-психологической динамики.

Еще одна проблема: какие мысли и эмоции возникают у людей в процессе входа и выхода из группы? Если материальные частицы в такие моменты, соответственно, поглощают или испускают (излучают) энергию (в виде высокочастотных электромагнитных волн), что «излучает» попадающий в группу человек?

§ 9. Рассуждения о возможности измерения психической энергии

При попытках измерения психической энергии и ее выражения в количественных единицах, по нашему мнению, следует иметь в виду следующие аспекты психических процессов: 1) скорость психических процессов: чем выше скорость психических процессов, тем больше психической энергии расходуется индивидом для их реализации; например, чем больше скорость речи человека, тем больше психической энергии он расходует на нее; 2) чем больший объем психических содержаний одновременно осознает человек, тем больше психической энергии он производит и на это осознание расходует; иначе говоря, чем шире актуальная сфера сознания, тем больше психической энергии она вбирает в себя; 3) чем больше четких психических образов появляется у человека в сновидениях и чем быстрее протекает сновидный процесс, тем больше энергии у него продуцируется и расходует; 4) чем больше интенсивных эмоций переживает человек в психическом процессе, тем больше психической энергии он производит и расходует; 5) реакции человека на внешние воздействия также несут психическую энергию, и потому чем сильнее и быстрее возникают и протекают эти реакции, тем больше психической энергии производит и расходует человек; 6)

воля является механизмом регуляции процессов генерации и особенно расхода психической энергии.

Исходя из этих соображений, психологам предстоит найти единицы измерения психической энергии.

Поможет ли нам в этом деле аналогия с элементарными частицами? В физическом мире энергию относительно легко измерить. Например, энергию электрона измеряют исходя из скорости его движения: чем быстрее движется электрон, тем больше у него энергии. Однако в психологии для измерения психической энергии человека достаточно ли иметь представление о скорости его движения в пространстве? Вряд ли, поскольку скорость движения тела человека обусловлена взаимодействием физической и психической видов энергии, хотя при этом главное физическая энергия. Та психическая энергия, которая одновременно используется в процессе движения человека в пространстве, заключена в его мотивах, мыслях и психических образах, динамика которых приводит в движение его тело. Поэтому физическая активность, в том числе скорость движения тела и его частей в физическом пространстве, лишь намекают на скорость его внутренней психодинамики и на то, сколько психической энергии он расходует для выполнения этой работы.

Но имеется ли прямая связь между расходуемой психической энергией и одновременно с ней расходуемой физической энергией? Мы считаем, что не лишены основания следующие предположения: 1) такая связь есть; 2) но эта связь является не прямой, а нелинейной; 3) психическая энергия у человека одновременно расходуется в различных каналах (протекает по различным каналам), а именно: для осуществления познавательных процессов, для волевых усилий, для переживания эмоциональных состояний, для активизации физической энергии человеческого организма.

Таким образом, мы считаем, что именно психическая энергия чаще всего приводит к генерации в теле человека физической энергии – даже если человек эту связь между двумя видами энергии не осознает. Когда он желает чего-либо, когда он стремится к чему-то, и переходит к реализации своих желаний, то психическая энергия этих желаний у него приводит к генерации физической энергии. Психический «аспект» единого психофизического поля, которое пронизывает все тело человека (или в котором «плавает» тело), оказывает влияние на физический аспект поля, который и приводит в активное состояние те механизмы тела (внутри клеток, в митохондриях и других структурах), которыми и генерируется необходимая для физической работы физическая же энергия.

По-видимому, есть основание для того, чтобы носителей психической энергии искать не просто в первичном психофизическом поле, но также в потенциальном вакууме и в элементарных частицах – электроны, световых квантах, лептонах, кварках и т. п. Следует проверить, работает ли знаменитая формула Эйнштейна, выражающая связь между энергией и массой частицы, и в области психических явлений. Эта формула ($E = p \cdot v$)? где v «ню» – частота светового излучения). Физическая энергия – это в конечном счете энергия квантов (фотонов). Есть ли такие «кирпичики энергии» в психодинамических процессах? Только после нахождения такой единицы мы сможем измерить количество психической энергии, используемое в различных психических процессах.

Глава 5. Сознательный уровень существования психического

В настоящей монографии наша цель – изложить определенную концепцию о структуре психической сферы человека. Для этой цели нет необходимости в изложении всего позитивного научного материала о сознании как об определенном уровне и форме существования психических явлений. Поэтому ниже мы обсудим только некоторые из наиболее принципиальных вопросов психологии сознания. Вместе с тем предлагаются новые идеи о механизмах осознания психических содержаний и других аспектах проблемы сознания.

§ 1. Сознание: общая характеристика и о его мозговом центре

А. Общая характеристика сознания. – Для психологии *сознание* – это высшая сфера психики человека, та, которая открывается перед человеком благодаря процессу *осознания* определенных психических содержаний. Осознать определенный психический образ, мысль, желание или другое психическое содержание или процесс – означает иметь их в данный момент или в небольшом отрезке времени и одновременно знать об этом: переживать и знать, что переживаешь, уметь дать отчет себе и, при необходимости, другим об этом переживании. Если я в настоящий момент воспринимаю определенный предмет и знаю, что воспринимаю данный предмет, тогда можно сказать, что восприятие данного предмета у меня осознано, т. е. является сознательным восприятием. Правда, исследования показывают, что человеком осознается не столько процесс восприятия, сколько его результат, но данный аспект проблемы пока мы рассматривать не будем.

Слово «сознание» содержит смысл «со знанием», например, делать что-либо со знанием, иметь связь со своим знанием, быть со знанием. Например, немецкое слово das Bewusstsein в переводе означает «знание + быть», т. е. быть со знанием. Сходное значение имеет французское слово la conscience. Это означает, что народы, создавая эти слова для обозначения интуитивно ощущаемого и качественно своеобразного психического состояния, уловили, по крайней мере, одну важную особенность сознательного психического состояния, а именно: знание того, что имеешь знание. Если я в данный момент знаю, что имею какие – то знания, то я нахожусь в сознательном состоянии. Со – знание понимается как совокупность, взаимосвязь знаний в психике индивида. Но это фиксация лишь одного, пусть и очень важного, аспекта данного психического состояния. Дело науки – в полной мере раскрыть суть и содержание особого психического состояния бодрствующего человека – сознательного состояния.

Человек осознает не только свои актуальные знания настоящего момента, но и совершаемые действия, мысли, намерения, воспринимаемые образы мира и самого себя, воспроизводимые из памяти воспоминания.

Но что такое знание? Ст. Лем попытался определить это понятие (я думаю, что он сумел «пощупать» определенный аспект феномена «знание», но только лишь определенный аспект) следующим образом: «Знание – это ожидание определенного события после того, как произошли некоторые другие события. Кто не знает ничего, может ожидать всего. Кто знает что-то, тот считает, что может произойти не все, а лишь некоторые явления,

иные же не произойдут. Следовательно, знание – это ограничение разнообразия и оно тем больше, чем меньше неуверенность ожидающего»¹⁵⁷.

Встречается также утверждение, будто «со-знание» означает такое знание, которое приобретается совместно с другими¹⁵⁸. Этой точки зрения придерживаются те авторы, которые желают подчеркнуть социальный характер индивидуального сознания.

В советской психологии при определении соотношения сознания и знания исходили из следующего, действительно интересного высказывания Карла Маркса: «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это – **знание**»¹⁵⁹. Эту идею любил повторять Л. С. Выгодский. И другие авторы считали, что человек обладает сознанием постольку, поскольку он имеет знания. «Именно потому, что человек относится к миру **со знанием**, он обладает **сознанием**. Сознание всегда существует в форме знания. Загадка сознания, поэтому, выступает перед нами как загадка понимания, загадка знания»¹⁶⁰.

Действительно, индивидуальное сознание приобретается в онтогенезе по мере расширения знаний, хотя знание приобретаться и актуально существовать может также подсознательно. Поэтому нельзя сводить сознание к знанию, поскольку в таком случае мы были бы вынуждены свести сознание к подсознательному. И тогда мы не имели бы возможности провести различие между этими двумя уровнями психики.

Психологически более правильно будет решить проблему следующим образом: **индивидуальное сознание выступает посредством знаний; оно есть способ и уровень существования и переживания знаний; знания необходимы для сознания, но недостаточны.**

Выступая с помощью знаний, индивидуальное сознание обладает рядом свойств, которые, безусловно, не могут считаться свойствами знания его обладателя. Речь идет о таких качествах сознания, как его «узость», отношение к миру («Я – не-Я») и др. Об основных свойствах сознания читатель узнает из последующих страниц. Их нельзя считать свойствами знания. Из дальнейшего будет видно, что нельзя сводить сознание к знанию. Кроме того, загадка понимания, в свою очередь, требует изучения мышления, протекающего на различных уровнях психической сферы, т. е. движения и преобразования знаний в психике, психодинамику – в широком смысле этого слова.

Еще одно возможное определение сознания предложил А. Н. Леонтьев. По словам А. Н. Леонтьева, «сознание – рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя»¹⁶¹. Однако вряд ли можно считать правомерным отождествление сознания с рефлексией. Более правильно будет сказать, что рефлексия является аспектом или одним из признаков того, что субъект находится в сознательном состоянии. Вместе с тем рефлексия расширяет сферу сознания и поднимает уровень осознанности психических содержаний. Поэтому рефлексия является одним из важнейших особенностей сознания. Очень важной проблемой психологии можно считать исследование путей порождения в онтогенезе индивидуального сознания и его важнейшей особенности – способности к рефлексии. Какова в этом генетическом процессе роль механизма интериоризации? Почему интериоризация не остается всегда на подсознательном уровне? Можно предположить, что рождение сознания и самосознания обусловлено как особыми потребностями индивида, так и социально-психологическими условиями его психического развития.

Осознать свои психические содержания в определенной мере означает осознать внешний мир, объективную реальность. Поэтому в психологии сознания можно оставить в силе

¹⁵⁷ Лем Ст., Сумма технологии, с. 232.

¹⁵⁸ См.: Философский энциклопедический словарь. Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983, с. 622.

¹⁵⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: «Госполитиздат», 1956, с. 633.

¹⁶⁰ Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. М.: «Политиздат», 1964, с. 16.

¹⁶¹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность, с. 97.

идею С. Л. Рубинштейна о том, что сознание есть «осознание индивидом объективной реальности»¹⁶². Сознание, как знание о чем-то противостоящем субъекту, не совпадает с психическим вообще, оно является результатом длительного онтогенетического развития и опирается на речь (язык) как на инструмент обобщения и объективации психических содержаний. Сознание одновременно содержит отношение к отражаемой объективной реальности.

В каждый небольшой отрезок «настоящего» человек может одновременно осознать лишь небольшой объем своих психических содержаний (ощущений, восприятий, мыслей, воспоминаний, действий и т. д.). Совокупность одновременно (или почти одновременно) осознаваемых психических содержаний составляет *актуальную сферу сознания* психики человека. Содержание сферы сознания может состоять из знаний о природе, обществе и о себе. Но *знания* как психические явления отражают мир, все доступные объекты, своеобразно: субъективный мир сознания (и психики вообще) не есть точная копия мира, он представляет собой переработанный образ. Свет и цвет – психические явления, которым во внешнем мире соответствуют определенные волны – частицы (кванты) и их потоки. Точно так же другие органы чувств, воспринимая воздействия физического и химического характера, превращают их в явления психические.

Одной из самых неопределенных понятий теории уровней психической активности человека является понятие «порог сознания». Это пограничная «линия» между сферой сознания и сферой подсознательного. Это, во-первых, гипотетическое понятие и точно измерить порог сознания вряд ли возможно. Здесь можно предположить наличия какого-то «правила неопределенностей». Во-вторых, это вероятностное (статистическое) понятие. (Можно провести аналогию с порогом ощущения. Кстати, порог ощущения, с нашей точки зрения, – это частный случай, модус порога сознания; специфика порога ощущения состоит в том, что содержаниями сознания являются ощущения).

Б. Центр сознания и тенденция филогенетического развития мозга. – Если принимается точка зрения, согласно которой центром сознания в головном мозгу человека является центрэнцефалическая система, то относительно эволюции мозга можно выдвинуть следующую гипотезу: эволюция мозга, его кортикализация означала увеличение объема и функциональных возможностей тех областей мозга, которые обслуживают сознание. Кора головного мозга, таким образом, является инструментом «в руках» центрэнцефалона и ретикулярной формации.

Отсюда можно прийти к выводу, что сознание и его мозговой центр возникли намного раньше, чем так называемые «высшие отделы мозга» – корковые центры запоминания, речи, счета, предвидения и др.

Эта гипотеза, как я убежден, создает новую точку зрения на когнитивную эволюцию человека и даже этносов. Причем развитие коры головного мозга шло в двух направлениях: 1) количественного увеличения ее массы и поверхности; 2) качественного совершенствования ее внутренней структуры, электрохимических процессов и возможностей установления синаптических связей. Поэтому для успешной работы мозга качество его серого вещества важнее его количества.

Эти изменения привели к увеличению числа тех функций, которые индивид может осуществлять благодаря развитию своего мозга¹⁶³.

¹⁶² См.: Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., Изд-во АН СССР, 1959. Эта мысль встречается и в других работах С.Л.Рубинштейна). При этом С. Л. Рубинштейн опирается на ряд идей немецкого философа Гегеля. (См.: Гегель Г. В. Наука логики, т. 1–3. М., 1970–1972.

¹⁶³ О главных тенденциях развития мозга см.: Шорохова Е.В. Проблема сознания в философии и естествознании, с. 182–183, и др.)

В. Причинная обусловленность сознания. – Философы долго дискутировали вокруг вопроса о существовании и причинной обусловленности сознания¹⁶⁴.

В психологии на современном уровне развития науки рассмотрение проблемы сознания в такой общей форме мы не считаем правильным. Для нас сознание – это высший уровень психической активности и специфическая сфера психики человека. Следовательно необходимо говорить о причинной обусловленности всей психики человека, а в ее составе – ее сознательной сферы.

Психика же обусловлена биологией мозга и всего тела, наследственностью; воздействиями внешней среды; одновременным действием этих двух групп факторов, их взаимодействием с индивидом.

§ 2. К проблеме чужого сознания

Проблема сознания имеет еще один важный аспект, который можно выразить с помощью следующего вопроса: каким образом мы узнаем, что другие люди также обладают сознанием и психикой?

Об этом мы узнаем с помощью нескольких процессов. 1) С помощью механизма *проекции*: имея сознание и разум, мы те же самые особенности и способности приписываем другим, проецируем собственные способности и качества на других людей; здесь, как нетрудно видеть, в первую очередь играет роль механизм *проективной атрибуции*. 2) Но когда мы можем использовать названный механизм? Только в том случае, когда мы с помощью интроспекции и самоотражения узнаем, что сами обладаем сознанием и психическими способностями. Интроспекция, как мы полагаем, предшествует появлению атрибутивной проекции названного типа. 3) О наличии сознания у других людей мы узнаем по целенаправленности их деятельности (хотя только этого недостаточно, поскольку и активность многих животных внешне выглядит вполне целенаправленной; таковы, например, инстинктивные действия животных). 4) Если человек, совершая ошибки в ходе деятельности, начинает исправлять их, то нетрудно понять, что он реагирует на собственное поведение, а следовательно – действует сознательно. 5) О существовании чужого сознания мы узнаем также с помощью механизма *эмпатии* (симпатического сопереживания). При этом происходит *интроекция* чужого сознания (как следствие проективной атрибуции). 6) Поскольку сознательное состояние возможно только при бодрствовании человека, то, исходя из того, что другой бодрствует, мы заключаем, что он находится в сознательном состоянии. Все признаки наличия у человека активной сферы сознания можно искать только в том случае, если он находится в состоянии бодрствования. Но при этом следует иметь в виду (и в повседневной жизни люди это обстоятельство, по-видимому, понимают), что сознание не сводится к бодрствованию, иначе нам пришлось бы каждому бодрствующему животному приписать обладание сознанием.

Обладание сознанием мы приписываем также тем животным, которые по своему анатомическому строению похожи на человека. В условиях Земли это вполне логично, хотя и не обязательно истинно. Однако в других космических цивилизациях разумные и сознательные существа могут иметь совсем другое строение и физико-химический состав. Вообще следует провести различие между всеобщими критериями сознания и «геоцентрическими» его критериями. Не исключено также, что сознание и психика разумных существ других миров, если они существуют, могли бы иметь такие свойства, какими наша психика не обладает. Поэтому следует различить также следующие две стороны обсуждаемой проблемы: а) проблему чужого сознания, т. е. сознания другого человека и б) проблему иного сознания

¹⁶⁴ См. об этом.: Шорохова Е.В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: «Соцэкгиз», 1961.

(иного типа психики и сознания – нечеловеческой в земном понимании этого явления). В психологическом отношении эти проблемы имеют существенные различия.

Итак, проблема чужой психики должна занимать свое место в общей теории психической жизни человека.

§ 3. Процесс осознания психических содержаний

А. Процесс осознания. – *Осознанность* определенного психического содержания (например, мысли или ряда мыслей) является результатом *процесса осознания* – не совсем понятного, но безусловно реально существующего психического процесса. Мы в принципе осознаем каждое психическое явление (образ, мысль и т. п.) постепенно, но данный процесс обычно происходит так быстро, что у нас создается впечатление мгновенности осознания. Мы замечаем на улице человека и сразу же осознаем, что это наш знакомый М. Порою это происходит так быстро, что оставляет впечатление мгновенного акта. Причем в подобных и других случаях осознание объекта выступает слитно с его *пониманием*, что требует от нас исследования также процесса понимания, в том числе понимания осознанного. К этому вопросу мы вернемся позже, а сейчас отметим, что осознание любого психического объекта или процесса есть более или менее длительный процесс. Это ясно видно в тех случаях, когда мы затрудняемся в отражении предмета и осознании того, что он собой представляет (т. е. в идентификации предмета). В подобных случаях мы замечаем, что более или менее полное осознание образа предмета приходит к нам постепенно, как процесс.

Для того, чтобы осознать психические содержания, вполне понятно, что необходимо, чтобы психика человека уже существовала, а в ней – хотя бы минимальное количество психических содержаний (ощущений, образов, мыслей, памяти в целом).

Процесс осознания до некоторой степени удастся непосредственно наблюдать при пробуждении ото сна. Психофизиологической базой осознания психических содержаний является состояние бодрствования, которое является результатом пробуждения. При пробуждении человека у него появляется внимание, которое имеет двойную направленность: как на внешний мир, так и на себя. Сведения о том, что в первую очередь осознает пробуждающийся ото сна человек – внешний мир, или себя (свои ощущения и мысли) – противоречивы. Есть результаты самонаблюдений некоторых лиц, которые свидетельствуют о том, что вначале человек сознательно воспринимает внешний мир: предметы, звуки, запахи и т. п. Внимание и восприятие являются основой осознания, причем при пробуждении внимание вначале является непроизвольным. Непроизвольно, т. е. без намерения, воспринимая внешний мир человек в какой-то момент начинает давать себе отчет о том, что занят восприятием внешнего мира (идуших извне раздражителей – например, стука в дверь, голосов людей, шума автомашин на улице, телефонного звонка и т. п. При этом совершается переход от восприятия с непроизвольным вниманием к восприятию произвольному. Произвольное восприятие – это уже в определенной мере осознанный психический процесс.

Следующий (второй) этап – это уже восприятие самого себя. Мы считаем, что если у человека нет беспокоящих ощущений (например, болевых), то при пробуждении, после первого этапа восприятия «только» (преимущественно) внешнего мира, он начинает воспринимать себя. Вначале, на основе бодрствования и непроизвольного внимания, появляется общее чувство собственного Я, в котором главным компонентом является восприятие физического образа своего тела. Затем, если совершается переход от непроизвольного внимания к произвольному, человек начинает осознавать уже более «психологичные» аспекты своей личности. Он начинает давать себе отчет о том, кто он, где находится, какое время дня, куда предстоит идти, какие имеются планы на начинающийся день и т. п.

Осознание как процесс есть постепенный переход в сферу сознания психических содержаний – новых восприятий, прежних знаний и впечатлений, различных аспектов своей Я-концепции. Но данный процесс управляется из центра Я. Вот почему следует еще раз подчеркнуть, что при переходе от сна к бодрствованию Я и не-Я в принципе возникают одновременно. Но центр личности (Я) обычно вначале осознает внешний мир и лишь с некоторым опозданием – те или иные аспекты своей Я-концепции и других аспектов собственной личности. Когда человек говорит: «Я вижу», «Я хочу» и т. п., то это значит, что он осознает то, что видит, осознает свое желание и т. п. Они у него есть и он знает о них. Осознать что-либо – означает иметь это нечто и знать, что имеешь его.

Б. Знание без сознания. – Но что значит «знать»? Ведь знание бывает не только осознанное, но и подсознательное. *Знать* и *иметь знание* – психологически разные вещи. Слово «знать» подразумевает осознанность какого-либо знания, того обстоятельства, что это знание находится в сфере сознания. В то же время «знание» есть организованная, структурированная информация, которая может осознаваться или находиться в подсознательном. Например, когда человек спит, его знания существуют в подсознательном состоянии.

В отличие от содержаний сферы сознания, которые более или менее четко осознаются, содержания подсознательного непосредственно не осознаны, но они известны человеку и могут осознаваться. О них личность осведомлена, знает, что имеет такие знания, которые в настоящий момент им не осознаются. Такая осведомленность, знание, что знаешь, но не осознаешь, примерно соответствует тому, что имеют в виду англоязычные люди, да и психологи тоже, используя слово «awareness». «To be aware» означает знать, быть осведомленным. Но иногда это слово, как мы ранее уже сказали, используется также в смысле «осознание» или «дать себе отчет». Но это не то, что имеют в виду, когда говорят о сознании (consciousness). Последнее – это сфера сознания, тогда как «awareness» – это по существу то, что мы обозначаем словами «предсознательное знание». Иные толкования этих слов, встречающиеся даже у такого серьезного исследователя, как Р. Орнстейн, создают лишь путаницу¹⁶⁵. Этот автор фактически отождествляет awareness и consciousness, что я считаю крупной ошибкой.

Приведем пример осведомленности без осознания. Человека спрашивают, знает ли он современную физику. «Да, конечно, знаю», – отвечает он. Он, действительно, изучил физику и знает (осведомлен) что знает физику, но в данный момент не осознает это свое обширное знание. Если бы он, желая доказать, что знает физику, начал рассказывать, например, о законах Ньютона или об элементарных частицах, то он стал бы осознавать часть этих своих знаний из области физики. У него возникло бы сознание (consciousness) этих знаний.

Но осознать какое-либо психическое содержание – значит не просто перевести его в сферу сознания (которая во время этого перехода и возникает, если до этого человек ничего не осознавал), но и мыслить, совершить логический вывод. Например, когда человек рассуждает, нередко использует слова «значит», «таким образом» и т. п. ***Мы считаем, что с помощью этих лингвистических средств человек не просто переходит от одного суждения к другому, но и «вытаскивает» из своего подсознательного все новые психические содержания.*** Вывод этот может быть любым – верным или неверным, логическим или психо-логическим и т. п., но он, как мы полагаем, является ***механизмом осознания подсознательных психических содержаний.*** Кстати, мы считаем, что до сих пор процесс осознания психических содержаний фактически не был исследован более или менее конкретно именно по той причине, что психологи не учли следующее: ***необходимо обращать внимание не столько на то, что проникает в сферу сознания, сколько на те механизмы и средства, с помощью которых эти содержания переводятся, «таскаются» в сферу сознания.*** Мы думаем, что вербализованные средства логического вывода (если – то, поэтому,

¹⁶⁵ См.: Ornstein R. The Psychology of Consciousness. New York: Penguin Books, 1986, pp. 65–66.

значит, отсюда вытекает и т. п.) – это конкретные механизмы или средства реализации осознания конкретных психических содержаний, в данном случае – мыслей. Процесс логического или психо-логического вывода – это процесс осознания до того неосознанных психических содержаний. Констатация факта восприятия и вывод – два центральных элемента процесса осознания.

При исследовании процесса осознания психических содержаний – новых восприятий или содержаний памяти – всегда надо иметь в виду, что существуют *уровни осознания*: от смутного (едва заметного) – до отчетливого и ясного. Что это такое, что возникает и добавляется к данному уровню осознания, превращая его в более ясное осознание: мысли ли, понимание ли, или нечто иное? Это вопрос, который требует новых исследований и самонаблюдений. Есть также проблема объема («ширины») сферы сознания человека. Это уже легче понять: чем больше психических содержаний одновременно осознается человеком, тем шире («объемнее») сфера его сознания.

Мы здесь позволяем себе сформулировать два закона. **Закон 1:** величина объема сознания и уровень осознания его содержания (содержимого) находятся в обратно пропорциональных отношениях друг с другом. **Закон 2:** этот закон мы называем *законом синтеза*, имея в виду следующее: чем шире объем сферы сознания, тем легче осуществить синтез ее элементов (образов, мыслей и т. п.), тем продуктивнее творческий процесс. После того, как энное количество элементов сферы сознания (обозначим их $x_1, x_2 \dots x_n$) ассоциируются друг с другом, они получают импульс перемещения в центр сферы сознания, вследствие чего уровень осознанности этих элементов повышается. Подобное новое синтетическое образование становится объектом сознательного внутреннего внимания и анализа. Сфера сознания сужается. Мы полагаем, что новые эмпирические факты подтвердят эту концепцию.

Итак, сознание как осознание противостоящего человеку объективного мира и выражающее отношение человека к этому миру, в конкретном психологическом плане можно определить как *осознание данного психического содержания и результат этого процесса*. Такое определение ценно тем, что подчеркивает возможность осознания уже накопленного в психике человека содержания. Тем самым устанавливается связь между различными уровнями психики, и указывается на характер этой связи (в частности, как перехода подсознательных содержаний в сферу сознания).

Как известно, И. П. Павлов придавал большое значение бессознательному в психической жизни человека и не раз возвращался к проблеме соотношения сознания и бессознательного. По свидетельству Ф. В. Бассина, который специально выделил и исследовал соответствующие отрывки из произведений этого известного физиолога, И. П. Павлов уподобил психолога, ограничивающегося изучением лишь сознательных явлений, человеку, «... идущему в темноте с фонарем, который освещает лишь небольшие участки пути. А с таким фонарем, говорил И. П. Павлов, трудно изучать всю местность»¹⁶⁶. Но такое сравнение по существу идентично с известными аналогиями, которыми пользовался З. Фрейд для образного выражения своей мысли о том, что психические явления в основном бессознательны, а сознательными становятся лишь в частных случаях¹⁶⁷. (Но это верно, конечно, только актуально, а не генетически, поскольку значительная часть содержаний подсознательного накоплена благодаря сознательной активности человека как итог запоминания содержаний его потока сознания). Иначе говоря, и И. П. Павлов, и З. Фрейд по существу исходили из определения сознания как осознания определенных психических содержаний, которые, есте-

¹⁶⁶ См.: Бассин Ф.В. Проблема бессознательного, с. 162.

¹⁶⁷ См.: Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923; его же: Введение в психоанализ. Лекции. М., «Наука», 1989 и др.)

ственно, в каждый данный момент времени составляют только небольшую часть объема подсознательной сферы.

Тот факт, что мы выделили четыре основных уровня психической активности, вовсе не означает, что ими исчерпывается весь спектр вертикальных переходов психических содержаний. Упрощенная схема «сознание – неосознанное», как неоднократно указывалось в психологической литературе, было характерно для раннего психоанализа: либо психическое содержание полностью осознается, либо оно вытеснено в бессознательное и в сфере сознания никак актуально не представлено¹⁶⁸. Это противоречит многочисленным клиническим данным о существовании большого диапазона переходных состояний между ясным сознанием и полным подсознательным существованием психического содержания¹⁶⁹.

Однако для психологической теории особенно важно то, что, например, при интуитивном «озарении» имеется, по крайней мере, три уровня осознания психического содержания. Данное наблюдение имеет принципиальную важность, поскольку относится к нормальной психической активности человека, к таким обычным явлениям, как догадка, предвосхищение и т. п., т. е. ко всем разновидностям интеллектуального интуитивного познания. Хотя клинические данные представляют безусловную ценность для создания общей теории психической активности человека, тем не менее, предпочтительно, во избежание атрибутивных ошибок, где это возможно опираться на факты нормальной психической жизни.

В. Знание, сознание и процесс осознания. – В сфере сознания всегда имеется информация об определенных предметах. Сознание, как мы уже показали, нельзя свести к знанию, как это пытаются делать исходя из структуры слова (со – знание). Сознанию свойственно осознание определенных психических содержаний, в том числе знаний.

Знание – это образ или мысль, или их ассоциации, которые находятся в психике человека, в его памяти и могут участвовать в процессах его дальнейшей психической активности. Имеются различные виды знания, которые можно выделить исходя из различных критериев. 1) По уровню сложности можно выделить: а) отдельные образы, слова или суждения; отдельные символы и т. п.; б) различной сложности ассоциации между элементарными знаниями; имеются иерархии знаний по уровню сложности и структурированности. (Мы полагаем, что следует создать теорию памяти на основе критерия структурированности тех знаний, которые в ней сохраняются). 2) По критерию осознанности – неосознанности можно выделить бессознательные, подсознательные и осознанные знания (последние – это знания «моментально», в психологическом настоящем осознаваемые знания. Эта классификация показывает, что наши знания актуально преимущественно бессознательны или подсознательны. 3) Знание является основой сознания. Но осознание и возникновение сферы сознания являются спорадическими, временными явлениями и связаны с бодрствованием организма и мозга индивида. Нет бодрствования – нет и актуального сознания. Но психика при этом, конечно, не исчезает: она продолжает существовать бессознательно и подсознательно.

Содержание сознания или, вернее, сфера актуального сознания, включает следующие явления: 1) образы предметов, которые возникли у человека в процессе непосредственного восприятия ситуации; 2) воспроизведенные из подсознательной и бессознательной сфер психики образы, мыслей, впечатлений и чувств; 3) имена соответствующих предметов, т. е. соответствующие символы; 4) отношение субъекта к тому предмету, образ которого возник в сфере его сознания. Это может быть осознанием того, что предмет принадлежит ему, а не другому, что он представляет собой ценность или наоборот и т. п. Отношение субъекта к тому, что им осознается, может быть самым различным. Осознание образов предметов тем

¹⁶⁸ См.: Бассин Ф.В., указ. соч., с.164; Rugg H., Imagination. New York, London, 1963 и др.

¹⁶⁹ Психиатры об этом знают очень хорошо. См., например: Портнов А. А., Федотов Д. Д. Психиатрия. М., «Медицина», 1971; Баншиков В.М. и др., Общая психопатология. М., 1971; Меграбян А. А. Теоретические проблемы психопатологии. Ереван, 1967 и др.

ярче, чем более существенные свойства этих предметов раскрываются субъектом. Кроме того, осознание и последующее понимание предметов имеет свои уровни обобщенности того знания, которое касается этих предметов.

Есть разные виды и уровни знания. Знание об определенном предмете может иметь градации – от поверхностного знакомства до глубокого познания его качеств и связей в других предметах. И все эти уровни в разное время могут быть представлены в сфере сознания. Мы можем лишь осознать присутствие определенного предмета, получить поверхностное представление (впечатление) от него, иметь его внешний образ и все это содержание осознать. Но осознание углубляется и расширяется по мере дальнейшего изучения этого предмета, раскрытия его все новых свойств и связей с другими предметами и явлениями. **Понимание** расширяет и углубляет осознание и сферу сознания. Еще У. Джеймс говорил о том, что осознывая предмет, мы чувствуем его сродство с другими предметами, и это чувство сродства является одним из особенностей потока сознания.

На языке современной психологии это означает, что если человек осознает какие-то знания и чувствует их сродство с другими, уже наличными в его психике, но не осознающимися (а лишь чувствующимися), то **подсознательно активизирована более сложная структура, в том числе семантическая система**. Вследствие узости сферы сознания в каждый момент времени может осознаваться только часть этой системы. Но понимание и осознание этой части в значительной мере обеспечивается данным, еще не осознаваемым, психологическим контекстом.

Это особенно четко видно в процессе вербализации психических содержаний на определенном языке. Каждое слово используется в контексте других слов, часть которых будет осознаваться в последующие моменты (в составе потока сознания и, вполне вероятно, в составе предложений). Данное явление в свое время хорошо описал еще У. Джеймс. Он показал, что если человек, хорошо знающий английский и французский языки, начинает говорить по-французски, то «родство» между словами данного языка обеспечивает воспроизведение и осознание все новых французских слов. Появление в этом контексте какого-либо английского слова вызывает удивление. (Это означает, что словарь определенного языка, и связи между ее словами, в психике человека составляют огромную семантическую сеть). Над этим необъятным «морем» поднимается маленькое «озеро» – сфера сознания.

Итак, в чем заключается процесс осознания? Основными характеристиками этого процесса можно считать следующие: 1) это процесс перехода знаний (образов, мыслей и т. п.) из сфер неосознаваемого (бессознательного и подсознательного) в сферу сознания; 2) это одновременно есть процесс порождения актуальной сферы сознания, которая образуется из осознаваемых содержаний; 3) осознание есть все более подробное раскрытие признаков и связей предметов; 4) осознание все больше расширяется и углубляется по мере того, как человеку удастся раскрывать наиболее существенные свойства и связи предметов; 5) на всех своих уровнях осознание психических содержаний осуществляется с помощью языка и речи – слов, суждений, рассуждений и выводов.

Г. Узнавание как процесс осознания. – Исходя из общего определения сознания как такого знания определенных психических содержаний, о знании которых человек дает себе отчет, можно утверждать, что каждый процесс узнавания определенных предметов и ситуаций есть, по существу, процесс осознания узнаваемых психических содержаний (и соответствующих предметов).

Например, когда мы узнаем определенный предмет, то это означает следующее: 1) восприятие этого предмета; 2) активация (актуализация) его уже существующего в психике образа; 3) сравнение этих двух образов – образа восприятия с хранимым в памяти образом; 4) подсознательный логический вывод об их идентичности или сходстве. На последнем этапе процесс узнавания превращается (или переходит) в процесс осознания. Предыдущие три

этапа являются подготовительными. Подсознательный вывод превращается в осознанный процесс.

Поскольку психология уже многое знает об узнавании как одном из процессов памяти, то это знание можно применить в психологии сознания и подсознательного.

Д. Речь и осознание. – Мы обсудили ряд психических механизмов, которые принимают участие в осознании как новых восприятий, так и тех психических содержаний, которые воспроизводятся из бессознательной и подсознательной сфер и проникают в сферу сознания. Важную роль в процессе осознания имеет осмысление психического содержания (например, какого-либо образа). Психический образ приобретает смысл в том случае, когда человек (его носитель) обнаруживает тот объект, отражением которого данный образ является. Другой механизм осознания – это обнаружение причины появления данного образа и соответствующего предмета или явления: почему и как он возник, чем он обусловлен и т. п. Раскрытие всего этого позволяет поднять уровень осознанности психического отражения, делать его более четким и выразить результат в речевой форме – в форме логически приемлемых суждений и умозаключений. Именно поэтому усвоение законов природы расширяет нашу психику и сферу сознания.

Мы уже видели, что одним из мощных механизмов, которыми обеспечивается осознание психических содержаний, является речь. Кроме некоторых специфических случаев (например, сновидения, речи человека в загипнотизированном состоянии и т. д.) речь является преимущественно сознательным процессом и способствует осознанию новых психических содержаний.

Данный процесс – процесс участия речи в осознании психических содержаний – исследовался не только с помощью метода самонаблюдения, но и опытным путем. Интересные исследования проводились на детях, у которых в процессе формирования восприятий речь играет особенно важную роль. Это было показано в исследованиях Д. Г. Эльконина и А. А. Люблинской, а Г. Л. Розенгард-Пупко показал, что осознание восприятия очень способствует формированию ребенком вопроса «что это?»¹⁷⁰. Осознавая образ восприятия, человек с участием речи осознает ту объективную реальность, которая в этом образе отражена.

Даже только обозначение предмета словом, способствует его осознанию. Кроме того, словесное обозначение, а тем более описание, позволяет человеку включить образ этого предмета в систему уже имеющихся у него знаний и, таким образом, понимать его. Там, где есть понимание, имеется также высокий уровень осознания того, что понятно. То, что понятно, осмыслено. Когда человеку удастся дать осмысленный ответ на вопрос о том «что это такое?», то у него уровень осознания поднимается. Когда осмысленность теряется, но образ восприятия сохраняется, то и в таком случае можно утверждать, что уровень осознанности предмета понизился.

Все разновидности речи могут участвовать в осознании образов воспринимаемых в данной ситуации предметов: как внутренняя речь, так и все формы внешней речи. Правда, необходимо провести сравнительное исследование того, какие специфические особенности имеют процесс осознания и его последствия в каждом из этих случаев, а также в тех случаях, когда комплексно используются все виды речи, каждый из которых выступает в качестве механизма осознания воспринятых предметов или воспроизведенных из подсознательного психических содержаний.

Е. Рационализация и ложное осознание собственных психических процессов. – Важным аспектом осознания человеком собственных психических переживаний является раскрытие и понимание причин возникновения этих переживаний. Вполне понятно, что речь идет о подлинных причинах переживаний (образов, мыслей, эмоций и т. п.).

¹⁷⁰ См. об этом: Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: «Соцэкгиз», 1961, с. 313.

Однако мы знаем, что человек нередко дает ложные объяснения своим поступкам или психическим состояниям с помощью рационализаций. Это обстоятельство убедительно доказано различными методами, в том числе с помощью постгипнотических внушений. Ничего не помня о внушении, которому он был подвергнут в гипнотическом состоянии, и теперь совершая внушенные действия, человек отвечает, будто сам «так хотел», «привык действовать таким образом» и т. п. Это рационализации.

Можно ли утверждать, что субъект с помощью таких защитных вербализаций осознал свои поступки? Стали ли его действия после этого сознательными или же это ложное осознание? Нельзя ли утверждать, что во всех подобных случаях, когда человек дает ложные, искусственные объяснения собственным поступкам, атрибутируя им ложные причины, перед нами – ложное состояние сознания?

Ж. Когда считать образ восприятия осознанным? – Образ восприятия определенного предмета можно считать осознанным в том случае, когда имеют место следующие условия: 1) Субъект относит данный образ к тому предмету, воздействие которого действительно вызвал его в своей психике. Это равнозначно открытию подлинной причины возникновения образа; это атрибуция причины. 2) Субъект устанавливает связь между этим образом и другими психическими содержаниями из собственного прошлого опыта. 3) Индивид сумел определить место этого нового знания в системе уже наличного у себя знания. 4) Когда имеет место вербализация образа хотя бы на уровне обозначения этого образа словом, т. е. самой простой его категоризации. 5) Чем больше признаков объекта (и его образа) раскрывается и вербализуется субъектом, тем выше уровень осознания им данного объекта.

Поскольку все эти условия одновременно и в полной мере не могут выполняться, то вполне понятно, что существуют различные уровни осознания человеком своих психических содержаний. Отметим также, что каждый из вышеперечисленных условий требует особого рассмотрения.

§ 4. Перцептивная защита и процесс осознания психических содержаний

Мы видели, что осознание намного более сложный психический процесс, чем можно было бы предположить на основе данных самонаблюдений. В нем участвуют такие механизмы, присутствие которых можно обнаружить только с помощью экспериментальных исследований. Одним из таких механизмов является *механизм отрицания реальности*, который в процессе восприятия внешних объектов выступает в виде такой своей разновидности, которой в психологии дали название *перцептивной защиты*. Выяснилось, что данный механизм оказывает существенное влияние на то, что осознается и как осознается нечто, когда это содержание хорошо воспринимается и осознается и восприятие каких явлений лучше происходит без участия сознания, т. е. на подсознательном уровне.

С этой точки зрения представляют интерес эксперименты Дж. Блюма, проведенные еще в середине XX века. Блюм создал тест для измерения характера психосексуального конфликта индивида. Тест состоял из серии картинок, на которых маленькая собака показана в различных ситуациях. Каждая ситуация изображает потенциальную психосексуальную «чувствительную точку». Например, на одной из сцен Блэки является свидетельством того, как нож падает на хвост другой собаки (кастрационная тревога). На другой картинке Блэки испражняется в домике папы и мамы (анальность); на третьей картинке эта собачка позволяет себе лизать собственные сексуальные органы (мастурбация). В исследованиях Блюма на каждом слайде были четыре картинки, изображающие оральный садизм, мастурбационное чувство вины, оральный эротизм и процесс идентификации (Блэки ворчит на игрушечную собаку). Картинки на слайдах располагались различным образом. От испытуемого требова-

лось показать то расположение картинки, которое выступало наиболее четко. До того, как показать испытуемым эти картинки, психолог предъявил им пару карт Блэки и сам описал сцену (например: «Блэки не может перестать лизать свой сексуальный орган, хотя за это ее ругали»). После этого он просил испытуемых вспомнить аналогичную сцену из своей жизни.

После всего этого испытуемым двумя разными скоростями были предъявлены слайды. В первоначальном исследовании Блюм обнаружил, что испытуемые с большим успехом локализуют конфликтный рисунок при большой скорости экспозиции. Это позволило ему заключить, что *механизм перцептивной защиты действует на высоких уровнях сознания. При медленной экспозиции, когда уровень осознания конфликтной картинки условно выше, защитные процессы препятствуют узнаванию и осознанию по сравнению со случаем быстрой экспозиции.*

Сходные опыты с более совершенной методикой были проведены и другими психологами. Они обнаружили тот же самый эффект: *испытуемые с большим успехом локализовали конфликтную картинку в случае быстротечной экспозиции, когда у испытуемого мало времени для осознания воспринимаемого предмета.*

Э. Сэмпсон, обобщив полученные результаты, называет их особенно заманчивыми, поскольку они свидетельствуют о том, что механизм перцептивной защиты может оказать воздействие на воспринимаемый на сознательном уровне материал, но не оказывает влияния на тот материал, который ускользает от сознания¹⁷¹. Создается впечатление, что при восприятии предмета мы вначале позволяем себе слегка, смутно осознать его и только после этого отказаться от его четкого осознанного восприятия.

Вполне понятно, что данные описанных экспериментов раскрывают новые грани процесса осознания, показывая нам участие в нем нового механизма – перцептивной защиты. Эти же данные интересны и в том отношении, что позволяют видеть то, что происходит на границе между подсознательным (его верхним слоем – предсознательным) и сознанием. Именно на этой границе работает механизм перцептивной защиты, который отбирает то, что может проникнуть дальше в сферу сознания и подниматься на более высокий уровень осознания, и подавляет то, что должно оставаться на подсознательном уровне. Становится более ясной та психическая динамика, которая имеет место между сознанием и подсознанием. Но важно отметить, что сам защитный механизм и процесс его использования не осознаются человеком, который воспринимает внешние предметы или содержания своей памяти¹⁷².

§ 5. Процесс осознания и механизм изоляции

Мы полагаем, что все, что известно психологам о работе механизма изоляции (в психике человека) психических содержаний, их разделении и отторжении друг от друга, имеет отношение к проблеме осознания. Ведь изоляция означает разделение чувств (эмоций) от когнитивного содержания переживания или впечатления и последующее вытеснение чувства из сферы сознания, превращение его в подсознательное содержание; это означает, что теперь уже – если изоляция и подавление действуют успешно – осознаваться может только когнитивное содержание воспоминания (знания и т. п.). Человек может с безразличным видом и тоном голоса рассказать о таких событиях своей жизни, которые в свое время вызвали у него тревогу, страх, презрение, отвращение и другие эмоции. Теперь же эти эмо-

¹⁷¹ См.: Sampson E.E. Social Psychology and Contemporary Society, pp. 158–159.

¹⁷² Об экспериментальном исследовании перцептивной защиты см. также в следующей книге: Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: «Прогресс», 1979, с. 185–191.

ции подавлены, их проникновение в сферу сознания запрещено. Это придает специфичность процессу осознания подобных психических содержаний.

И еще: в результате изоляции разрываются ассоциативные связи неприятного впечатления с предыдущими событиями, в результате чего: а) воспроизводятся только когнитивные содержания вытеснения; б) эти содержания воспроизводятся изолированно, так, как будто ни до, ни после них в жизни индивида ничего не случилось. Но обычно впечатления от этих событий сохраняются в памяти, хотя и не ассоциируются с интересующим нас событием. И это обстоятельство придает специфичность процессу осознания.

§ 6. Какие психические содержания легче осознаются?

Для лучшего понимания процесса осознания психических содержаний необходимо иметь в виду существование и результаты функционирования защитных механизмов вытеснения и подавления.

Вполне понятно, что успешное вытеснение и (или) подавление делают затруднительным или невозможным непосредственное осознание тех неприятных психических содержаний, которые связаны с фрустрациями прошлого и могли бы вызвать новые фрустрации, а вследствие этого – вытеснение. Однако еще З. Фрейд указал на то, что, во-первых, вытесненное содержание динамично и создает свои дериваты; во-вторых, эти дериваты могут проникать в сферу сознания, причем тем успешнее, чем дальше стоят от того, что было подавлено¹⁷³.

Эта мысль нам представляется важной как для понимания процесса осознания, так и динамики континуума подсознательное – сознание. Фрейд полагал, что сопротивление сознания этим дериватам инстинкта обратно пропорционально их удаленности от того, что первоначально было подавлено. В ходе психоанализа Фрейд требовал, чтобы пациент производил такие дериваты вытесненного, которые вследствие своей удаленности или искаженности могут проникать сквозь цензуру сознания. **Он полагал, что свободные ассоциации, которые создает пациент, носят именно такой характер.** Пациент «плетет» много таких ассоциаций, пока не доходит до такой мысли, отношение которой к вытесненному действует так интенсивно, что он вынужден повторить попытку вытеснения. Возникает проблема: касается ли это тех свободных ассоциаций, которые возникают в творческом процессе? И в принципе эти идеи следует использовать для дальнейшего развития теории сублимации, таланта и гениальности.

Невротические симптомы ведут себя точно так же, поскольку они являются дериватами вытесненного, которое с их помощью косвенно проникает в сферу сознания.

Фрейд считал, что нет общего правила, которое бы указывало на степень искажения и удаленности, необходимых для того, чтобы сопротивление сознания было отменено. Здесь имеется тонкий баланс, игра которого скрыта от нас. Он полагал, что вопрос сводится к определенному уровню интенсивности катексиса бессознательного, при превышении которого он будет прорываться к удовлетворению. Вытеснение в каждом случае действует в высшей степени специфично. Каждый отдельный дериват вытесненного может иметь свою особую судьбу: чуть больше или меньше искажения, и картина сильно меняется.

Исходя из этого, Фрейд высказал спорное утверждение, будто те объекты, которым человек дает предпочтение (это его идеалы) имеют своим источником те же восприятия и переживания, как и те, которые наиболее отвратительны для него. Вначале они отличаются друг от друга лишь легкими модификациями. Возможно также (как и в случае фетишей) раз-

¹⁷³ См.: Freud S. The Metapsychology of Instincts, Repression and the Unconscious. – «Theories of Psychopathology», Ed. by Theodore Millon. Philadelphia and London, 1967, p. 147.

деление оригинального представления инстинкта на две составляющие, одна часть которого подвергается вытеснению, а другая (находясь в подобной связи с первой) идеализируется.

Такие же результаты – как следствие усиления или ослабления искажения – могут быть достигнуты в результате изменения условий получения удовольствия или «боли». Развиваются специальные инструменты для включения таких изменений в игру психических сил. И то, что обычно причиняет «боль», может привести к удовольствию, и когда такое средство начинает действовать, вытеснение преодолевается. Фрейд отмечает, что из этих средств подробно изучена только шутка.

Но в принципе снятие вытеснения является лишь временным: оно немедленно восстанавливается.

§ 7. Противоположность осознания – контросознание

А. Основные способы контр-осознания. – Контросознание или деосознание – так мы называем процесс, противоположный осознанию. Это переход осознанных психических содержаний из сферы сознания в подсознательное. Этот процесс происходит несколькими способами: 1) путем смены содержаний сферы сознания в результате того, что одни восприятия следуют за другими, а сфера сознания узка, она не может расширяться вне определенных рамок; 2) в результате вытеснения, т. е. подсознательного вынесения, выталкивания из сферы сознания нежелательных, неприятных влечений, впечатлений и мыслей и других фрустраторов; 3) в результате подавления, т. е. сознательного, произвольного вытеснения, выталкивания из сферы сознания нежелательных психических содержаний. Здесь уже, безусловно, принимает участие самосознание: Я не желает вспоминать и осознавать что-либо, и я сознательно исключаю их из сферы моего сознания, сменяя это содержание другим; 4) наконец, может иметь место более сложный случай, при котором одновременно используются все три способа освобождения сознания от нежелательных содержаний.

Б. Ассоциативное контросознание или забывание. – Психические содержания, в том числе неприятные, обычно составляют ассоциативные цепи и гештальты. Мы знаем также, что когда пытаемся осознать какие-то содержания нашей памяти, то осознание одного звена (образа, мысли) приводит к осознанию остальных звеньев.

Мы утверждаем, что существует также обратный процесс: когда вытесняется или подавляется одно звено ассоциативной цепи, оно тянет за собой в сферу подсознательного остальные звенья этой цепи. Эта закономерность забывания или контросознания имеет различные частные случаи. Мы выделяем два главных случая или пути. 1) **Первый путь:** у каждого человека имеются вытесненные из сферы сознания психические содержания; такие содержания начинают образоваться еще в детстве. Мы утверждаем, что подобные вытесненные в прошлом психические содержания из сферы подсознательного притягивают к себе часть тех новых содержаний (восприятий и т. п.), которые появляются в сфере сознания. Новые содержания, ассоциируясь со старыми вытесненными содержаниями, исчезают в подсознательной сфере – надолго или временно.

2) **Второй путь:** какое-либо психическое содержание, состоящее из разных «звеньев», вызывает фрустрацию, поэтому индивид вытесняет или подавляет его. Мы предполагаем, что вытеснение или подавление одного звена этой цепи может привести к ассоциативному вытеснению остальных. Образно говоря, то звено, которое уже находится в подсознательном, тянет за собой остальные звенья, и вся цепь переходит в подсознательное, становится относительно забытым.

Из теории психологической самозащиты мы знаем, что таким образом могут вытесняться не только психические образы, слова и словесные выражения, но и влечения, чувства и эмоции, например, такие, как чувство вины, стыда и т. п. Причем здесь мы пред-

полагаем существование двух этапов вытеснения (контросознания, деосознания): вначале, на первом этапе, из сферы сознания выводятся когнитивные содержания (мысли, образы, слова), и затем – на втором этапе – те чувства, которые были связаны с ними. Причем нередко имеет место неполное вытеснение: когнитивные содержания уже вытеснены, а эмоции остались. Например, если человек переживает тревогу или чувство вины, но не знает почему, следует предположить, что соответствующие этим эмоциям познавательные содержания уже вытеснены, они существуют на подсознательном уровне, но активны, поскольку иначе не вызвали бы такие эмоциональные переживания.

Для полного освобождения от фрустрации человек нуждается в том, чтобы вытеснить и эти эмоции. Поэтому обычно после первого этапа вытеснения (или подавления) наступает второй этап.

Когда такие комплексы психических содержаний полностью переведены в подсознательную сферу, но находятся в динамическом состоянии, они могут порождать различные вторичные образования (дериваты) и выражения таким косвенным способом, обходными путями. Такими дериватами считаются различные склонности, фобии и другие психические явления, не говоря уже о сновидениях.

Проблемой дериватов вытесненных психических содержаний, как известно, много занимались психоаналитики. Однако в настоящее время знания об этих явлениях составляют часть психологии личности вне зависимости от тех теоретических рамок, в которых традиционно они исследовались¹⁷⁴.

Когда вытесняется чувство вины, то и оно может найти выражение в виде дериватов. Например, если мальчик занимается мастурбацией, то в процессе мастурбации он не переживает чувство вины. Это чувство и «угрызения совести» наступают после окончания действия. Постоянно вытесняя подобные чувства, мальчик может приобрести привычку часто помыть руки, которые ему кажутся «грязными». Следовательно, этот симптом (и аналогичные патологические симптомы) могут служить признаком того, что у данного лица имеются вытесненные комплексы и что они, по-видимому, совершают некоторые интимные действия, тщательно скрываемые от других.

§ 8. Бодрствование и сознание

Состояние сознания, т. е. наличие и активность сферы сознания, возможно только тогда, когда человек бодрствует. Два главных психофизиологических состояния организма – это *сон* и *бодрствование*. Мы уже показали, что во время сна в психике человека происходят только бессознательные и подсознательные психические процессы. Состояние сна, в свою очередь, имеет свои уровни (фазы), из которых в данном контексте необходимо знать о двух: сон без сновидений (т. н. «медленный сон») и сон со сновидениями (т. н. «быстрый» или «парадоксальный» сон). Существуют определенные закономерности перехода от сна к бодрствованию и обратно. В связи с проблемой сознания важно знать, что осознание психических явлений и процессов возможно лишь при (хотя бы) минимальном уровне бодрствования. Как психофизиологическое состояние бодрствование существенно отличается от состояния сна. (Подробности см. в нашей уже упомянутой монографии «Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях»). В процессе просыпания сфера сознания индивида возникает и расширяется. При засыпании же она постепенно сужается и, в конце концов, наступает момент, когда сознание полностью «отключается» (сфера сознания исчезает). Человек полностью переходит в бессознательно-подсознательное состояние.

¹⁷⁴ См.: Janis I.L. a.o. Personality. Dynamics, development, and assessment. New York, 1969 и др.

В течение дня сфера сознания бодрствующего человека то расширяется, то сужается, но в принципе всегда остается узкой. Что означает такая «узость сознания»? Это означает, что человек одновременно осознает только ограниченный объем психических содержаний. Но эта узкая сфера психики, как уже сказано, может «пульсировать», т. е. то расширяться, то суживаться в зависимости от того, на что человек обращает внимание, что его интересует.

Сфера сознания – это сумма одновременно осознаваемых восприятий, осуществляемых одновременно всеми органами чувств человека, а также актуально воспроизведенных из долговременной памяти воспоминаний. Но главную роль в образовании сферы актуального сознания играют зрение и слух. Часть восприятий этих модальностей отличается большей четкостью и подробностью, другая часть – менее четкая, и, наконец, есть едва заметная, тусклая периферия сознания. Образы и мысли, которые занимают центр сферы сознания, осознаются лучше, чем те, которые находятся на периферии. Таково, например, осознаваемое нами зрительное поле, центр которого осознается четче (он значительно светлее), а края – хуже. На зрительное осознаваемое поле налагаются восприятия других модальностей, в результате чего получается сложная по содержанию и структуре сфера сознания. В этой сфере устанавливаются межмодальные ассоциации образов и другие связи, которые составляют часть сложной структуры сферы сознания.

Из сказанного вполне понятно, что осознанное состояние психических содержаний связано с вниманием. Сознательное внимание – неотъемлемый аспект сознательного состояния, т. е. наличия и активности сферы сознания.

§ 9. «Поток сознания» и «поток психики»

А. Важная дифференциация. – Человек живет в четырехмерном физическом пространстве, четвертым измерением которого является время. Все психические процессы, как осознаваемые, так и неосознаваемые, происходят во времени. В принципе психическая жизнь человека непрерывна в течение всей его жизни, начиная с внутриутробного развития и до конца фазы клинической смерти.

Исходя из этого, мы можем говорить о существовании *потока психики* во времени. Психические процессы и их содержания все время находятся в динамическом состоянии независимо от того, спит человек или бодрствует. Поток психики прерывается только со смертью человека. Поток психики состоит из многообразных бессознательных, подсознательных, сознательных (а также «самосознательных») инстинктивных, познавательных, волевых, эмоциональных и других процессов и состояний. Иначе говоря, поток психики представляет собой непрерывное чередование «горизонтальной» триединой структуры («ситуация – психическое состояние – поведение»), три элемента которой в принципе всегда охватывают всю глубину вертикальной структуры психики и в каждый следующий момент отличаются от своего содержания и микроструктуры предыдущего момента.

Что касается *потока сознания* (данный термин впервые в психологии использовал У. Джеймс¹⁷⁵), то он протекает лишь на фоне бодрствования, поэтому имеет прерывистый характер. У спящего человека имеется поток психики, но нет потока сознания, то есть верхнего, осознанного слоя этого потока. Поток сознания есть не что иное, как непрерывный ряд состояний сферы сознания. Иначе говоря, это последовательность осознаваемых содержаний психики, которые, конечно, в процессе реальной жизнедеятельности человека претерпевают изменения. Достаточно следить за своими собственными восприятиями, когда вы идете по улице и поочередно смотрите на новые дома, все новых людей, проносящихся мимо автомашин и т. п. Вы с той или иной длительностью осознаете их, образы одних предметов

¹⁷⁵ См.: Джеймс У. Психология. СПб., 1905)

покидают сферу вашего сознания, а вместо них появляются новые. Все увиденное и услышанное мы переживаем, поэтому, возможно, было бы лучше говорить о *потоке осознаваемых переживаний человека*. Одновременно в психике человека протекают бессознательные и подсознательные процессы, которые взаимодействуют с осознаваемым потоком.

Куда исчезают содержания сферы сознания, образующие поток сознания? Когда содержание C_1 сферы сознания, занимая эту сферу в течение короткого временного интервала $t_1 - t_0$, заменяется содержанием C_2 , который там остается в течение малого интервала времени $t_2 - t_1$, то в это время содержание C_1 переходит в подсознательную сферу психики. Это естественное вытеснение прежнего содержания со стороны нового содержания сферы сознания, которое, в свою очередь, будет вытесняться содержанием C_3 и т. д. Дальнейшая судьба этих психических содержаний – отдельный вопрос, к которому в настоящей книге мы еще вернемся. Пока же отметим, что, согласно данным некоторых исследований и клинических наблюдений, значительная часть потока сознания может сохраниться в долговременной памяти человека и в определенных условиях даже воспроизводиться.

Б. Скорость потока сознания. – Скорость или быстрота сознания – это та скорость, с которой у человека сменяются те состояния сознания, из которых складывается поток сознания. За единицу времени через сферу сознания человека, в различные отрезки времени и в различных ситуациях, протекают различные объемы психических содержаний. Это означает, что как психические процессы вообще, так и поток сознания, могут ускоряться и замедляться как в зависимости от состояния человека, так и от его мотивации, характера решаемых адаптивных задач и от внешних ситуаций, например, от ожиданий других людей. Если нам необходимо мыслить быстро, решить задачу в течение определенного отрезка времени, то у нас психические процессы, в том числе поток сознания, ускоряются.

Скорость, темп потока сознания, различны также у разных людей. Давно известны быстро и медленно мыслящие, запоминающие, вспоминающие и т. п. люди. У одних время реакции (в том числе психических, осознанных ответов) на внешние стимулы короткое, у других – более длительное.

Скорость психических процессов зависит также от уровня сложности задачи. Если, например, от человека требуется воспринять какой-то сигнал и ответить простым движением, то он может отвечать очень быстро. Но когда одновременно требуется описать воспринимаемое (увиденное, услышанное и т. п.) словами, скорость реакции уменьшается. Хотя следует сказать, что скорость речи также может быть достаточно высокой.

Каждый природный процесс имеет свою скорость. То же самое касается психических процессов. При их исследовании мы всегда должны учитывать и, если возможно, измерять параметр времени.

Скорость психического процесса тесно связана с количеством той психической энергии, которой снабжается данный процесс. Можно утверждать, что чем большей энергией обладает психический процесс (в данном случае – весь поток сознания), тем быстрее он протекает. От этой общей закономерности могут быть отклонения, но в целом, как я думаю, она верна. Психическая энергия не может долго оставаться привязанной к одному и тому же психическому объекту (мотиву, образу, цели и т. п.): такая персеверация, по-видимому, имеет место в патологических случаях переживания и мышления. Психическая жизнь нормальных людей протекает более гибко, динамично. Человек может произвольно привязывать свою психическую энергию к тем или иным задачам, мотивам, целям, переживаниям и другим содержаниям психики. Это является выражением контроля «Я» над собственной психической энергией, власть над ней. Каким образом реализуется подобная власть – это также важная психологическая проблема.

§ 10. Обсуждение концепции У. Джеймса о потоке сознания

Во второй половине XIX века к уже существующим представлениям о сознании была добавлена новая идея – о существовании потока сознания во времени. Это – последовательность психических состояний и процессов. Как мы увидим ниже, эту концепцию подробно разработал У. Джеймс. Но впервые с идеей о потоке сознания мы встречаемся в публикациях В. Вундта и Э. Титченера¹⁷⁶. Здесь отметим еще и то, что уже в конце девятнадцатого века появляются такие важные понятия психологической теории сознания, как «поле» или «сфера сознания», «ширина сознания», «узость сознания», «скорость сознательных процессов» (быстрота, медлительность), «интенсивность сознания» и другие, которые, как мы думаем, с полным правом можно использовать и в наши дни.

У. Джеймс считал, что существуют только *личные сознания* (сегодня мы бы сказали: *личные психики*) – мое, твое, его и т. п. В каждый данный момент у человека имеется определенное *состояние сознания*. Подобные состояния сменяются во времени, и образуется *поток (река) сознания*.

В каждом состоянии сознания личности имеются мысли. Если рядом друг с другом находятся несколько человек, то у них протекают отдельные потоки сознания, между которыми нет непосредственного обмена содержаниями. Каждая мысль есть чья-то мысль. Мысль одного человека не может стать непосредственным объектом сознания другого человека. «Абсолютная разобщенность сознаний, не поддающийся объединению плюрализм составляют психологический закон», – писал У. Джеймс. Человеку непосредственно даны только состояния его сознания.

Состояния сознания непрерывно чередуются, и ни одно из них не может снова возникнуть и повториться. (Вспомним изречение Демокрита о том, что в одну и ту же реку два раза войти невозможно!). В сознании человека с течением времени все меняется: ощущения, образы, мысли, переживания. Даже ощущения, получаемые от одного и того же предмета, в разные моменты времени неодинаковы. Одинаковы, тождественны объекты, считал Джеймс, а не ощущения, получаемые от них. Ощущения и мысли меняются также с возрастом, в зависимости от уровня бодрствования и от других факторов.

Непрерывность сознательных состояний означает, во-первых, их взаимосвязь; во-вторых, – их принадлежность одной и той же личности.

Поток сознания может прерваться, согласно Джеймсу, только в двух случаях: а) когда сознание временно отсутствует (например, когда человек спит); б) когда содержание сознания резко меняется таким образом, что между предыдущим и настоящим содержанием нет никакого отношения.

Когда люди просыпаются, у каждого из них возобновляется связь между настоящим и прошлым состояниями. Настоящее вступает в связь с прошлым (прошедшим). Если одновременно просыпаются два человека, то каждый восстанавливает свой поток сознания, и эти два потока независимы друг от друга. Первый из них непосредственно осознает свои состояния. Но о состояниях второго (о потоке его сознания) он может только вообразить и делать предположения. Второй, в свою очередь, осознает свои состояния, а вот о состояниях первого индивида только может строить предположения. Для каждого из них подлинной психической реальностью является лишь собственная психическая жизнь, свое прошлое и настоящее.

¹⁷⁶ См.: Титченер Э. Б. Учебник психологии. Ч.1, М., 1914, с. 13–14. Эти проблемы упоминаются также в других работах. См.: Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: «Соцэкгиз», 1961, с. 234–237.

Связаны ли между собой следующие друг за другом состояния сознания? Мы думаем, что они, безусловно, взаимосвязаны. Но в этом вопросе У. Джеймс имел несколько иную точку зрения. Он писал: «В сознании нет связок, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафору «река» или «поток». Говоря о нем ниже, будем придерживаться термина «поток сознания» (мысли или субъективной жизни)»¹⁷⁷. Означает ли непрерывность потока сознания, что между его отдельными следующими друг за другом состояниями нет связи? Мы полагаем, что тут Джеймс ошибся. Например, если человек в течение 30 минут решает одну задачу, есть ли связь между состоянием его сознания в различные моменты времени? Безусловно, такие связи есть. Более того, взаимосвязаны также содержания каждого состояния сознания (например, в структуре целостных образов, которые время от времени заполняют всю сферу сознания).

Каждое актуальное состояние сознания детерминировано как предшествующими состояниями, так и физиологическими состояниями организма и внешними воздействиями. ***Собственно психическая детерминация так же реальна, как и внешняя и физиологическая.*** Длительно сохраняющиеся и осознаваемые настроения – также убедительные свидетельства в пользу нашей точки зрения.

О скорости потока сознания. У Джеймса отметил важный психологический факт: скорость потока сознания изменчива. «Если мы бросим общий взгляд на удивительный поток нашего сознания, то, прежде всего, нас поразит различная скорость течения в отдельных частях. Сознание подобно жизни птицы, которая то сидит на месте, то летает. Ритм языка отметил эту черту сознания тем, что каждую мысль облек в форму предложения, а предложение развил в форму периода»¹⁷⁸.

«Остановочные пункты» сознания обычно заняты чувственными восприятиями. (Это уже ошибка: ведь и новые восприятия вовлекаются в поток сознания. Нельзя сказать, что поток сознания состоит только из тех психических содержаний, которые воспроизводятся из подсознательного). Это верно, что человек может неопределенно долго созерцать определенные образы предметов, это верно. Но современные исследования показывают, что эти пристально наблюдаемые образы все же являются динамическими, в них проникают «осколки» других образов, мыслей, отдельные слова и фразы и т. п. Поэтому восприятия не прерывают полностью поток сознания, а становятся частью его содержания.

«Переходные промежутки», согласно У. Джеймсу, «заняты мыслями об отношениях статических и динамических, которые мы устанавливаем между объектами, воспринятыми в состоянии относительного покоя» (Там же).

Итак, устойчивые и изменчивые части потока сознания следуют друг за другом и в них скорости психических процессов различны.

Нетрудно понять, что мы можем, в определенной мере произвольно, менять скорость потока сознания. Например, если мне нужно пристально и долго наблюдать определенный объект, то я это делаю, стремясь максимально ограничить получение иных впечатлений. Содержание сферы сознания в определенной мере стабилизируется.

Ритм речи действительно может быть важным индикатором скорости потока психики и, в частности, потока сознания. Мы говорим о потоке психики потому, что порождение речи – это в основном подсознательный процесс: в сфере сознания появляются лишь результаты этих процессов в виде предложений, рассуждений, умозаключений. Даже в письменной речи скорость потока сознания отражается. Читая одни тексты, мы получаем впечатление стремительности стиля (или хода мысли), читая иные тексты, мы чувствуем, что авторы были «медленно мыслящими» людьми, иногда даже тугодумами. Например, автору этих строк

¹⁷⁷ Джеймс У. Психология. М., «Педагогика», 1991, с. 56–80.

¹⁷⁸ Джеймс У. Психология. М., «Педагогика», 1991.

не очень импонирует И. Кант, поскольку темп его речи замедлен. Читая его труды, получаешь представление, с каким трудом он связывал друг с другом разрозненные наблюдения и мысли. Совсем иное впечатление оставляет чтение Ф. Ницше или Б. Рассела.

Скорости потока психики, сознания и подсознательного могут быть различными в бодрствующем состоянии и во сне (в сновидениях) и тогда, когда человек находится в сознательном состоянии. Ряд таких вопросов мы обсудили в другой работе¹⁷⁹.

§ 11. «Психологическое настоящее» в потоке сознания

Поток сознания, как мы видели, складывается из непрерывного ряда сознательных состояний, т. е. совокупностей осознанных психических содержаний. Каждое такое сознательное состояние – это т. н. *психологическое настоящее*, или, вернее, его ядро, поскольку вокруг этого наиболее ясно и четко осознаваемого центра простирается целая сфера менее четко осознаваемых содержаний – вплоть до порога сознания и подсознательного.

Выделение психологического настоящего и его разграничение от других понятий «настоящего» нам представляется полезным для теории психической жизни. Если для историка настоящее – это более длительные сроки (когда, например, говорят о том, что в настоящее время происходят важные события), то для психолога настоящее – это тот краткий отрезок времени, в течение которого осознается определенное психическое содержание. Смена этого содержания другим означает, что наступает новое психологическое настоящее. Причем это не мгновение, как можно было бы предположить. Некоторые психологи считают, что длительность психологического настоящего составляет от 2 до 12 секунд. Эта длительность определяется тем, что сознательное восприятие требует определенного времени. Одновременно с осознаваемыми содержаниями и психическими процессами в течение того же отрезка времени происходит множество других полусознательных и подсознательных процессов.

Сознание наполнено образами хорошо организованных объектов, событиями и символами. Содержания сознания чередуются, и мы в каждый момент времени осознаем лишь определенные содержания. В сфере сознания чередуются не отдельные дискретные картинки, а состояния, непрерывные образы ситуаций. В сфере сознания представлены также отношения: мы все время рассуждаем о том, что хорошо и что плохо, что больше и что меньше, что происходило раньше и что – позже и т. п. В таких случаях речь идет об отношениях объектов восприятия и осознания.

Сознание обладает также важнейшим свойством – селективностью (избирательностью). Выбирается то, что осознается. Выбираются действия, восприятия и мысли. Примером выборочности сознания является тенденция структурирования воспринимаемого (например, при применении проективных тестов психика структурирует неструктурированные или плохо структурированные объекты).

«Настоящее» для нас, имеющее место «здесь и сейчас», есть то, что охватывается сознательным вниманием. ***Это не точка, а пространственно-временной интервал, заполненный психическими переживаниями.***

При определении психологического настоящего и его соотношений с другими сферами психики следует помнить также замечание У. Джеймса о том, что внимание не только выбирает, но и подавляет. Когда мы выбираем одну линию рассуждения, то одновременно подавляем оставшиеся альтернативы. Когда мы вспоминаем один эпизод, то не можем одновременно вспоминать другие. Совокупность символов и чувств, потенциально доступных сознанию, но временно неосознаваемых, составляют подсознательную психику. Ее суще-

¹⁷⁹ См.: Налчаджян А. А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. М., СПб., «Питер», 2004.

ствование доказывает, что психику нельзя свести к сознанию. Вполне понятно также и то, что не все психическое доступно для наблюдения «внутренним глазом», т. е. интроспективно.

По обе стороны психологического настоящего простираются психологическое прошлое и психологическое (предвидимое) будущее.

Мы полагаем, что эти идеи можно плодотворно разработать на основе новейших данных когнитивной психологии¹⁸⁰.

§ 12. Сознание и объективация

А. Проблема. – Сознание человека отличается значительной активностью, одним из проявлений которой является *объективация* как постоянная функция нормального сознания. Объективация проявляется в том, что, как говорил немецкий психолог Вайншенк (Weinschenk), афферентация, приводящая к физиологическим изменениям в нервной системе, воспринимается субъектом не как таковая, а как изменение во внешней среде. Для осуществления подобной «объективации» или, что примерно то же самое, экстериоризации в мозгу человека должен существовать специальный орган, который и есть сознание. Оно является проявлением жизнедеятельности мозга и одновременно включает и группу механизмов, перерабатывающих поступающую информацию¹⁸¹.

Исходя из этих (в целом правильных) положений, Вайншенк далее ошибочно полагает, что содержанием сознания являются лишь конечные результаты нервной деятельности, протекающей без участия сознания, поэтому сознание есть лишь «островок» в море неосознаваемой нервной активности. Ошибка этого психолога заключается в том, что хотя основная часть психической активности протекает бессознательно и подсознательно, однако сфера сознания не является исключительно местом появления психической активности. Сознание позволяет регулировать поведение и оказывать влияние на неосознаваемые нервные процессы. Вайншенк не замечает, что если бы в сфере сознания не имели место познавательные процессы, целеобразование, целеполагание, элементы предвидения и другие сложные явления, то сознание не могло бы играть такую активную регулирующую роль. Этот «островок» актуального сознания не так прост по своей структуре и содержанию, как может показаться лишь на основе не очень тщательно осуществленной интроспекции.

Идея объективации как функции сознания нам представляется очень важной. Она должна стать частью научной теории сознания еще и по той причине, что изучение творческого процесса, особенно явления «озарения» сознания, показывает, что здесь объективация выступает с отчетливостью. Когда совершается переход психического содержания из подсознательной сферы в сферу сознания, то осознаваемое содержание почти целиком переживается как объективно существующая реальность, а при дальнейшей логической обработке еще больше освобождается от субъективных оценок и элементов самосознания личности. Если решаемая проблема относится к определенной части объективного мира, то процесс появления новой идеи, несмотря на свой интимно психологический характер, переживается именно как познание внешнего мира, т. е. осознаваемые мысли непосредственно объективируются.

Вместе с этим утверждение о том, что объективация присуща только сознанию, мы считаем спорным. Поскольку одной из основных функций всей психики человека является отражение и переживание мира, и поскольку сами познавательные процессы могут быть

¹⁸⁰ См.: Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: «Питер», 2002.

¹⁸¹ См.: Бассин Ф.В. Проблема бессознательного, с. 134–136); Бассин пользовался материалами дискуссии, проводившейся в ГДР по проблемам сознания, опубликованных в журнале «Psychiatrie, Neurologie und medizinische Psychologie», 1960, 2; 1961, 3.

подсознательными и бессознательными, можно выдвинуть гипотетическую идею о том, что свойством объективации обладает вся психика, а не только сознание. Данное утверждение частично подтверждается тем, что, как мы уже сказали в одном из предыдущих разделов настоящей книги, в сновидениях объективация нередко наблюдается с достаточной определенностью.

Б. Разновидности объективации. – Проблему объективации разрабатывал также Л. Узнадзе, хотя он, насколько нам известно, исследовал только один вид этого явления, а именно: встречаясь с препятствием, человек осознанно воспринимает предмет и «идеирует» его (т. е. выражает словом, понятием)¹⁸².

Однако, как нам представляется, существуют и другие разновидности объективации: 1) когда человек встречается с внутренним конфликтом и превращает в предмет сознательного внимания свои идеи и представления, другие свои внутриспихические содержания, имеет место внутренняя объективация; 2) особой подсознательной разновидностью объективации является процесс трансформации представлений в иллюзорные восприятия в сновидениях. (Узнадзе рассматривает подобные трансформации, но не считает их формой объективации); 3) другой специфической формой объективации является процесс галлюцинаторных представлений (когда человек объективирует свои субъективные представления путем их проецирования на внешний мир; таким путем создается воображаемый мир; 4) могут существовать особые разновидности объективации, возникающие при психических патологиях, например, при шизофрении.

Все названные виды объективаций требуют исследования.

Проблема объективации так сложна и имеет такой глобальный характер, что ее решение предполагает раскрытие связей процесса объективации с целым рядом других психических процессов. Поэтому представляет интерес встречающаяся у представителей школы Узнадзе идея о связи объективации с установкой и вниманием.

Приступая к обсуждению проблемы объективации на основе своей концепции установки, Узнадзе вначале весьма уместно ставит вопрос о возможности внимания. (Эту линию исследований необходимо продолжить).

§ 13. Апперцепция и сознание

А. Подход философов. – Для современной психологии сознания сохраняет свою значимость идея Лейбница об апперцепции. Но эта идея нуждается в уточнениях и конкретизации в свете достижений современной психологии.

Лейбниц предложил провести различие между перцепцией и апперцепцией. Как известно, Аристотель считал, что в мышлении человека нет ничего такого, чего до этого не было бы в его ощущениях и восприятиях. Такое понимание источников человеческого познания стало традиционным и сохранилось в течение долгих веков, вплоть до новых времен – времен нового расцвета европейской философии и науки. Лейбниц, насколько нам известно, был первым, кто решил пересмотреть взгляды Аристотеля на познание и отметил различие между перцепцией, с одной стороны, и апперцепцией – с другой. Этим он дал новый импульс развитию иных взглядов не только в философии, но и в зарождающейся научной психологии.

Перцепции, на основе которых создаются ассоциации представлений, Лейбниц считал сущностями низшего разума, т. н. животной души. Апперцепцию же он считал проявлением работы духа. Это активный принцип, активное начало в психической деятельности человека, творческий процесс, который господствует над всей психической жизнью человека. Аппер-

¹⁸² См.: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: «Наука», 1966.

цепция исходит из Я-концепции личности и специфична для сознательной активности. Она свойство разумной монады и коренным образом отличается от неразвитых энтелехий.

И. Кант воспринял идею апперцепции у Лейбница и развил ее, придавая ей более конкретный психологический смысл. Главной и характерной особенностью психики (души) человека Кант считал не то, что она обладает знаниями (последние – результат работы низших ступеней познания), а в том, что душа обладает способностью вносить порядок в массу знания, в содержание психики.

Каким образом выражается такая апперцепция? Она выражается в том, что душа («Я») объединяет и разъединяет психические содержания, раскрывает сходства и различия в этих содержаниях, создает в них порядок. Эта способность исходит из Я-концепции, из «логического единства сознания» и не является результатом позитивной деятельности человека¹⁸³.

Именно подобное психологизированное представление об апперцепции оказало серьезное влияние на всю немецкую психологию, а в определенной мере – и на всю мировую психологию, на теории познания, сознания и самосознания. Оно в дальнейшем разрабатывалось целым рядом немецких мыслителей, в том числе И. Гербартом, В. Вундтом, К. Г. Юнгом и другими.

Б. Психологическое понимание апперцепции. – В современной психологии следует сохранить общую идею Лейбница о том, что Я (душа, психика) вносит известный порядок в содержание сознания, используя для этого различные умственные операции (сравнение, классификацию и др.). Посредством апперцепции дух создает в психике человека порядок и единство.

¹⁸³ См.: Кант И. Критика чистого разума; его же: Антропология.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.